

~~A 221~~
~~449.~~

* МОРСКОЙ *

~~4410~~

Ч

Анархисты будущего.

И.В. Морской.

~~122~~
~~349~~

Анархисты будущаго

(МОСКВА ЧЕРЕЗЪ 20 ЛѢТЪ).

Товарищество типо-литографії Владіміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьинскій участокъ, соб. домъ.
1907.

ЧАСТЬ I*).

Черезъ 20 лѣтъ.

Былъ вечеръ 20 ноября 1927 года. Залитая волнами электрического свѣта Москва казалась особенно оживленной. Вагоны метрополитена, вагоны трамваевъ, экипажи и автомобили пересѣкали во всѣхъ направленихъ ея улицы. Тротуары были полны пѣшеходами; мальчишки-газетчики сновали между ними и громко выкрикивали сенсационные заголовки телеграммъ:

„Побѣда анархистовъ въ Римѣ“...

„Бѣгство соціалистовъ изъ Америки...“

„Покушеніе на Бебеля въ Берлинѣ!..“

И въ этомъ особенному нервному оживлению спущющей толпы и въ звонкихъ выкрикахъ газетчиковъ чувствовалось странное беспокойство, что-то тревожное и обманчивое.

А въ витринахъ магазиновъ и на столбахъ красовались огромныя афиши-плакаты, объявляющія о первомъ представлении на сценѣ Национального театра пьесы Леонида Андреева „Конецъ Мира“.

Драматическое искусство, опережая саму жизнь, вступало въ новую эру, и въ произведеніяхъ новыхъ драматурговъ все сильнѣе и сильнѣе отра-

*) Этотъ романъ печатался въ газетѣ „Утро“ подъ названіемъ „Въ туманѣ будущаго“.

жалось беспокойное ожиданіе неизвѣстнаго будущаго. Художественный театръ, свершивъ свое призваніе для русской сцены, мирно сошелъ на нѣть, и теперь его мѣсто заняли два национальныхъ театра.

О пьесѣ говорили давно; говорили вмѣстѣ съ тѣмъ, что на представлѣніи вожаки крайнихъ партий хотятъ устроить демонстрацію, что одинъ изъ видныхъ дѣятелей соціаль-демократіи Максимъ Горкій, о которомъ уже забыли, какъ о писатѣльѣ, произнесетъ рѣчь изъ ложи, что ему будутъ отвѣтчиать анархисты, и что въ театрѣ назначенъ усиленный нарядъ полиції.

Можетъ-быть, будетъ брошена бомба.

Послѣднее обстоятельство привлекало любопытство публики столько же, сколько и пьеса. Оно придавало любопытству нѣкоторую жгучесть, тѣмъ болѣе, что бомбу бросить ничего не стоило. Появились особенные бомбы, маленькия, величиною въ орѣхъ или пуговицу, но разрушительное дѣйствіе которыхъ было ужасно. Главною составною частью въ нихъ былъ былъ радиѣ и еще одно вновь открытое вещество. Эти бомбы были бы совершенно незамѣтны, если бы не появилось изобрѣтеніе, помогающее ихъ открывать, основанное на сродствѣ радиѣ съ другимъ веществомъ. Уже за десять шаговъ этотъ аппаратъ показывалъ присутствіе бомбы. Онъ былъ похожъ по формѣ на часы, и потому часто открывавшаго на улицѣ часы всегда принимали за ссыпка.

Кромѣ того, пьеса появилась въ очень тревожный моментъ конфликта десятой Государственной Думы съ правительствомъ, снова начавшимъ стре-

миться свести ее къ роли законосовѣщательного собранія. Кабинетъ изъ общественныхъ дѣятелей съ кадетомъ во главѣ, казалось, готовился принять рѣшительныя мѣры, до угрозы оружіемъ включительно, а въ Думѣ предсѣдатель Думы Аладынъ, лидеръ партіи соціалистовъ дѣдушка Горкій и новой партіи соціалистовъ-христіанъ священникъ Петровъ громили кабинетъ своими рѣчами.

Уже въ газетахъ появились объявленія разныхъ предпринимателей изъ Гельсингфорса и Выборга, предлагавшихъ для распущенной Думы различныя помѣщенія, а одинъ изъ нихъ предлагалъ еще кромѣ того типографію, литографію, фотографію и морской пароходъ для поѣздки въ Англію.

Разрывъ Думы съ правительствомъ былъ близокъ, и его боялись потому, что къ моменту этого разрыва анархисты рѣшили пріурочить свое активное выступленіе въ Россіи. Послѣдователей анархизма считали сотнями тысячъ, и они, борясь противъ власти, сами уже представляли собою силу, т.-е. ту же власть.

Въ воздухѣ висѣло ожиданіе новыхъ, неизвѣданныхъ еще событий. Ждали революціи въ Германіи, гдѣ за власть боролись двѣ партіи: соціалисты и анархисты, шли волненія во Франціи, гдѣ недавно постоянная армія была замѣнена въ видѣ опыта милиціей, и въ Австро-Венгріи, и въ Турціи, и даже... въ Швейцаріи.

Старая Европа трещала по швамъ. Близилось время полнаго общественнаго переворота, и отъ него спасались въ Америку и Англію тѣ, кто не ждалъ отъ этого переворота ничего хорошаго.

Въ такой тревожный моментъ пьеса „Конецъ

Мира" была какъ разъ во время.

Александръ Васильевичъ Цвѣтковъ, молодой че-
ловѣкъ лѣтъ двадцати семи, вышелъ изъ вагона
воздушной желѣзной дороги на станціи „Театраль-
ная площеадь" и не спѣша спустился внизъ по
ажурной чугунной лѣстницѣ. Площадь была за-
нята стоявшими и двигавшимися экипажами, а
прямо противъ него Национальный театръ сверкалъ
электрическими огнями; на темномъ, почти чер-
номъ зимнемъ небѣ горѣли свѣтлые буквы, отпе-
чанные прожекторомъ—волшебнымъ фонаремъ.

„Национальный театръ. Конецъ Мира.
Леонидъ Андреевъ".

— И вы въ театръ?—остановилъ Цвѣткова
господинъ въ цилиндрѣ у ступенекъ съ колон-
нами.—Здравствуйте!

Это былъ знакомый Цвѣткова, Сергѣй Петро-
вичъ Пронскій, сотрудникъ газеты „Республикан-
ский Дозоръ."

— Да, я приглашенъ въ ложу,—отвѣтилъ, здо-
роваясь, Александръ Васильевичъ.

— Интересный моментъ,—продолжалъ тотъ.—
Съ часу на часъ ждемъ телеграммы о роспуске
Думы, а настроение такое, какъ-будто бы дѣйстви-
тельно конецъ міра...

Онъ красивымъ, немного театральнымъ жестомъ
указалъ вверхъ на свѣтлые буквы на черномъ
небѣ:

— Мани, текель, фаресъ...

— Однако не слышно еще трубного звука ан-
геловъ,—пошутилъ Александръ Васильевичъ.

— Да, но мертвые пробуждаются... Посмотрите,
кого-кого теперь не вынесетъ наверхъ волна обще-

ственного движенія, оттуда, откуда мы и не ждали
никакого звука, никакой жизни... Мы наканунѣ
удивительныхъ событій. Сегодня анархисты выпу-
стили манифестъ, что они подготовились къ рѣ-
шительной борьбѣ...

— Они проиграютъ ее,—помолчавъ, сказалъ
Александръ Васильевичъ.

— Почему?

— Потому, что убѣжденія не навязываются пу-
темъ силы и давленія, а свобода не завоевывается
кровью и терроромъ...

— Ну, мой другъ, это не ново... Вы такъ и
остались безпартийнымъ, умѣреннымъ прогресси-
стомъ. Теперь не такое время, теперь даже насы-
революціонеровъ, анархисты зовутъ мальчиками,
а надѣ богами соціализма открыто посмѣиваются.
Это и понятно, разъ самъ Бебель на всемирномъ
конгрессѣ соціалистовъ въ Женевѣ объявилъ, что
соціализмъ нужно подмолодить...

— А мнѣ кажется, господа, что я лучше вѣсть
всѣхъ понимаю свободу,—возразилъ Александръ
Васильевичъ,—это уже потому, что у меня нѣть
партийной непримиримости, которая кладеть на все
извѣстный штампель. Анархистамъ кажется, что
вѣнецъ человѣческой свободы—это ихъ ученіе,
соціалистамъ—соціалъ-демократическая республика
и соціализація земли, вамъ—республика иныхъ
формъ, а, по-моему, важнѣе всего освобожденіе человѣ-
ческаго духа и внутреннее совершенствованіе...

— Вы послѣдователь Толстого?

— Вамъ непремѣнно нуженъ авторитетъ?

Въ это время громовой голосъ раздался какъ-
будто бы съ неба, заставивъ вздрогнуть отъ не-

ожиданности разговаривавшихъ и покрывъ своими раскатами шумъ и звонъ оживленной площади.

— Конецъ міра. Пьеса Андреева. Представление скоро начнется!

— Это граммофонъ,—улыбнулся Александръ Васильевичъ;—никакъ не могу привыкнуть къ этимъ громоподобнымъ голосамъ...

— Да, теперь, съ помощью повышенного давленія воздуха на пластинку, человѣческой голосъ можно усилить въ сто разъ. Недавно на Театральной площади былъ митингъ, на которомъ фотографъ говорилъ рѣчъ петербургскаго оратора. Я былъ на Лубянской площади и слышалъ ее отъ слова и до слова! Видите, и техническія усовершенствованія ведутъ къ ломкѣ существующаго строя и окончательному разрыву съ прошлымъ. Конечно, будущее еще весьма загадочно. Но представители уже налицо.

Они вошли въ театръ.

II.

Конецъ міра.

Ярко освѣщенный электричествомъ зрительный залъ былъ полонъ. Занавѣсь, съ изображеніемъ на немъ бѣлой статуей Свободы, чуть замѣтно колыхался. Партеръ, ложи, галлереи верхняго яруса—все было усѣяно человѣческими головами, лицами, плечами и спинами; на фонѣ яркихъ и цвѣтныхъ пятенъ дамскихъ платьевъ скромно чернѣли сюртуки мужчинъ. Не было ни военныхъ, ни полицейскихъ формъ. Представители и тѣхъ и другихъ

носили виѣ службы штатское платье, а порядокъ въ театрѣ поддерживался самой публикой и служителями театра. Полиція присутствовала переодѣтая въ штатское, и только на площади спѣшился отрядъ жандармовъ и стояли двое городовыхъ въ англійскихъ каскахъ и съ тростями, которые замѣнили прежнія шашки.

Александръ Васильевичъ вошелъ въ ложу бельэтажа. Молодая девушка, сидѣвшая у барьера, блондинка съ серьезнымъ лицомъ и задумчивыми глазами, улыбнулась ему навстрѣчу; рядомъ съ нею сидѣла пожилая дама, вся въ черномъ, а въ глубинѣ ложи—толстый, откормленный господинъ безъ бороды и усовъ, съ брезгливымъ выраженіемъ на рыхломъ лицѣ.

Всѣ трое составляли семью Синицыныхъ.

Дисконтеръ когда-то, во времена молодости, Андрей Владимировичъ Синицынъ, учившійся въ университетѣ, самъ называлъ себя хищникомъ. Начавшееся освободительное движение заставило его перекочевать за границу, где онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Крупный собственникъ, онъ смотрѣлъ на новыя общественные волненія съ плохо скрытымъ презрѣніемъ, которое выразилось и на его лицѣ. И анархистовъ, и революціонеровъ, и соціаль-демократовъ, и даже конституціоналистовъ онъ называлъ общимъ именемъ революціонной банды.

— Все это банда,—говорилъ онъ, и собиралсяѣхать въ Англію, страну, которая давала пріютъ какъ бѣжавшему отъ грядущихъ непріятностей изъ своей родины буржуа, такъ и спасавшемуся отъ администраціи политическому преступнику и охранявшую собственное спокойствіе и благополучіе.

Его жена, Дарья Антоновна, или Долли, какъ онъ ее называлъ, была лѣнивое и безразличное существо, не обращавшее вниманія даже на собственную дочь. Анна Андреевна принадлежала къ одной изъ фракцій анархистовъ. Мечтательная и увлекающаяся, она вѣрила, что только анархизмъ способенъ дать и обеспечить людямъ въ полной мѣрѣ свободу и счастье. Отецъ зналъ только, что Аня—революціонерка. Но онъ не придавалъ этому особенного значенія, твердо вѣря, что у Ани крѣпокъ „здравый смыслъ“ и что она никогда не пойдетъ на крайній разрывъ съ семьей и обеспеченностью положенія. Принадлежность же къ партіямъ отвѣтственности не влекла.

Александръ Васильевичъ со всѣми поздоровался.

— Пугаютъ все,—небрежно замѣтилъ ему Синицынъ, намекая на пьесу.—Конецъ міра... Незвѣстно, кто кому будетъ пѣть панихиду. На нашихъ устояхъ міръ просуществовалъ нѣсколько тысячи лѣтъ...

— Ничто не вѣчно, Андрей Владимировичъ!—улыбнулся, хорошо знавшій его, Цвѣтковъ.

— Этотъ граммофонъ на крышѣ... Зачѣмъ они его заводятъ?—слабо проговорила Дарья Антоновна.—Я думала не бомба ли ужъ?

— Никакой бомбы не будетъ,—нахмурилась Аня.

— Вы знаете,—обратилась она къ Александру Васильевичу,—эти общественные басни и слухи могутъ создать своего рода психозъ, который можетъ подействовать на человѣка со слабой волей. Онъ возьметъ, да и бросить бомбу.

— А я бы этого слабовольнаго на висѣлицу,—замѣтилъ, но все-таки понизивъ голосъ, Андрей

Владимировичъ.—Не слабовольничай. Жаль, что смертную казнь уничтожили.

Аня вспыхнула и отвернулась. Послѣднее время она особенно какъ-то не могла равнодушно слышать словъ отца, которыя онъ произносилъ этимъ спокойно-презрительнымъ тономъ.

— Говорить такъ, точно честь этимъ дѣлаетъ, хоть и бранить все,—думала Аня.

— Вонъ Андреевъ, смотрите,—указала она Цвѣткову на сидѣвшаго на противоположной сторонѣ въ глубинѣ ложи бенуара писателя.—А Горькаго нѣтъ?

— Онъ въ Думѣ. Не можетъ же онъ бросить свой постъ!—отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.

— А, можетъ-быть, уже въ Выборгъ уѣхалъ?—сострилъ Синицынъ.

— Я слышала, пьесу хотятъ освистать,—замѣтила Дарья Антоновна.—Будто бы, противъ нея духовенство...

— Можетъ-быть, извѣстнаго направленія,—отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.—Видите, сколько и въ ложахъ и въ партерѣ рясъ?

— А имъ прежде нельзя было посѣщать театры?—спросила Аня.

— Нельзя. Это всего нѣсколько лѣтъ. Вонъ видите, въ той ложѣ, это викарный архіерей... При полной свободѣ совѣсти всякия запрещенія теряютъ смыслъ.

— Слушайте, правда, что въ Москвѣ существуютъ демонисты? Тайная secta демонистовъ?—спросила Аня.

— Сумасшедши... время такое,—брзгливо прощѣдиль Синицынъ.

— Существуютъ. Полуофициално. Имъ не разрѣшаютъ только построить храмъ, какъ, напримѣръ, воздвигнутъ храмъ Чистому Разуму. Въ одномъ изъ переулковъ на Арбатѣ у нихъ тоже есть храмъ. Въ подвалѣ. Ихъ девизъ, или символъ вѣры „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Очищеніе міра посредствомъ зла.

— Вы меня сводите въ этотъ храмъ? — что-то промелькнуло въ лицѣ Ани.

— Нужно устроить черезъ знакомыхъ.

— Хоть демонисткой-то не дѣлайся, — шутливо, но все съ той же брезгливостью бросилъ папаша. — Довольно съ тебя и революціи.

— Въ этотъ моментъ прозвучалъ звонокъ. Электричество потухло. Наступила тишина.

И въ этой тишинѣ, откуда-то издали, изъ глубины закрытой еще сцены, раздался еще слабый, но становящійся все слышнѣе и слышнѣе гулъ, похожій на стонъ. Въ немъ были и свистки машинъ, и крики боли, и стонъ непосильного труда, и рыданія горя, и безумный хохотъ — все это сливалось вмѣстѣ, образуя этотъ и неясный и понятный гулъ.

Подъ этотъ гулъ раздвинулся занавѣсь.

Огромный городъ, облитый краснымъ свѣтомъ потухающей зари. На него глядѣть свинцовое, холдное небо; море, такое же безжизненное, какъ и небо, у его ногъ; бесконечная пустота и вверху и внизу. Въ этой пустынѣ цѣпенѣетъ мысль. А въ городѣ огни. Въ немъ жизнь. Работаютъ фабрики, въ домахъ не спятъ еще люди. Всѣ они придавлены безпощадной, тяжелой, безсмысленной жизнью, въ которой каждый кричить отъ своихъ

страданіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наносить страданія другому. Рядомъ кладбище. На немъ тяжелый угрюмый сумракъ.

И надѣль всѣмъ этимъ стоитъ многотысячелѣтняя скорбь міра. Людская скорбь. И страшно, и неизѣяснимо печально ея лицо, и тянутся къ небу изможденныя, исхудалыя руки, требуя отвѣта на страстныя мольбы.

Одна только теперь мольба на устахъ скорби: „Довольно!“

Артисты-люди ходили, говорили, садились и опять уходили, но надѣль всѣмъ дѣйствіемъ нерушимо и преобладающе стояла его смысль, въ которомъ была главная цѣль автора.

И когда занавѣсь медленно закрылъ отъ глазъ зрителей мрачную картину Молоха-города, и вспыхнуло снова электричество, въ театрѣ сначала была полная тишина.

— Масонъ! — бросилъ изъ среднихъ ложъ чей-то старческий сердитый голосъ.

И словно ожидавшій какого-нибудь внѣшняго толчка, театръ разразился рукоплесканіями.

Театръ наполовину опустѣлъ. Зрители разбрелись по фойз, коридорамъ и лѣстницамъ. Наступилъ тотъ антрактный шумъ и движеніе, которые смыняютъ тишину дѣйствія на сценѣ.

Въ ложу Синицыныхъ вошли два господина. Одинъ изъ нихъ былъ знакомъ Александру Васильевичу — это былъ графъ Дюлеръ, потомокъ французскихъ выходцевъ, но съ традиціями доброго старого крѣпостника, непостижимо живущими въ россійскомъ воздухѣ. Шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ пало крѣпостное право, у графа не было

ни клоука земли, десять лѣтъ, какъ миновала реформа новаго крестьянскаго землеустройства, и граffъ попрежнему брызгалъ слюной на всѣхъ дѣятелей и на всѣ акты освободительного движения, начиная съ 1861 года, и упрекалъ въ измѣнѣ традиціямъ Россіи самого Александра II. Двадцать лѣтъ тому назадъ имя его красовалось въ центрѣ черносотенныхъ организаций, теперь онъ былъ членъ монархической партии, весьма слабо проявлявшей свое существование и неспособной къ вліянію на выборахъ.

Теперь на лицѣ его сияла торжествующая улыбка.

— Увидалъ васъ въ ложѣ, Андрей Владимировичъ, и счѣль долгомъ зайти,—проговорилъ онъ.—Вѣдь конецъ міра. Когда теперь увидишься?—скламбурилъ онъ.—Вы не знакомы? Позвольте вамъ представить моего спутника. Будущій нашъ пророкъ. Дѣлаемъ его редакторомъ газеты...

— Комиссаровъ,—отрекомендовался тотъ.

— Пойдемте,—толкнула слегка Александра Васильевича Аня.

Она поднялась и вышла, кивнувъ головой на поклонъ графа. Александръ Васильевичъ вышелъ за нею.

— Вотъ она, нетерпимость-то,—замѣтилъ онъ ей, улыбаясь.—Отъ людей крайнихъ правыхъ сейчасъ и скокъ.

— Нѣтъ, не то,—слегка нахмурила она брови.—Конечно, нужно уважать чужія убѣжденія, но этого графа я выносить не могу. А о томъ... я что-то читала въ историческомъ журнальѣ. Нехорошее... Надо будетъ справиться.

— Сдѣлать розыскъ?

Она смѣшалась.

— Вотъ вы всегда такъ! Помните, теперь время военное; идеалы свободы еще впереди, и нельзя относиться безучастно къ врагамъ.

— Но вѣдь и меня тогда можно причислить къ вашимъ врагамъ. Я беспартійный...

Она улыбнулась.

— Вы дикий, но я не теряю надежды сдѣлать изъ васъ анархиста. Въ васъ много для этого задатковъ.

Ему была пріятна эта мгновенно проявившаяся въ ней женственность, ея улыбка, и даже то, что она считаетъ его почти „своимъ“ по убѣжденіямъ.

„Она мнѣ нравится“, подумалъ онъ. Но изъ чувства мужской осторожности постарался сейчасъ же заглушить эту мысль и спросилъ.

— Какие же задатки, Анна Андреевна?

— Прямота, самостоятельность, любовь къ свободѣ... и еще... все кажется,—отвѣтила она слегка смѣшившись.—Еще то, что вы даже партійной дисциплины не хотите признавать.

Онъ засмѣялся.

— А сами зовете меня въ партію!.. Куда это лѣтить Пронскій. Сергѣй Петровичъ!—окликнулъ онъ.

— Ну что? Какое впечатлѣніе?—спросилъ тотъ, здороваясь съ Аней.—Я не могу еще разобраться... Что-то ужасно сложное и психологически тонкое. Какъ выразился одинъ критикъ, чтобы сразу понять эту пьесу нужно сначала сойти съ ума, и тогда все станетъ ясно. А вы знаете, что дальше будетъ? Хотите разскажу?—И, не дожидаясь отвѣта, проговорилъ такъ же быстро:—разладъ человѣчества съ самимъ собой. Недостижимость иде-

ала. Революція на землѣ и революція, то-есть измѣненіе законовъ тяготѣнія, въ сферѣ. Гибель земли. Но ея гибель даетъ жизнь новой планетѣ, на которой черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, а, можетъ-быть, и десятилѣтій начнется новая жизнь, не похожая на нашу. Мы ее увидимъ на сценѣ.

— И каждый пойметъ по-своему—замѣтилъ Александръ Васильевичъ.—Анархистъ,—какъ царство анархіи... Все-таки царство,—замѣтилъ это, Анна Андреевна. Соціалъ-демократъ—какъ... и такъ далѣе. Можетъ-быть, только графъ Дюлеръ ничего не найдетъ для себя подходящаго.

— Конечно, это будетъ царство анархизма,—улыбнулась Аня и прибавила, смѣясь:—и я царство сказала.

— Все равно! на землѣ царить и, вѣроятно, долго еще будетъ царить телецъ златой!—махнула рукой Пронской.

Спектакль кончился. Долго не смолкали рукоплесканія. И когда они, наконецъ, смолкли, чей-то густой и громкій голосъ явственно произнесъ съ галлереи верхняго яруса:

— Да здравствуетъ анархія!

И эту фразу подхватили громкіе сочувственные крики.

Послѣ спектакля вся компанія—Синицынъ съ женою и графъ Дюлеръ съ Комиссаровымъ—поѣхали, по старой московской привычкѣ, ужинать въ ресторанѣ. Аня отказаласьѣхать, ссылаясь на усталость и головную боль. Проводить ее домой вызвался Александръ Васильевичъ.

Они пошли пѣшкомъ. Несмотря на поздній часъ

ночи, улицы были полны народа. Съ жужжаніемъ проносились вагоны воздушной дороги, шипѣли автомобили и звонили вагоны трамвая.

Изъ окна зданія „Метрополя“, гдѣ помѣщалась редакція газеты „Ночная Почта“, тянулся къ небу свѣтлый лучъ, и на небѣ яркими буквами рѣзала глаза роковая фраза:

„Часъ тому назадъ депутаты разогнаны силой“.

— Думы нѣтъ,—сказалъ онъ, указывая Ань на эту фразу.

— Я не воображала, что это будетъ такъ скоро. Можетъ-быть, это начало конца,—сказала серьезно Аня.

— Конца міра?—попуттилъ онъ.

— Старого,—отвѣтила она серьезно.

— А вы знаете, мнѣ иногда жаль старого міра,—впадая въ ея тонъ, замѣтилъ Александръ Васильевичъ.—Конечно, не безправія, не произвола,—поспѣшилъ онъ объяснить, увидавъ въ ея глазахъ удивленіе,—а старого спокойствія. Жизни для жизни. Какъ бы вамъ это объяснить? Вы знаете, что я дикий, какъ это ни странно въ наше время, когда всѣ раздѣлились на партіи. Какъ только я сталъ сознательно относиться къ жизни, меня окружила атмосфера политики. Въ ней я росъ, и теперь вокругъ все одно и то же. Дайте же отдохнуть, пожить настоящей жизнью.

Они входили въ эту минуту въ Александровскій садъ, тихій и сумрачный, слабо освѣщенный рѣдкими электрическими лампочками. Недвижно стояли старыя деревья, опущенные легкимъ инеемъ.

— Какой жизнью?—удивилась она.

— Простой... Вотъ какъ живутъ эти деревья, этотъ снѣгъ... Не вертѣться на раскаленныхъ угольяхъ политики.

— Мнѣ кажется, что я понимаю васъ, — сказала она, подумавъ. — Сначала это можетъ показаться смѣшнымъ, что человѣкъ отказывается отъ мысли, отъ участія въ своей судьбѣ, отъ всего, что даетъ политика. Но въ ней человѣкъ можетъ почувствовать себя несвободнымъ. Такъ я васъ поняла?

— Да, да! — отвѣтилъ онъ радостно.
Но она продолжала совершенно неожиданно для него:

— Знаете, это въ васъ, безсознательно еще, говорить анархизмъ!

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Всякій человѣкъ по большей части по своей природѣ анархистъ; — серьезно добавила она. — Только жизнь втискиваетъ его въ тѣ или иные рамки, и онъ привыкаетъ къ нимъ.

Въ Кремль мелодично зазвонили колокола.

— Старые звуки, — задумчиво произнесъ Александръ Васильевичъ. Вотъ такъ они звонятъ много лѣтъ, а какія перемѣны произошли подъ этотъ звонъ. И теперь мы опять на границѣ новыхъ перемѣнъ. Самое быстрое на свѣтѣ, — это человѣческая жизнь. Но слѣды ея вѣчны. Да, они вѣчны!

Онъ проводилъ Анию до одного изъ переулковъ Пречистенки, гдѣ стоялъ ихъ домъ, и простился съ нею на крыльцѣ.

— Заходите къ намъ чаще, — сказала Ания. — Можетъ-быть, мнѣ придется обратиться къ вамъ

за совѣтомъ. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что изъ всѣхъ знакомыхъ я больше всѣхъ могу разсчитывать на васъ...

— Ради Бога, — отвѣтилъ онъ вполнѣ искренно.
Они крѣпко пожали другъ другу руки.

III.

Волненія.

На другой день газеты были полны подробнѣстей о роспускѣ Думы. Такъ какъ депутаты не пожелали уйти изъ зданія добровольно, туда были введены войска. Тогда депутаты уступили силѣ и удалились, предварительно заявивъ протестъ. Предсѣдатель Аладъинъ не пожелалъ встать со своего кресла, и его на креслѣ торжественно вынесли на улицу, гдѣ онъ всталъ и потребовалъ себѣ пальто.

Ему принесли и пальто и шляпу.

Представители крайнихъ партій собрались въ частномъ домѣ, на Пескахъ, а кадеты, по обычаю, отправились на финляндскій вокзалъ. Но движеніе поѣздовъ было остановлено, и уѣхать имъ не удалось.

Премьер-министра пріѣзжали поздравлять съ удачнымъ окончаніемъ сложнаго дѣла, но въ Петербургѣ, въ чиновничихъ кругахъ, уже всѣ были увѣрены, что рѣшить дѣло было очень просто.

— Разрѣшить его такъ могъ бы любой околоточный.

Но и тѣ, кто поздравлялъ, и тѣ, которые говорили, не знали, что вопросъ не оконченъ, а только начинается.

По всей Россіи начались митинги. Полиція разгоняла ихъ, но разогнанные въ одномъ мѣстѣ, они собирались въ другомъ. Образовались невидимые митинги переговорщиковъ по беспроволочному телефону, снабженному микрофономъ съ рупоромъ. Приборъ, поставленный въ комнатѣ, отчетливо передавалъ слова, произнесенные передъ другимъ приборомъ съ одного конца Москвы на другой и даже изъ города въ городъ. Составлялись митинги, участники которыхъ находились въ одинъ и тотъ же часъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Рязани, Новгородѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ.

Можно было бы видѣть какого нибудь горячаго оратора раскраснѣвшагося и жестикулирующаго передъ приборомъ совершенно одиноко въ своей комнатѣ.

Полиція ухитрялась прерывать эти митинги съ помощью своихъ аппаратовъ, вмѣшивалась въ пренія, путала ихъ, записывалаstenографически рѣчи, но прекратить эти митинги не могла.

Бывали случаи, что соціаль - демократический ораторъ, жестикулировавшій и горячо доказывавшій свои взгляды передъ аппаратомъ, вдругъ совершенно неожиданно получалъ отъ него:

- Все это вздоръ и ерунда!
- Откуда возражаютъ, товарищъ? — недоумѣвалъ ораторъ, находящійся въ Москвѣ.
- Изъ Кіева. Товарищъ, — да не твой.
- Кто говорить? — уже озадаченно спрашивалъ ораторъ.
- Агентъ охраннаго отдѣленія.
- И аппараты замолкали.

Появились аппараты, бравившіеся неприлич-

ными словами, и участники „одиночныхъ собраний“ всегда должны были находиться въ приятномъ ожиданіи получить комплиментъ.

Появились слухи о возможности введенія военнаго положенія и о запрещеніи установки въ частныхъ домахъ аппаратовъ беспроволочного телефона. Это техническое усовершенствованіе сбивало съ толку и съ ногъ полицію.

Въ день распуска Думы на анархистовъ ополчились двѣ старыя московскія газеты: „Русскія Вѣдомости“ и „Московскія Вѣдомости“. Послѣднюю газету редактировалъ Бартеневъ, двадцать лѣтъ тому назадъ бывшій членомъ московскаго комитета по дѣламъ печати. Газета требовала смертной казни анархистамъ и введенія военного положенія; приводились выдержки изъ ихъ манифеста. Грингмутъ, принявшій монашество и находившійся въ Почаевской лаврѣ въ санѣ архимандрита, прислая по телеграфу свое благословеніе.

„Русскія Вѣдомости“ писали: „Государственная Дума разогнана, и теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, мы должны быть насторожѣ гражданской свободы. Но мы не должны увлекаться и дать себя завлечь представителямъ крайнихъ анархистскихъ партій, видящихъ въ данномъ此刻 удобный случай. Мы согласны теоретически считаться съ анархизмомъ, но не можемъ не осуждать его призывовъ къ пролитію крови“.

Смертной казни анархистамъ здѣсь не требовали.

Театральная площадь была запружена народомъ, который тщетно старались разсѣять чины полиції въ каскахъ и съ тростями. Они не запрещали

митинга, но не разрешали „занимать площадь и мешать по ней движению“.

— Казаковъ бы сюда,—говорилъ старый полицейский чинъ другому.—Живо бы...

— Будутъ и казаки,—утѣшалъ его тотъ.

Въ толпѣ во многихъ мѣстахъ странныя личности то и дѣло „смотрѣли часы“, а въ одномъ мѣстѣ полиція арестовала-таки анархиста, который требовалъ „отмѣны законовъ, потому что изъ нихъ вытекаетъ произволъ“. Толпа слушала его, а потомъ слушали оратора-трудовика, который видѣлъ проявленіе особаго гражданскаго мужества въ томъ, что предсѣдатель заставилъ вынести себя на улицу въ креслѣ.

Аня утромъ сказала Цвѣткову по телефону, что будетъ на митингѣ, но Александръ Васильевичъ тщетно искалъ ее въ пестрой толпѣ, запрудившей площадь. Раздавались прокламаціи различныхъ партій и отдѣльные номера газетъ, изъ которыхъ вышли только сегодня. Пестрѣлі названія: „Анархистъ“, „Борьба“, „Динамитъ“, „Пролетарій“ и другія.

Мѣстами надъ головами толпы колыхались красные, черныя и зеленые знамена.

У ступеней фасада Национальнаго театра какой-то блѣдный господинъ, сидѣвшій на плечахъ двухъ дюжихъ рабочихъ, говорилъ рѣчъ.

— Товарищи! — кричалъ онъ хриплымъ голосомъ.—Сегодня у насъ нѣтъ настоящаго правительства! Сегодня мы дѣлаемъ первый шагъ къ осуществленію нового свободнаго строя, имя которому—анаѳизмъ. Что же такое анаѳизмъ?

— Законы хантъ... Извѣстно что! — заявилъ

рядомъ съ нимъ человѣкъ въ чуйкѣ.—Долой его!—И закричалъ, приставивъ руки къ губамъ рупоромъ:—Да здравствуетъ конституція!

— Ура! — кричали гдѣ-то въ отдѣльной кучкѣ.

— Анархизмъ, въ противоположность соціализму,—кричалъ блѣдный человѣкъ,—направленъ противъ принудительного порядка вообще! Но это не значитъ, что анархизмъ идетъ противъ всякаго порядка... Естественная свобода и гармонія человѣческой жизни...

Ему не дали продолжать, потому что въ кучкѣ собравшихся людей возлѣ него были ораторы изъ другихъ партій, и здѣсь скоро заговорилъ соціаль-демократъ.

Здѣсь Цвѣтковъ случайно столкнулся съ Аней. Она была возбуждена. Глаза ея блестѣли.

— Вотъ гдѣ сила! — сказала она, восторженно показывая рукою на толпу.—Сегодня иначе дышится! Сейчасъ какой-то студентъ говорилъ рѣчъ, цитируя ее стихами изъ „Бури“...

Въ это время въ толпу медленно вѣхалъ автомобиль, на которомъ блестѣлъ рупоръ граммофона. И тотчасъ раздались громоподобные звуки. Читалась цѣлая прокламація анархистовъ, призывающая къ вооруженному возстанію. Ненавидя насилие, вожди партіи допускали его для завоеванія дѣйствительной свободы.

— Но вѣдь это компромиссъ! — сказалъ Ань Александръ Васильевичъ, но она ничего не отвѣтила ему. Жадно, раскраснѣвшись, она слушала эти громоподобныя слова.

На автомобиль, взявшись за руки, дружно и энергично надвигался отрядъ полицейскихъ, чело-

вѣкъ въ десять, но толпа окружила его кольцомъ и не допускала. Тогда тѣ пустили въ ходъ палки. Ихъ отняли и переломали.

Митингъ окончился самъ собою.

Проводивъ Аню домой, Александръ Васильевичъ вернулся къ себѣ съ цѣлью заняться дѣлами. Онъ былъ юристъ и вель дѣло одного торгового общества. Но дѣловыя мысли не шли въ голову. Онъ думалъ обѣ Анѣ.

— Она мнѣ нравится. Правда, я не чувствую себя сумасшедшими отъ любви, но это любовь, несомнѣнно. И что лучше: страсть или привязанность? Но ее нужно заставить выйти изъ партіи. Непремѣнно. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Эта мысль успокоила его. Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался.

Въ тотъ же день анархистами была брошена первая бомба въ полицейской участокъ. Пострадали два дворника, сторожъ, околоточный и четыре писца. Пьяного, сидѣвшаго за рѣшеткой, разорвало на части, равно какъ и бомбометателя.

Это былъ первый ударъ.

IV.

Тревога.

Кабинетъ начальника охранного отдѣленія представлялъ изъ себя цѣлую физическую лабораторію. И на столѣ и на стѣнахъ помѣщались особенные приборы съ небольшими экранами, на которыхъ, посредствомъ электричества и опять того же радія, можно было видѣть происходившее на разстояніи. Аппараты безпроводочного телефона позволяли все

слышать. Начальникъ охраны могъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, наблюдать за всѣмъ городомъ. Этими приборами были соединены съ охраннымъ отдѣленіемъ всѣ общественные мѣста, гостиницы и даже частныя квартиры, за которыми устанавливалось наблюденіе. Для этого, по соглашенію съ хозяиномъ дома, въ квартирѣ производился ремонтъ, и гдѣ-нибудь, у крючка для лампы, у отдушника печи, незамѣтно закладывался особый электродіальный элементъ. Не нужно было никакихъ проволокъ, и жители квартиры сами того не зная, оказывались въ фонарѣ, а за интимнѣйшими подробностями ихъ жизни слѣдило недреманное око.

Само собой разумѣется, что крайнія партіи не такъ-то легко попадались въ западню и, занявъ квартиру, прежде всего производили въ ней тщательный ремонтъ и обыскъ. У обѣихъ сторонъ было одинаковое оружіе.

Сегодня работали почти всѣ аппараты. Самъ начальникъ сидѣлъ за столомъ, а за особыми конторками помѣщались его помощники. Пускавшіеся въ ходъ телефоны-фонографы то и дѣло бросали въ воздухъ фразы и крики съ металлическимъ оттенкомъ, который придавалъ человѣческимъ голосамъ рупоръ. Тутъ были и отрывки рѣчей ораторовъ, и революціонныя пѣсни, и просто городской шумъ, и музыка, игравшая въ какомъ-то дневномъ театрикѣ.

— Настроеніе рѣзко мѣняется, — замѣтилъ одинъ изъ помощниковъ. — Идетъ огромный митингъ на фабрикѣ Прохоровской мануфактуры.

Онъ нажалъ кнопку, и на экранѣ тотчасъ обрисовались кирпичные стѣны фабрики и закопоши-

лись маленькие фигуры людей, занявшие весь дворъ. Раздалась рѣчь оратора.

Начальникъ досадливо махнулъ рукой:

— Бросьте вы соціалъ-демократовъ... Намъ нужно слѣдить за анархистами. Опасность съ ихъ стороны... Поняли?

Голосъ соціалъ-демократа оборвался; погасла картина на экранѣ. Чиновникъ казался сконфуженнымъ.

— Объ этомъ митингѣ я зналъ еще вчера,— уже легче замѣтилъ ему начальникъ.— Тамъ есть кому слѣдить.

— Конспиративная квартира № 177, — заявилъ другой помощникъ. — Аппаратъ работаетъ.

— А, вотъ это интересно,—замѣтилъ начальникъ.— Это анархисты. Жаль, что съ этимъ номеромъ нѣтъ телефоннаго сообщенія... Ну, ничего, посмотримъ.

Онъ подошелъ къ экрану, возлѣ которого стояло уже трое агентовъ.

Передъ ихъ глазами была небольшая комната, въ которой, вокругъ стола, сидѣло шесть человѣкъ. Двери были закрыты, на окнахъ спущены толстые занавѣски, и потому горѣла электрическая люстра.

— Надо непремѣнно устроить телефонное сообщеніе съ этой квартирой,—нахмурившись, сказалъ начальникъ.— Знаете ли вы собравшихся?

— Трое неизвѣстны. Очевидно, это пріѣзжіе,— отвѣтилъ одинъ агентъ.— Завтра мы будемъ знать, кто они такие. Остальные извѣстны: двое студентовъ и дочь Синицына, Анна Андреевна...

— Гмм... Дочка Андрея Владимировича?

— И недурненская,—осторожно замѣтилъ другой агентъ.

— Отъ такого-то богатства, — вздохнула третій, — да въ анархизмъ! Жить бы въ свое удовольствіе...

— Надъ всѣми этими лицами установить наблюденіе,—оборвалъ этотъ разговоръ начальникъ.

У генераль-губернатора былъ въ это время съ докладомъ градоначальникъ.

Генераль-губернаторъ, изъ строевыхъ генераловъ, назначенный въ эпоху либеральныхъ вѣяній, когда достигнутые порядокъ и спокойствіе казались прочными, смотрѣлъ на свою должность, какъ на почетную синекуру, и сильно былъ взволнованъ тревожнымъ моментомъ и словами градоначальника. Послѣдній, изъ армейскихъ офицеровъ, началъ свою карьеру двадцать лѣтъ назадъ, вызвавъ на дуэль думскаго депутата и тѣмъ обратилъ на себя благосклонное вниманіе. Во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ энергичный и честолюбивый. Нерѣшительность генераль-губернатора казалась ему непростительной.

— Военное положеніе необходимо. Я еще разъ докладываю объ этомъ вашему высокопревосходительству и о томъ же говорилъ сегодня по телефону въ разговорѣ съ министромъ.

— И взглядъ ministra на это?

— Мое мнѣніе таково, что военное положеніе будетъ введено по всей Россіи,—пожалъ плечами градоначальникъ.

— Значить, это пойдетъ помимо меня?

— Важно, чтобы въ Москвѣ военное положеніе было объявлено какъ можно скорѣе,—внуши-

тельно замѣтилъ градоначальникъ. — Центральная организація анархистовъ не въ Петербургѣ, а здѣсь. Необходимо изъять изъ употребленія беспроволочный телефонъ.

— Итакъ... это необходимо, — проговорилъ генералъ.

— Этого требуетъ благо Россіи, — внушительно замѣтилъ градоначальникъ.

Этотъ разговоръ велся вдвоемъ, съ глазу на глазъ, но тѣмъ не менѣе, скоро во всѣ газеты проникъ слухъ, что въ Москвѣ будетъ введено военное положеніе. Всѣми крайними газетами обоихъ направлений этотъ слухъ встрѣченъ былъ съ радостью, конечно, противоположнаго свойства.

— Итакъ, война объявлена! — радостно привѣтствовалъ этотъ слухъ „Динамитъ“.

Газета „Борьба“ свой лозунгъ „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“ напечатала красной краской.

Александръ Васильевичъ два дня не могъ встрѣтиться съ Аней: онъ два раза былъ у Синицыныхъ и оба раза не засталъ ея дома. Его начинало беспокоить это отсутствіе.

— Куда можетъ бросить ее это увлеченіе? — думалъ онъ. — Она способна на самопожертвованіе въ своемъ порывѣ.

Ему вспомнилось прекрасное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, посвященное русской женщинѣ:

„И тяжелая дверь захлопнулась за нею“.

— Неужели она захлопнется и за Аней?

Онъ нервничалъ, пробовалъ было себя убѣдить, что ему нѣтъ никакого дѣла до этой дѣвушки, съ синими задумчивыми глазами, но тотчасъ же это

лицо съ синими глазами воскресало въ памяти, и мысли принимали другое направленіе: въ нихъ была она.

Это было мучительное состояніе. На него находили минуты, когда онъ могъ бы обрушиться на нее съ рѣзкими упреками, съ горькими словами, а за этими минутами приходили другія, когда онъ могъ бы расплакаться, встрѣтивъ ее.

Александръ Васильевичъ сидѣлъ дома. Его никуда не тянуло. Безмолвный телефонъ, висѣвшій у него въ кабинетѣ, дразнилъ его. Аня часто говорила съ нимъ по телефону, и вотъ уже два дня нѣтъ призывнаго звонка.

Раздался звонокъ въ прихожей. Онъ вздрогнулъ. Неужели Аня? Она иногда навѣщала его экспромтомъ. Но это была не она, а Пронскій. Онъ былъ веселъ и оживленъ.

— Заваривается каша! А вы хандrite? — весело заговорилъ онъ, усаживаясь къ столу. — Въ такое кипучее время — и хандриТЬ! Вотъ что значить не принадлежать ни къ одной партіи!

— Вотъ эти-то партіи мнѣ и надоѣли, — желчно замѣтилъ Александръ Васильевичъ. — Раскололась вся жизнь.

— Относитесь къ жизни объективнѣе и наблюдайте. Вѣдь такъ много нового и интереснаго. Вотъ хотите, сѣѣздимте вмѣстѣ къ масонамъ. У меня тамъ есть знакомые...

— А вы къ демонистамъ имѣете доступъ?

— Могу найти...

— Такъ вотъ, устройте намъ входъ вдвоемъ. Онъ вспомнилъ... Объ этомъ просила Аня.

— Хоть бы женщины не втягивали въ эту борьбу, — съ досадою проговорилъ онъ.

— Ого, какой вы ретроградъ! Да вы знаете, что роль женщинъ въ освободительномъ движениі ничуть не ниже мужской... Женщины прямолинейнѣе, а потому, можетъ-быть, и смѣлѣе. Вспомните, сколько женскихъ жизней унесло и освободительное движение и такъ называемая „эпоха русского парламентаризма“.

Опять раздался звонокъ. На этотъ разъ это была Аня. Не снимая верхней кофточки, она быстро вошла въ комнату.

— Вы сердитесь? Да? — сказала она Александру Васильевичу, крѣпко пожимая ему руку. — Сама звала васъ и сама же пропала? Здравствуйте, Сергѣй Петровичъ, — поздоровалась она съ Пронскимъ.

Тотъ съ улыбкой смотрѣлъ на перемѣну, проишедшую съ Александромъ Васильевичемъ.

— Влюбленъ, влюбленъ, какъ мальчикъ, — подумалъ онъ, фразириуя Онѣгина.

Аня, не снимая кофточки, присѣла къ столу.

— Я потомъ все вамъ расскажу, — заговорила она. — Не было ни минуты свободной. Вчера даже не почевала дома. Понимаете, работы теперь по горло...

Александръ Васильевичъ любовался ея оживлениемъ.

— Бросьте вы вашихъ анархистовъ, — сказалъ онъ тихо.

— Бросьте?.. Но къ кому же итти? Къ тѣмъ, которые только играютъ словами, но не способны ни на настоящую борьбу, ни на само-пожертвованіе? Или къ тѣмъ, которые еще вѣрятъ, что приведутъ родину мирнымъ путемъ къ „воз-

можному преуспѣянію?“ Полноте! Тѣ, которые жаждутъ настоящаго дѣла, всѣ давно уже отшатнулись отъ нихъ вѣво.

— Такъ ли это? — спросилъ онъ тихо.....

Аня засидѣлась, хотя и говорила, что торопится домой.

Пронскій ушелъ, обѣщавъ устроить посвѣщеніе храма демонистовъ. Спохватилась и Аня.

— Такъ поздно! Нужно итти домой!

— Я васъ провожу, — предложилъ онъ.

— Нѣтъ, не нужно. Садитесь и работайте. Вы сегодня кислый.

— А вы меня не мучьте, — вырвалось у него полушутливо, полусерьезно.

— Я? Васъ?

Она поняла и слегка покраснѣла.

— Не говорите глупостей. Человѣкъ мучить себя только самъ. Вотъ такъ! Будьте пайнейкой!

Она сбѣжала съ лѣстницы и крикнула ему уже снизу, съ полуосвѣщенной площади:

— Позвоните мнѣ завтра въ телефонъ!

Дверь хлопнула. Она ушла.

V.

Разрывъ.

Въ великолѣпно обставленномъ кабинетѣ Андрея Владимировича Синицына сидѣлъ графъ Дюлеръ. Оба курили сигары.

— Слава Богу, наконецъ-то введено военное положеніе — говорилъ графъ. — Теперь будетъ хоть какой-нибудь порядокъ. Я всегда говорилъ, что

виною всему и у насъ, и въ Европѣ—это парламентаризмъ, а вовсе не обостреніе соціальныхъ условій. Теперь всякому хочется если не въ министры, то хоть въ депутаты... Съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ...

Онъ тихонько засмѣялся, наблюдая, какое впечатлѣніе произвели на хозяина его слова.

Тотъ молчалъ.

— На все успѣли насмотрѣться,—продолжалъ графъ.—Были и у насъ министры изъ купцовъ, предсѣдатели Думы—изъ наборщиковъ, городскіе головы—изъ рабочихъ... Чего еще намъ нужно? Я самъ, по убѣженіямъ, больше демократъ, но нельзя же на все класть грязную лапу. Западноевропейскія говорильни тоже доказали свою несостоятельность. Это очевидно.

— Потому-то я и говорю, уважаемый Андрей Владимировичъ, что все наше спасеніе въ возвращеніи къ старому режиму, конечно, съ некоторыми измѣненіями...

— Какъ же вы этого добьетесь? — спросилъ Андрей Владимировичъ.—Двадцать лѣть вы, господа, не могли выбиться изъ третьихъ и даже четвертыхъ ролей.

Графа немного передернуло.

— Потому что правительство было обмануто кадетами. И вотъ видите, къ чему это привело: къ анархіи! Теперь правительству можно опереться только на насъ... Если и новая Дума окажется такою же, какими были десять первыхъ, то такъ называемой русской конституціи скажутъ аминь.

— Но зачѣмъ же тогда объявлены выборы черезъ пять мѣсяцевъ?

Графъ пожалъ плечами.

— Еще одинъ послѣдній опытъ. Я глубоко вѣрю, что все спасеніе Россіи—это возвращеніе къ старому режиму. Всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ. Страна—это фабрика; государственность—это внутренній на ней распорядокъ. На фабрикѣ долженъ быть хозяинъ, директора, бухгалтеры, конторщики, сторожа и мастеровые, приставленные каждый къ своему рычагу. Фабрика станетъ, если все мастеровые захотятъ въ директора. Это—абсурдъ. Такъ и въ государствѣ.

— Это я понимаю,—слегка улыбнулся Андрей Владимировичъ.

— Тогда идите къ намъ!—воскликнулъ графъ.—Мы за порядокъ, а вы, Андрей Владимировичъ, вы—одинъ изъ представителей той силы, которая до сихъ поръ можетъ двигать горами.

— Это вы насчетъ денегъ?

— Безъ нихъ ничего не сдѣлаете.

Андрей Владимировичъ помолчалъ.

— Денегъ я вамъ, пожалуй, дамъ, — сказалъ онъ, наконецъ,—немного... пока.

— Даешь много,—подумалъ графъ. — Я еще тебя удивлю.

Онъ молча, въ знакъ благодарности, наклонилъ голову... И продолжалъ:

— Я оптимистъ. Это спасало меня въ минуты пораженій. Двадцать лѣть пораженій. Но теперь я смотрю на начавшуюся смуту глазами полководца, который долго отступалъ. Анархія, это—наша союзница. Она уничтожить все и поглотить самое себя.

Останемся только мы. Я вѣрю въ общемировую роль Россіи. Она призвана спасти Европу отъ этой гидры.

Во Франції опять будетъ король,—продолжалъ онъ почти съ пафосомъ;—какой музыкой звучать эти слова: при французскомъ королевскомъ дворѣ! Маркизы... старый Тюльери...

Онъ полузакрылъ глаза. Онъ мечталъ.

— Ну что же, начинайте! — сказалъ Андрей Владимировичъ не то сочувственно, не то презрительно.

— И начнемъ. У насъ найдутся люди. Нашимъ союзникомъ будетъ даже Духъ земли, который дастъ намъ миллионы крестьянства...

— Это какъ же? — удивился Синицынъ.

— Очень просто: мы пришугнемъ мужиковъ надѣленіемъ евреевъ землею.

— Ловко,—сказалъ, помолчавъ, Андрей Владимировичъ.

— Всякое оружие хорошо въ борьбѣ! Вѣдь эта гидра разрушаетъ даже семью. Я долженъ васъ предостеречь, уважаемый Андрей Владимировичъ: ваша дочь...

— Что? — отрывисто спросилъ Синицынъ.

— Она подъ наблюденіемъ охранного отдѣленія. Я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ. Она принадлежитъ къ опасной фракціи анархистовъ... Ее могутъ арестовать.

Синицынъ былъ пораженъ. Онъ самъ называлъ свою дочь революціонеркой, но, откровенно говоря, былъ убѣжденъ, что это все наносное, жертва моды, и у Анны природный здравый смыслъ не допустить ее впасть въ ошибку.

—安娜—анархистка?

— Увы!—вздохнуль графъ.—Кто не дѣлаетъ ошибокъ въ молодости!

Синицынъ былъ спокоенъ, но въ немъ поднималось холодное и жесткое чувство противъ дочери.

Аня была дома вечеромъ, когда въ комнату вошелъ отецъ.

Онъ никогда почти не заходилъ къ ней: холодное отношение къ домашнимъ было отличительной чертой Синицына; съ дочерью онъ былъ всегда далекъ.

Аня читала книгу и удивленно взглянула на отца.

Тотъ подвинулъ стулъ и сѣлъ

— Я долженъ съ тобою поговорить,—сказалъ онъ.—Про тебя идутъ дурные слухи.

— Дурные слухи... Про меня?—покраснѣла Аня.

— Въ одинъ прекрасный день тебя могутъ арестовать. Согласись, что это не доставить особенного удовольствія ни мнѣ, ни матери.

Аня молчала.

— Я не вмѣшивался до сихъ поръ въ твои убѣжденія, надѣясь на твой здравый смыслъ. Но оказывается, что я слишкомъ понадѣялся. Ты скомпрометировала себя, связавшись съ этими анархистами. Я не понимаю, чего тебѣ нужно?—продолжалъ онъ, съ недоумѣніемъ разводя руками.—У тебя прекрасная комната, электричество, все нужное и пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ на карманные расходы! Ты не подумала, что можешь лишиться всего этого?

— Да... я не думала,—вся пунцовава отвѣтила Аня.

— Именно, ты можешь лишиться. Въ первый разъ я пользуюсь правомъ отца и запрещаю тебѣ всякую политику!

— Это насилие! — вырвалось у Ани.

— Что?! — нахмурия брови, произнес Синицынъ.

— Я не согласна. Я уѣду отъ васъ! — твердо произнесла Аня.

Глаза ихъ встрѣтились, но Аня не опустила своихъ.

— Рѣшительный шагъ! Свобода! — проносились въ ея головѣ обрывки мыслей.

Синицынъ пожалъ плечами, всталъ и вышелъ.

— Одумается, — рѣшилъ онъ. — Онъ все еще надѣялся на „здравый смыслъ“ Ани.

Черезъ полчаса въ квартирѣ Александра Васильевича затрещалъ телефонъ. Цвѣтковъ сразу узналъ голосъ Ани.

— Меня выгнали изъ дома. Полный разрывъ, — говорила она. — Отецъ уѣхалъ, а мама плачетъ и заперлась. Впрочемъ, можетъ-быть, теперь и не плачетъ. Можно мнѣ со всѣмъ моимъ скарбомъ пріѣхать пока къ вамъ, а потомъ мы вмѣстѣ пойдемъ искать мнѣ комнату?

— Располагайте мною и моей квартирой, какъ вамъ угодно! — отвѣтилъ онъ. — Жду!

И поймалъ себя на томъ, что бѣда Ани лично для него — счастливое происшествіе.

VI.

Среди „настроений“.

На другой день Аня жила уже на „собственной“ квартирѣ. Это была маленькая комната въ одно окно, въ которой едва устанавливались комодъ, кровать, столъ и три стула. Александръ Васильевичъ пришелъ въ ужасъ отъ этой комна-

ты, но Аня настояла на томъ, чтобы ее нанять. Комната по существующимъ цѣнамъ стоила недорого, всего двадцать рублей, хотя была въ восьмомъ этажѣ. Впрочемъ, подъемная машина заставляла не замѣтить этой вышины.

Зато изъ окна открывался великолѣпный видъ на Москву во всемъ ея смѣшаніи современности съ остатками старины и башнями Кремля, точно часовыми вокругъ старинныхъ соборовъ и дворца императора.

Рядомъ съ комнатой Ани жилъ другой квартирантъ, пожилой человѣкъ, который открылъ дверь и съ любопытствомъ смотрѣлъ на новыя лица.

— Это нашъ Максимъ Максимовичъ, — назвала его хозяйка квартиры. — Онъ немного нездоровъ, но это чудеснѣйшая личность.

Она тихонько показала Александру Васильевичу на лобъ. И когда они втроемъ стояли у окна, любуясь видомъ Москвы, Максимъ Максимовичъ тихонько вошелъ въ комнату и представился, поклонивъ руки Анѣ и Цвѣткову.

— Отставной капитанъ Лапшинъ... Боленъ родиной...

Александръ Васильевичъ только теперь разсмотрѣлъ его лицо, желтое, изможденное, съ лихорадочно блестящими глазами.

— Нанимаете комнату у Дарьи Яковлевны? — спросилъ Лапшинъ. — Отлично. Будемъ жить по сосѣдству. Вмѣстѣ ждать общей гибели...

— Да будетъ вамъ, — Максимъ Максимовичъ, — шутливо замѣтила ему хозяйка, — съ вашей-то гибелью!

— Всѣ погибнемъ, Дарья Яковлевна, всѣ! Не

на кого опереться родинѣ! — торжественно заговорилъ сумасшедшій. — Нѣть у насъ ни одного класса, ни одного сословія съ потребностью сози-датъ, а не разрушать! Народъ... онъ испорченъ снизу и до верху! Мы — вырождающаяся нація! Что у насъ? Одни стихійные взрывы! И будетъ общий стихійный взрывъ, и все погибнетъ. Все! Конецъ міра!

Онъ протянулъ вверхъ руку, и эта рука тряслась, а на глазахъ показались крупныя слезы.

Хозяйка увела его изъ комнаты.

— Анна Андреевна, здѣсь вамъ нельзя оставаться, — сказалъ Александръ Васильевичъ. — Этотъ сумасшедшій...

— Хозяйка мнѣ говорила, что онъ очень тихій, — отвѣтила Аня. — Безпокоить онъ меня не будетъ. Наоборотъ, это будетъ создавать известное настроеніе, будить энергію.

Александръ Васильевичъ не сталъ спорить. Комната была напята.

Прошло нѣсколько дней. Александръ Васильевичъ почти каждый день бывалъ у Ани или она у него. Нѣсколько разъ они вмѣстѣ обѣдали. Въ немъ все болѣе и болѣе крѣпло чувство привязанности.

Но послѣ того полунамека, полуобѣясненія, когда онъ провожалъ Анию изъ своей квартиры, Александръ Васильевичъ ни разу не обмолвился о своемъ чувствѣ. Между ними установились простыя, братскія отношенія. Вмѣстѣ съ нею Александръ Васильевичъ чувствовалъ себя легко и спокойно, но зато у себя, въ одиночествѣ, его все чаще и чаще начало посѣщать мрачное на-

строеніе. Тогда онъ вспоминалъ Максима Максимовича и его слова обѣй общей гибели.

— Не схожу ли я съ ума? — иногда съ ужасомъ задавалъ онъ самому себѣ вопросъ. Ему начинало иногда казаться, что и вокругъ все сумасшедшіе. Онъ просматривалъ газеты всѣхъ направленій, и въ этомъ хаосѣ различныхъ статей и воззваній, во всей этой партійной тактикѣ открывалъ одно общее, что связывало вмѣстѣ всѣхъ этихъ пророковъ и политиковъ разной окраски.

Это общее — было настроеніе тревоги.

— Всѣ говорятъ обѣ общемъ благѣ, — думалъ Александръ Васильевичъ, — и у всѣхъ оно различно. Общее благо никогда не будетъ дѣйствительно „общимъ“. Теперь нужна была бы безпартійная газета, высоко поставившая обновленіе человѣческаго духа и уваженіе къ человѣку. Впрочемъ, чтобы она могла сдѣлать?

Его охватывалъ ужасъ безсилія передъ стихіей, ужасъ безсилія отдѣльной личности передъ порывомъ массъ.

Онъ понималъ, что отъ этого можно сойти съ ума.

Александръ Васильевичъ началъ было писать большую газетную статью, но бросилъ ее на половинѣ. Все равно, ни одна газета ее бы не напечатала.

Такъ прошло еще полторы недѣли.

— Вы знаете, — сказала ему Аня, — у насть пропалъ Максимъ Максимовичъ!

Онъ былъ въ гостяхъ въ ея крошечной комнатѣ. Они собирались вмѣстѣ осмотрѣть выставку картинъ.

— Пропалъ? — удивился Александръ Васильевичъ. Онъ уже успѣлъ привыкнуть къ этому меланхолику.

— Да! уже три дня! Хозяйка заявила въ полицію! И какъ странно: все его платье здѣсь, онъ ушелъ въ халатъ, а наканунѣ самъ смастрилъ большой деревянный крестъ...

— Его давно бы слѣдовало отправить въ больницу, — замѣтилъ Александръ Васильевичъ. Ему было непріятно, что это исчезновеніе разстроило Анию.

Спустившись по подъемной машинѣ, они наняли автомобиль и поѣхали на выставку.

На улицахъ было обычное оживленіе, но какъ измѣнилась за это время Москва! Полицейские стояли на постахъ по-двоемъ, и уже не съ прежними тростями, а съ вновь изобрѣтѣнными электрическими револьверами, отъ которыхъ батареи въ видѣ патронныхъ сумокъ прикрѣплялись къ поясу. Такой револьверъ могъ выбросить до двухсотъ электрическихъ искръ, — по двадцати въ секунду, — и дѣйствіе ихъ было одинаково съ ударомъ молніи.

Недавно городовой выстрѣломъ изъ такого револьвера убиль анархиста, бросившаго бомбу, и той же искрой расщепало и повалило телеграфный столбъ.

Не было сборищъ на улицахъ, прохожіе молча и сосредоточенно спѣшили по своимъ дѣламъ.

Выставка помѣщалась въ залахъ Историческаго музея. Устроило ее новое общество художниковъ, носившее название „Союза ясновидящихъ“.

Уже зажглось электричество, когда Аня и Александръ Васильевичъ вошли въ первую залу.

На первомъ полотнѣ была изображена лиловато-мутная дымка и ярко-свѣтлая точка посрединѣ, похожая на огненный зрачокъ. Нужно было долго, пристально смотрѣть въ этотъ зрачокъ, и тогда, по словамъ критиковъ, воображеніе художника гипнотически передавалось зрителю, и онъ „начиналъ видѣть“ образы, реально не переданные на полотно.

Называлась картина „Воплощеніе Духа“.

Аня и Александръ Васильевичъ до слезъ смотрѣли на огненный зрачокъ, но воображеніе автора не передавалось имъ. Впрочемъ, Александру Васильевичу показалось, что онъ видѣтъ голову турка или армянина въ фескѣ.

Публики было мало.

Александръ Васильевичъ и Аня, перебрасывалась короткими замѣчаніями, проходили мимо полотенъ, почти не останавливаясь передъ ними. Одно изъ полотенъ было поставлено къ зрителямъ обратной стороной. Эта картина называлась „Загадка“.

Въ послѣдней залѣ было совсѣмъ пусто. Аня присѣла отдохнуть.

— Знаете, что, по-моему, представляетъ вся эта выставка? — сказалъ ей Александръ Васильевичъ.

— Что?

— Это — заблудившійся духъ человѣка въ поискахъ истины и красоты.

— Заблудившійся... — повторила она машинально.

— А вамъ не кажется, что и всѣ мы заблудившіеся? — спросилъ онъ ее, — стремящіеся „отгадать жизнь“ и свои отгадки возводящіе въ культь

истины? И всѣ мы ошибаемся. И даже всѣ эти политическія теченія, все это—отгадка жизни...

— Но кто же дѣйствительно „отгадаетъ“ жизнь?—вырвалось у нея.

— Я не знаю. Я такой же отгадчикъ, какъ и вы, какъ и всѣ... Только мнѣ кажется, что эта „отгадка“ проще, чѣмъ думаютъ.

„Жизнь“!..

И вдругъ онъ почувствовалъ, что все его существо охватило что то новое, могучее, радостное, свѣтлое, точно въ окно брызнули снопы солнечнаго свѣта и волнами ворвался теплый весенний воздухъ. На глазахъ у него показались слезы, легкая судорога прошла по лицу, и онъ прошепталъ, наклонившись къ ней:

— Развѣ ты не видишь, не чувствуешь, что я тебя люблю?

— Я это знаю,—отвѣтила она, также шопотомъ.—Но, милый, не будемъ пока говорить объ этомъ... Послѣ... потомъ...

— Но почему же?—вырвалось у него почти съ болью.

— Близка... отгадка жизни!—проговорила она тихо.

— Но ты... ты любишь?

— Да!—отвѣтила она, прямо взглянувъ ему въ глаза.

Они подъ руку спустились съ лѣстницы и вышли на Красную площадь. Передъ ними темнѣлъ памятникъ Минину и Пожарскому, направо краснѣла старая зубчатая стѣна Кремля.

Со стороны Замоскворѣчья поднимался туманъ надъ незамерзшей еще рѣкой, и вдругъ изъ это-

го тумана блеснулъ свѣтлый лучъ, и тотчасъ же на темномъ облачномъ небѣ отпечатались огненные буквы:

„Да здравствуетъ анархія“!

Они уже ѿхали домой на автомобильѣ, когда мимо нихъ проскакалъ отрядъ конной полицейской стражи.

Отрядъ мчался атаковать прокламатора-анархиста.

Дома Александру Васильевичу подали номеръ „Вечерней Газеты“. Въ отдѣлѣ мѣстной хроники онъ прочелъ:

„Сегодня задержанъ полиціей психически-больной отставной капитанъ Лапшинъ. Почти неодѣтый, съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ, онъ проповѣдывалъ покаяніе и конецъ міра. Умопомѣшательство на религіозно-политической почвѣ —характерное явленіе нашего времени“.

VII.

Министерство Римана.

Анархисты не даромъ объявили въ своихъ прокламаціяхъ и манифестахъ о своемъ выступлениі въ активной борбѣ съ правительствомъ. Террористическія покушенія начали совершаться по всей странѣ. Каждый день газеты сообщали то о новомъ взрывѣ, то объ убийствѣ, то о нападенії. Во всѣхъ газетахъ появились отдѣльные рубрики, посвященные этой новой „злобѣ дня“.

Въ Европѣ было не лучше, и въ Германіи ожидали опубликованія нового закона объ анархистахъ, устанавливающаго смертную казнь уже

за одну принадлежность къ крайнимъ фракціямъ этой партии и ссылку на каторгу за принадлежность къ среднимъ.

Но всѣ гонения служили пока только на пользу анархистамъ, рекламируя ихъ среди населения.

Одна изъ анархистскихъ газетъ, издававшихся въ Англіи, даже отмѣтила съ ироніей:

„Мы очень благодарны правительствуевъ европейского материка за рекламированіе нашей партии!“

Въ Россіи также ожидали новыхъ законовъ объ анархистахъ, но такъ какъ Думы не было, а, следовательно, издавать законы было нельзя, то эти законы должны были называться временными правилами.

Говорили о введеніи вновь смертной казни.

Вся страна была похожа на озеро, надъ которымъ поднималась зловѣщая грозовая туча. Вихрь еще не налетѣлъ, но уже вся поверхность волновалась тяжелой зыбью, надъ которой мѣстами всплескивались бѣлые гребни валовъ.

Въ одинъ прекрасный день въ газетахъ появилась телеграмма, извѣщавшая объ отставкѣ премьер-министра.

Преемника ему не было. Вмѣстѣ съ нимъ распался и кабинетъ. Мѣста министровъ временно заняли ихъ товарищи, а одинъ изъ портфелей, за неимѣніемъ настоящаго ministra, взялъ директоръ департамента.

Газеты начали пестрѣть именами дѣйствительныхъ и воображаемыхъ кандидатовъ, но скоро всѣ эти предположенія опрокинула коротенькая официальная телеграмма:

„Премьеръ-министромъ назначенъ военный министръ генералъ Риманъ“.

Генералъ быстро, по военному, сформировалъ новый кабинетъ и выпустилъ декларацию, въ которой намѣчались два пункта: быстрота и дисциплина.

Новый премьеръ началъ дѣйствовать рѣшительно: онъ запретилъ съѣздъ представителей кадетскихъ партій. Кадетскіе делегаты попробовали было ему возражать, но генералъ рѣшительно пригрозилъ имъ арестомъ.

Кадетамъ оставалось только одно: сноваѣхать въ Гельсингфорсъ.

Но кадеты устроились иначе: они объявили митингъ по безпроводочному телефону. Начало должно было произойти въ Москвѣ.

Для московской полиціи настало тяжелое время. Особые агенты охотились за аппаратами безпроводочного телефона и конфисковывали ихъ, но совершенствующаяся техника и здѣсь насолила агентамъ административнаго порядка: появились новые приборы безпроводочного телефона, которые легко было прятать въ карманѣ.

На улицѣ, въ вагонѣ, гдѣ угодно, можно было вынуть изъ кармана аппаратъ, изъ другого трубку, зарядить его и разговаривать совершенно свободно съ другимъ лицомъ, обладателемъ однотипнаго аппарата.

Градоначальникъ былъ въ отчаяніи и опубликовалъ обязательное постановленіе, по которому всякий обладатель безпроводочного телефона, не имѣвшій разрешенія, подвергался штрафу въ три тысячи рублей.

Скоро были изданы временные правила о введеніи смертной казни.

„Для устрашения враждебныхъ обществу элементовъ и для огражденія безопасности и благо-
состоянія мирныхъ гражданъ“, какъ сказано было
въ этихъ правилахъ.

И опять газеты анархистовъ встрѣтили это
объявление съ радостью.

„Мы все ближе и ближе сталкиваемся лицомъ
къ лицу съ нашими врагами“, писали ихъ пред-
довики въ разнообразныхъ газетахъ. Въ одной
Москвѣ было закрыто пять газетъ, но редакторы
ихъ скрылись.

На ряду съ правительственной борьбой противъ
анархистовъ, съ принадлежащими къ этой партии
стали бороться и общественные элементы. Члены
конституціонныхъ партій читали лекціи противъ
анархизма, а чернь въ нѣкоторыхъ городахъ под-
вергла анархистовъ избіенію, при чмѣль нѣсколько
анархистовъ было убито.

Студентовъ стали называть анархистами.

Въ отвѣтъ на эти нападки изъ общества анар-
хисты объявили, что будутъ мстить и враждебнымъ
общественнымъ элементамъ.

„Въ нашихъ рукахъ,—говорилось въ прокла-
мацияхъ,—есть могучее средство заставить нашихъ
враговъ признать себя побѣженными“.

Но это средство пока хранилось въ тайнѣ.

VIII.

„Просвѣтленіе“.

Въ это время въ Москвѣ появилась новая га-
зета, издателемъ которой значился графъ Дюлеръ.
Она называлась „Просвѣтленіе“.

Это былъ революціонный органъ крайнихъ пра-
выхъ, и общество поражено было смѣлостью, съ
какой эта газета обрушилась на анархистовъ и на
всю лѣвую оппозицію. Въ ней стояла отборный-
шая ругань. Крестьянъ пугали тѣмъ, что евреи
отнимутъ у нихъ землю, и призывали ихъ къ воз-
станію, чтобы вернуть странѣ старый порядокъ.

„Насъ губятъ Дума, жиды и анархисты!“ круп-
ными буквами печатала газета.

Ея номера тысячами бесплатно разсыпались въ
провинцію.

— На эту газету далъ деньги мой отецъ,—го-
ворила Аня Александру Васильевичу.—Какъ ужас-
на эта проповѣдь человѣконенавистничества!

— Но вѣдь, Аня, ты сама признаешь необхо-
димыми покушенія анархистовъ,—возразилъ Алек-
сандъ Васильевичъ.—А это развѣ гуманно?

— Это—война!—вздохнула Аня.—Мы не тро-
гаемъ мирныхъ гражданъ.

— А послѣднее покушеніе въ Варшавѣ, при
которомъ погибло нѣсколько человѣкъ женщинъ
и дѣтей,—возразилъ ей Александръ Васильевичъ,—
развѣ это не ужасно! Ты скажешь: это несча-
стный случай? Согласенъ. Но развѣ можно свали-
вать все на случай, когда употребляютъ такие
страшные разрывные снаряды? Вѣдь одна бомба
величиною въ орѣхъ вырываетъ цѣлую брешь въ
стѣнѣ дома. Вѣдь такой случай нисколько не отли-
чается отъ убийства, а если поставить рядомъ убий-
ство и человѣконенавистничество...

— Ты хочешь сказать, что анархисты такие же
человѣконенавистники?—покраснѣла Аня.

— Вовсе нѣть, ты не такъ меня поняла! Цѣль

анархистовъ красивѣе ихъ цѣли, но называете ее вы одинаково „общимъ благомъ“. Но тамъ, гдѣ проливается кровь, нарушается высшая правда, высшая свобода человѣка—его право жизни, и на обрызганной кровью землѣ вырастаетъ человѣко-ненавистничество...

— А, по-моему, человѣконенавистничество было раньше,—вразила Аня.—Я понимаю только твоё отвращеніе къ крови...

— Ты и сама чувствуешь это отвращеніе? Неправда-ли!—воскликнула она съ жаромъ.

Она кивнула головой:

— Это правда.

— Какъ я радъ!—вырвалось у него.—Ты знаешь, я не говорилъ тебѣ послѣднее время, но меня постоянно мучила одна мысль: что ты можешь быть убийцей, что „они“ заставлять тебя бросить бомбу!

— По своей волѣ я никогда этого не сдѣлаю!—сказала она твердо.

— Но если на тебя падетъ жребій? Если тебя заставятъ?

Онъ пытливо смотрѣлъ ей въ лицо.

— Партийная дисциплина обязываетъ меня... Я уже тогда не принадлежу себѣ,—отвѣтила она нерѣшительно.

— Дисциплина! А толкуете о свободѣ,—вырвалось у него съ горестью.

— Ты мальчикъ,—попробовала пошутить она.—Вѣдь нужно же приносить себя въ жертву идеѣ, общему благу...

— Опять это общее благо!—воскликнула онъ.—Но почему же не мое благо, не твоё благо, разъ

оно общее? Обще благо—общій и эгоизмъ, потому что благо понятіе эгоистическое.

— Есть благо и въ самопожертвованіи.

Но онъ уже не могъ быть спокойнымъ. Его волновала одна мысль о томъ, что она можетъ подчиниться, найдетъ въ себѣ столько силы воли, что подчинится рѣшенію этой партии, которая представлялась теперь для него какимъ-то чудовищемъ, и пойдетъ и убьетъ...

— Слушай, поклянись мнѣ,—сказалъ онъ въ сильнѣйшемъ волненіи,—что если на тебя когда-нибудь падетъ жребій произвести это...—онъ хотѣлъ сказать покушеніе, но сказалъ:—ужасное дѣло, ты скажешь объ этомъ мнѣ? Поклянись...

— Но вѣдь это тоже насилие надъ свободой!—отвѣтила она, тронутая его волненіемъ.

— Боже мой!—вырвалось у него.

— Успокойся!—проговорила она.—Какой ты нервный! Ничто еще мнѣ не грозить, да врядъ ли и можетъ грозить. Я не въ боевомъ отрядѣ. Но, во всякомъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось подчиниться партии, я тебѣ скажу первому!

Онъ съ чувствомъ пожалъ ея руку.

— Благодарю тебя! Мнѣ, вѣроятно, придется скоро поѣхать на нѣсколько дней въ деревню. Мнѣ важно, чтобы я былъ спокоенъ за тебя.

— Будь покоенъ! Повѣрь, что мнѣ ничто не грозить!

Она улыбнулась. Ея обычная серьезность исчезла въ этотъ мигъ. На него смотрѣло доброе, любящее женское лицо.

„Если бы она всегда была такою!“ подумалъ онъ. Политика представилась ему тѣмъ всепожиравшимъ анархистамъ будущаго.

щимъ Молохомъ, которому приносится въ жертву и любовь, и счастье, и жизнь.

Принесли самоваръ. Аня стала заваривать чай. Самоваръ тихо мурлыкалъ, мягкий полусвѣтъ электрической лампочки, закрытой краснымъ абажуромъ, наполнялъ комнату. Стало тихо и уютно. Въ незавѣшенное окно виднѣлась чуть-ли не съ птичьаго полета освѣщенная вечерними огнями Москва.

Его беспокойство улеглось. Онъ теперь самъ улыбался Анѣ.

— Какъ хорошо! Если бы всегда было такъ! — вырвалось у него.

Она засмѣялась:

— Ты большой сибарить!

— Нѣть, кромѣ шутокъ! Спокойствіе, любовь, теплота... что еще нужно человѣку? „А онъ, мягкій, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой!“ Покой—счастье!

— А это что? — показала она на небо.

Онъ повернулся къ окну. На небѣ, надъ Театральною площадью, горѣла надпись: „Конецъ міра“.

— Даже и забыться нельзя! — съ грустью произнесъ онъ, отворачиваясь отъ этой роковой надписи. Вдругъ что-то дрогнуло, блеснула молнія, полт закачался подъ ихъ ногами. Зазвенѣли стекла За окномъ раздался грохотъ.

— Бомба! — воскликнулъ онъ.

Аня быстро подошла къ окну, распахнула форточку.

Но все было попрежнему тихо, лишь издали доносился какой-то неясный гулъ.

— Далеко! — сказала она. — Это на Моховой или на Тверской.

— Опять кого-нибудь ранили, убили, искальчили, — проговорилъ онъ со страдальческой улыбкой. — Когда же это кончится?

— Это кончится, милый, — отвѣтила она. — Это скоро кончится. — Она была тронута его страданіемъ. — Началась зыбь, потомъ будетъ буря... Потомъ будетъ солнце, ясный солнечный день. Свобода, счастье, миръ и покой, котораго ты такъ ишѣшь. Бѣдный ты мой! Менѣ иногда кажется, что я мужчина, а ты женщина.

Она въ первый разъ крѣпко поцѣловала его въ губы.

Александръ Васильевичъ поздно уѣхалъ отъ Ани. Но ему не хотѣлось домой. Онъ былъ возбужденъ и хотѣлъ видѣть людей, разговаривать, волноваться.

Онъ поѣхалъ къ Пронскому.

Тотъ жиль на Арбатѣ, въ одномъ изъ переулковъ, недалеко отъ храма Чистому Разуму. У него, совершенно неожиданно, Александръ Васильевичъ засталъ цѣлую пирушку.

Нѣсколько человѣкъ художниковъ, товарищей Пронского, два молодыхъ литератора, три артистки изъ недавно открывшагося на Никитской „Античнаго театра“ — всѣ одѣтые въ туники, съ обнаженными руками, возлежали за столомъ, убранномъ цвѣтами. Одна изъ артистокъ, съ прическою Сафо, тихо играла на арфѣ.

Александръ Васильевичъ остановился, пораженный.

— Добро пожаловать, Александръ Васильевичъ!

Очень радъ. Вы въ древнемъ Римѣ или Греціи. Это сегодня у насть первый опытъ... Но вы должны надѣть тунику и сандаліи. Хотите, дадимъ и тогу. Безъ этого нельзя.

— Привѣтъ тебѣ, о пришелецъ! — продекламировала Сафо.

— Что значить этотъ маскарадъ? — удивился Цвѣтковъ.

— Да просто, мы отдыхаемъ! — откровенно отвѣтилъ Пронскій. — Въ наше суровое время исчезла красота, исчезла художественность. Музы надѣли плащи цвѣта партій... Вотъ мы, желая отдохнуть, и воскресили въ переулкѣ Арбата кусочекъ древней Греціи...

— Возлѣ храма Чистому Разуму?

— Вмѣсто него я построилъ бы храмъ Аполлону.

Но Александръ Васильевичъ не надѣлъ туники и уѣхалъ домой, какъ не упрашивали его хозяинъ, гости и артистки, изображавшія гетеръ.

IX.

Храмъ „Чистаго Разума“.

Храмъ „Чистаго Разума“ представлялъ изъ себя простую аудиторію, въ которой хозяинчили соціалъ-демократы. Здѣсь часто происходили митинги. Съ развитиемъ матеріалистической философіи отрицаніе всякой религіи привело къ созданию цѣлаго культа атеистовъ; полная свобода совѣсти дала фактическую возможность послѣдователямъ этого культа построить храмъ новому Богу, имя котораго было: „Чистый Разумъ“. И

вотъ въ одномъ изъ переулковъ Арбата появилось оригинальное зданіе древне-греческой архитектуры съ портикомъ и колоннами, увѣнчанное легкимъ куполомъ. Надъ входными дверями сверкала золотая надпись: „Богъ-Разумъ“.

Въ воскресные и праздничные дни здѣсь происходило „богослуженіе“. Такъ назывались лекціи профессоровъ, посвященные вопросамъ матеріалистической философіи. Иногда кафедру проповѣдника занималъ профессоръ естественникъ, и тогда „богослуженіе“ сопровождалось опытами. Храмъ „Чистаго Разума“ былъ своего рода народнымъ университетомъ, и его посѣщали не только „вѣрующіе“, но и люди религіозные, демонстративно покидавшіе скамьи въ критическихъ мѣстахъ.

Духовенство различныхъ вѣроисповѣданій начало походить противъ „новой секты“. Въ церквяхъ говорились проповѣди. Папа по-просту предалъ ее проклятию, а основателя „секты“, извѣстнаго французскаго профессора, объявилъ антихристомъ. Одинъ ученый православный архіерей помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ огромную статью, въ которой доказывалъ „вредъ науки“. Газета вздыхала по этому поводу, что она всегда была противъ народнаго образованія.

Было воскресенье. Афиши и объявленія въ газетахъ гласили, что въ этотъ день извѣстный профессоръ, естественникъ, прочтетъ лекцію: „О происхожденіи позвоночныхъ, а, слѣдовательно, и человѣка, отъ кольчатыхъ червей“.

Александръ Васильевичъ еще наканунѣ рѣшилъ пойти въ „Храмъ Разума“.

Бѣлый заль, стѣны котораго были выложены

искусственнымъ мраморомъ, былъ полонъ. Собрались самая разношерстная публика. Были интеллигенты, были рабочие, женщины, подростки, даже нѣсколько человѣкъ дѣтей, которыхъ взяли съ собой мамаша. Длинные скамьи, расположенные какъ въ театрѣ, все были заняты. Публика толпилась даже въ проходахъ и въ большомъ просторномъ вестибюлѣ, въ которомъ разрѣшалось курить. Здѣсь велись оживленныя пренія, здѣсь же продавались популярныя книжки и раздавались бесплатно возванія и брошюры.

Александръ Васильевичъ протискивался сквозь эту толпу, прислушиваясь къ фразамъ и отрывочнымъ разговорамъ.

— Нужно ввести нѣкоторую торжественность и обрядность въ наши собранія, — говорилъ какой-то толстякъ; — напримѣръ, органъ... Въ антрактахъ пусть онъ исполняетъ канцаты. Кантату „Чистому Разуму“. Лекторы должны появляться въ длинномъ одяніи, за кафедрой устроить что-нибудь въ родѣ алтаря...

Но ему не дали докончить.

— Вы хотите дѣйствовать на чувства тамъ, гдѣ долженъ царить только разумъ? Ритуальность это — насилие надъ свободой разума.

— Онъ мистикъ.

— Масонъ!

Голоса слились въ общій шумъ, который прервалъ звонъ колокольчика. Начиналось „богослуженіе“.

Александръ Васильевичъ хорошо зналъ профессора, вошедшаго на кафедру, и, въ сущности, ему была не нова его теорія, по которой весь

миръ произошелъ отъ клѣточки протоплазмы. Его интересовала лишь та форма, въ которой профессоръ долженъ быть популяризировать эту теорію, и какъ она подѣйствуетъ на новичковъ, по воскресеньямъ посѣщающихъ эти лекціи.

Профессоръ началъ читать. Въ залѣ стало тихо; только изъ вестибюля доносились сквозь закрытыя двери неясные человѣческіе голоса. Покончивъ съ предметомъ лекціи, ораторъ перешелъ на главную тему — прогрессъ человѣчества.

— Мы видимъ, — сказалъ онъ, — какъ могуче и всесторонне развивается человѣческій гений. Еще въ давнія времена человѣческая мысль останавливалась на возможности бессмертія, достигнутаго свѣтлымъ разумомъ человѣка, а не по благости и волѣ другого Высшаго Существа. И мы достигнемъ этого бессмертія. Разумъ человѣка это — Богъ!

Онъ кончилъ и уже готовился сойти съ кафедры, какъ вдругъ изъ толпы слушателей раздался голосъ:

— Разумъ человѣку данъ Богомъ... Въ этомъ только его божественное происхожденіе. Человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію... Вы заблуждаетесь, профессоръ!

Это говорилъ одинъ изъ новичковъ. Александръ Васильевичъ успѣлъ замѣтить его покраснѣвшее отъ волненія лицо.

Профессоръ остановился, но не успѣлъ отвѣтить неожиданному оппоненту, какъ другой голосъ крикнулъ:

— Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ!

Въ публикѣ прошелъ смутный гулъ, но въ это время въ вестибюлѣ раздались громкіе крики,

тошотъ, хлопнула дверь и послышался звонъ разбитыхъ стеколь. Съ трескомъ слетѣла съ петель тяжелая дубовая дверь, и шумъ ея паденія былъ похожъ на выстрѣль.

— Спасите! — раздался чей-то отчаянныи голосъ. Но его сразу же заглушила волна человѣческихъ голосовъ. Всѣ повскакали съ мѣсть.

— Погромъ! — сверкнула мысль въ головѣ Александра Васильевича.

Въ дверяхъ произошла короткая свалка, и группа новыхъ людей хлынула къ кафедрѣ. Это были: рабочие, солдаты, женщины, нѣсколько монаховъ, были по виду и интеллигентныи лица, — и вся эта толпа, какъ хлынувшая волна, залила помѣщеніе, смѣшившись съ повскакавшими со скамеекъ.

Впереди бѣжалъ человѣкъ въ желтомъ больничномъ халатѣ, въ колпакѣ, съ растрепанной бородой. Въ высоко поднятой рукѣ онъ держалъ деревянный крестъ.

— Максимъ Максимовичъ! — узналъ его Александръ Васильевичъ.

Онъ сразу понялъ всю опасность и остроту положенія.

Онъ видѣлъ, какъ десятки рукъ подняли Максима Максимовича и поставили его на кафедру. Помѣшанный капитанъ стоялъ на ней, все такъ же высоко держа крестъ и сверкая воспаленными глазами.

— Горе! Горе вамъ! — крикнулъ онъ пронзительнымъ голосомъ, прозвучавшимъ какъ рѣзкий лязгъ стальной полосы въ гулѣ общихъ криковъ.

Нѣсколько женщинъ бились въ истерикѣ.

Шумъ немного стихъ.

— Горе вамъ, безумцы! — продолжалъ этотъ новый Савонарола. — Горе! Грядеть страшный судъ! Огнь небесный сойдетъ и пожретъ васъ. Огонь очистить сердца заблуждающихся!

— Жги! — раздался чей то пронзительный крикъ. — Жги!

Толпа хлынула къ выходу. Все смѣшалось въ беспорядочную кучу. Раздались раздирающіе крики, кого то опрокинули и топтали ногами. Александра Васильевича подхватило и понесло вмѣстѣ съ толпою; сдавленный со всѣхъ сторонъ человѣческими боками и спинами, онъ не могъ пошевелиться, не могъ высвободить руку. Его охватилъ паническій ужасъ, мгновенно овладѣвшій и всей толпой. Люди обезумѣли и давили другъ друга. Изъ „Храма Разума“ отлетѣлъ человѣческій разумъ; тамъ царilo одно безуміе.

Люди вскарабкивались на плечи другихъ и бѣгали по головамъ; лѣзли на окна и разбивали зеркальныи стекла; осколки этихъ стеколь рѣзали имъ руки и лица, рѣзали тѣло, но они все-таки лѣзли, а другіе, — въ бѣшеной ярости и безумной жаждѣ спастись, — стаскивали ихъ за ноги, грызли зубами, наносили имъ удары.

Человѣческая кровь обагрила бѣлый мраморъ стѣнъ; люди растаптывались ногами. Было уже нѣсколько убитыхъ, на трупы которыхъ, не видя ихъ, спотыкались и падали живые.

И упавшій уже не могъ подняться.

А пронзительный крикъ „жги!“ страшной угрозой и леденящимъ ужасомъ звенѣлъ въ общей паникѣ.

Людская волна вынесла Александра Васильевича на середину зала. У него было мутно въ глазахъ, онъ чувствовалъ, что задыхается. Кто-то сильно укусилъ его въ плечо, но онъ почувствовалъ только мимолетную боль и не обратилъ на это вниманія. Передъ нимъ былъ чей-то затылокъ и широкая спина; и вдругъ спина эта какъ-то странно сразу осѣла внизъ, и на мгновеніе передъ Александромъ Васильевичемъ образовалось пустое пространство. Онъ воспользовался этимъ, чтобы высвободить руки, и тотчасъ же почувствовалъ подъ ногами живое и мягкое.

„Я хожу по человѣку!“ — мелькнула у него мысль, но какая-то тусклая и безразличная.

Мелькнула и пропала. И онъ сразу забылъ обо всемъ, кроме одного: безумной жажды жизни. Онъ закричалъ, но такъ, какъ будто это крикнулъ кто-то другой, схватился за плечи переднихъ, и его выкинуло наверхъ, какъ волны въ бурю выкидываютъ на берегъ камни. И онъ побѣжалъ по головамъ и плечамъ къ окну, схватился за край выбитой рамы и прыгнулъ.

Онъ упалъ въ кучу снѣга, поднялся, отошелъ машинально на нѣсколько шаговъ въ сторону и сѣлъ на край тротуара.

Снаружи тоже была толпа, которую не могъ разсѣять вызванный усиленный нарядъ полиціи. Потребовали по телефону батальонъ солдатъ. А внутри зданія стонало, гудѣло и трещало.

— Откройте боковую дверь! Боковую дверь! — кричалъ кто-то отчаяннымъ голосомъ.

Но никто не видѣлъ этой двери.

Изъ толпы вырвался человѣкъ.

— Прочь! Бомба! — крикнулъ онъ властно. Толпа шарахнулась.

— Я взорву часть задней стѣны! Образуется брешь... — крикнулъ еще разъ неизвѣстный. Иначе погибнуть всѣ...

Онъ взмахнулъ рукой, и въ ту же секунду вмѣстѣ съ громовымъ ударомъ и клубкомъ дыма исчезъ совсѣмъ, точно его не было. Его разорвало на куски.

Стѣна треснула, посыпались камни; въ черное зияющее отверстіе въ нѣсколько аршинъ, образовавшееся въ ней, хлынули обезумѣвшіе люди.

Выходъ бытъ данъ.

Взрывъ оглушилъ Александра Васильевича, продолжавшаго сидѣть на тротуарѣ. Мимо него проносили убитыхъ и раненыхъ, клали ихъ на снѣгъ, и потомъ уже разбирали по каретамъ скорой медицинской помощи.

Наконецъ, Александръ Васильевичъ поднялся. Онъ бытъ весь разбитъ, съ трудомъ сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ по тротуару, запруженому людьми, и остановился, пораженный, передъ лежащей безъ чувствъ на снѣгу дѣвушкой.

Аня!

Онъ упалъ на колѣни и склонился надъ нею; она слабо дышала.

А изъ оконъ опустѣвшаго зданія выбивались клубы дыма: въ немъ разгорался пожаръ.

Къ утру отъ храма „Чистаго Разума“ остались однѣ почернѣвшія развалины.

X.

Бредъ или правда?

Александръ Васильевичъ привезъ Анию къ себѣ, вызвалъ по телефону врачей. Передъ тяжелымъ положенiemъ любимой дѣвушки онъ забылъ собственное недомоганіе.

Къ счастью, доктора не нашли у нея серьезныхъ поврежденій; толпа только смяла ее, но тѣмъ не менѣе ей былъ предписанъ полный покой.

— Необходимо отсутствие всякаго шума, даже громкаго разговора, — сказалъ профессоръ, осматривавшій больную. — Все зависить отъ того, насколько ея нервы выдержали это потрясеніе. При крѣпкомъ первомъ организмѣ она оправится черезъ нѣсколько дней, при худшихъ же условіяхъ...

— Говорите откровенно, — перебилъ его Александръ Васильевичъ.

Профессоръ посмотрѣлъ на него.

— При худшихъ же условіяхъ, — продолжалъ онъ, — возможна первная горячка.

Анию привели въ чувство.

— Она зовѣть васъ, — сказала Александрю Васильевичу вышедшая изъ комнаты больной, недавно прїхавшія, сидѣлка.

Александръ Васильевичъ осторожно вошелъ въ свою маленькую гостиную, превращенную теперь въ комнату Ани.

Шторы были опущены, свинутая въ одинъ уголъ мебель придавала всей комнатѣ странный, опустошенный видъ; пахло эфиромъ, на столѣ лежали и стояли пузырьки. На подушкахъ кро-

вати онъ увидѣлъ голову Ани, съ блѣднымъ лицомъ и разметавшимися волосами. Она лежала какъ въ сіяніи и показалась ему слабой, маленькой и беззащитной, какъ больной ребенокъ.

Онъ почувствовалъ острую жалость.

Аня лежала съ закрытыми глазами; изъ-подъ опущенныхъ рѣсицъ медленно скатывались слезы. Она не подняла ихъ, когда онъ вошелъ, но почувствовала, что онъ здѣсь, и тихо прошептала:

— Александръ...

Онъ подошелъ къ ней, боясь, что разрыдается самъ, пересиливая въ себѣ охватившую его жалость.

— Ты спась меня... да? — продолжала она. — Тамъ все кончилось... Какой ужасъ.

Ея грудь заволновалась.

— Не беспокойте себя... вамъ это вредно, — прошептала стоявшая у изголовья сидѣлка.

— Ничего... Скажи мнѣ, много погибло?

Она тихо высвободила руку изъ-подъ одѣяла. Онъ понялъ, что она ищетъ его руки и осторожно коснулся ея холодныхъ, влажныхъ пальцевъ.

— Какой ужасъ, какой ужасъ, — опять проговорила она.

— Аня не волнуйся, — заговорилъ онъ. — Повѣрь, все будетъ хорошо. И никто не погибъ. Забудь. Засни, дорогая...

Она опять начала забывать.

Онъ присѣлъ на стулъ у кровати, боясь высвободить свою руку изъ ея тонкихъ пальцевъ, чтобы не потревожить больную. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Она выздоровѣеть... Она непремѣнно вы-

здоровѣть, — почти молитвенно думалъ Александръ Васильевичъ. — Это будетъ счастье. Господи, какое это будетъ счастье!

Аня вздрогнула и открыла глаза.

— Дикгофъ, — проговорила она. — Дикгофъ! Остановите корабль.

— Что ты? — испуганно спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Бредить! — дѣлая ему знакъ, прошептала сидѣлка.

Аня сжала руку Александра Васильевича и смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, но онъ видѣлъ въ нихъ только выраженіе ужаса. Она не узнавала его.

— Остановите же корабль! Я не хочу! — вскрикнула Аня. — Кровь! Кровь!

— Аня! Очнись, успокойся. Здѣсь я... Нѣть никакого корабля, пересиливая спазму въ горлѣ, проговорилъ Александръ Васильевичъ.

— Корабль... воздушный... Нашъ корабль... Вотъ онъ. Ахъ! Будетъ взрывъ... Остановите!

Она конвульсивно поднялась на постели, простирая впередъ обнаженные руки.

— Я не хочу! Я свободна! Я не хочу съ вами! — закричала она. — Корабль „Анархія“... Остановите!

Она упала бы съ постели, если бы Александръ Васильевичъ и сидѣлка не удержали ее. Она еще билась, но уже изнемогая, и, наконецъ, затихла, когда ей на голову положили ледъ.

Молитвенное настроеніе пропало; Александръ Васильевичъ испытывалъ теперь только страхъ;

страхъ за Аню, и какое-то особенное тревожное чувство къ ея словамъ.

— Она бредитъ, — стояла въ немъ неотвязная мысль. — Но въ этомъ бреду какая-то правда. Она чувствуется. Корабль „Анархія“? Неужели анархисты придумали какое-нибудь новое страшное средство для своей „пропаганды дѣйствіемъ“, о которомъ знаетъ Аня?

И онъ съ тревогой смотрѣлъ на успокоившуюся больную, а его воображеніе рисовало ему таинственный воздушный корабль анархистовъ, летящимъ надъ Москвою и съюзимъ смерть и разрушение, какъ сказочный драконъ, испепеляющій огнемъ все живое.

Управляемые аэропланы достигли уже въ это время широкаго примѣненія, особенно въ военномъ дѣлѣ, а тамъ, гдѣ прогрессъ техники постоянно призывался на помощь разрушителями существующаго строя, тамъ могли оказаться новые неизвѣстные геніи, новые изобрѣтатели, подарившіе человѣчеству новое страшное твореніе ихъ ума, которое должно было бы служить только для человѣческаго счастья.

— И она сама ужаснулась этого, — думалъ Александръ Васильевичъ, всматриваясь въ успокоившееся лицо уснувшей Ани; — ужаснулась подъ вліяніемъ только-что испытанной ужасной катастрофы. Но вѣдь это къ лучшему! — мелькнула въ немъ радостная мысль. Мелькнула и померкла передъ ожиданіемъ грядущихъ невѣдомыхъ несчастій.

— Бредъ, или правда? — опять подумалъ онъ. На другой день Аня чувствовала себя лучше,

но была еще очень слаба. Опасность горячки миновала.

— Нервы у больной оказались крѣпкими, — сказаль Александру Васильевичу профессоръ. — Это большая рѣдкость въ нашъ нервный вѣкъ.

Онъ уѣхалъ, предписавъ Ань полное спокойствіе.

Но Аня въ тотъ же день заставила Александра Васильевича прочесть себѣ газету. Во всѣхъ изданіяхъ были помѣщены подробныя описанія катастрофы на Арбатѣ, снимки со сгорѣвшаго зданія, съ трупами жертвъ и фотографіи нѣкоторыхъ изъ уцѣлѣвшихъ.

Подробности несчастія выплывали передъ нею въ памяти, по мѣрѣ того, какъ онъ читаль.

— Какъ только я увидѣла Максима Максимовича, — сказала Аня, — я испугалась. Я поняла, что должно случиться что-то страшное. И оно случилось. Но какъ онъ ушелъ изъ больницы?

— Здѣсь обѣ этомъ говорится: его освободила толпа черни, и не только его, но и всѣхъ больныхъ выпустили. Онъ не сказалъ, что въ „Пространствѣ“ Максима Максимовича описывали, какъ святого.

— Онъ живъ? — тихо спросила Аня.

— Еще неизвѣстно. Пока его не разыскали. Погибъ тотъ, кто пожертвовалъ собой, спасъ большинство жизней.

— Это нашъ, — промолвила Аня. — Въ организаціи, вѣроятно, уже знаютъ его имя. А насть считаютъ человѣконенавистниками!

Онъ хотѣлъ спросить ее по поводу ея вчерашнаго бреда, но побоялся сдѣлать сейчасъ этотъ вопросъ и промолчалъ.

Аня заволновалась.

— Вѣдь я была не одна, — заговорила она. — Мы были втроемъ. Мои знакомые... живы ли они? Александръ, справься обѣ этомъ для меня, — прибавила она умоляюще.

— Зачѣмъ ты меня обѣ этомъ просишь? — отвѣтилъ онъ съ легкимъ укоромъ. — Конечно, я сдѣлаю все.

Она благодарно улыбнулась.

— Сѣѣзди въ нашу коммуну... Это на Покровкѣ. Я скажу тебѣ пароль. Тамъ есть часовой магазинъ Свѣточева. Взойди туда и скажи потихоньку хозяину или приказчику: „Дикгофъ“. Тебя проводятъ въ квартиру. Справься тамъ отъ моего имени о Горянской, Будкевичъ и Цорнѣ. Онъ тоже тамъ былъ. Скажи, что я жива.

Онъ наклонилъ голову, чтобы скрыть свое волненіе. Слово „Дикгофъ“ напомнило ему вчерашнее.

— Бредъ или правда? — опять подумалъ онъ.

XI.

Три вѣры.

Ученіе анархизма распространилось къ этому времени, главнымъ образомъ, въ государствахъ менѣе развитыхъ въ правовомъ отношеніи. И если во Франціи, Германіи и Англіи оставались умственныя очаги этого ученія, то послѣдователей его насчитывали болѣе всего въ Турціи, Персіи и Россіи.

Люди, въ долгой и упорной борьбѣ отчаявшіеся приблизиться къ намѣченнымъ идеаламъ, добиться свободы, покоя и счастья, бросались въ крайности и видѣли спасеніе въ анархіи.

Анархизмъ прививался инстинктивно и, менѣе научно обоснованный, чѣмъ соціализмъ, легче усваивался. Убѣжденные анархисты видѣли въ соціализмъ злѣйшаго врага, доказывали, что онъ приведеть къ еще большему деспотизму надъ отдѣльной личностью человѣка, чѣмъ даже монархія, а соціалъ-демократы утверждали то же самое объ анархизмѣ и доказывали, что отдѣльная коммуны анархистовъ будуть продолжать между собою ту же борьбу за жизнь, которую ведутъ теперь отдѣльные человѣческія личности, и общество придется отъ этого въ полное одичаніе.

Обѣ эти партіи боролись за господство.

Аня была сначала безсознательной анархисткой. Въ партію она попала случайно, и ее увлекла проповѣдь крайняго индивидуализма, ставящая человѣка въ условія ничѣмъ неограниченной свободы. Эту свободу давалъ только пролетаріатъ, а не реформаторы изъ класса собственниковъ, и Аня вѣрила, что вожди новаго ученія разрѣшатъ проблемы нищеты народныхъ массъ и приведутъ человѣчество къ полному счастію.

И она, какъ настоящая анархистка, горячо повторяла, что свобода, собственность, семья и всѣ блага, которыми гордится буржуазное общество, потеряли давно свою сущность и стали безодержательными.

Что за свобода безъ счастья, собственность—когда у миллионовъ людей нѣтъ ничего, кроме пары рабочихъ рукъ, семья—когда большинство людей не имѣютъ ея?

Александръ Васильевичъ любилъ прежде посмѣяться надъ Аней, называя анархизмъ утопіей,

даже реакціоннымъ явленіемъ, каковымъ его считали соціалъ-демократы. Аня сердилась, доказывая, что, наоборотъ, соціалъ-демократизмъ является одной изъ формъ порабощенія человѣческой личности.

На одномъ изъ острововъ Атлантическаго океана два года тому назадъ была торжественно открыта соціалъ-демократическая республика, въ члены которой записалось много лицъ разныхъ національностей: тутъ были и русскіе, и французы, и нѣмцы, и евреи, и негры...

Называлась республика Карлосіей, въ честь Карла Маркса, и президентомъ ея былъ негръ Джонъ Бичъ, большой приятель Максима Горькаго. Денегъ въ республикѣ не было, но ея ярлыки, или боны, которыми за обязательный трудъ обеспечивались жизненные потребности, ходили по всему свѣту вместо денегъ и мѣнялись на деньги всѣми банкирскими конторами. Ярлыки измѣрялись рабочими часами и минутами. Всего ниже стоять по курсу русскій рубль; за него давали всего пятнадцать рабочихъ минутъ.

Банкиры великолѣпно наживались на учетѣ карлосскихъ ярлыковъ, и вотъ это-то распространение ихъ вместо денегъ анархисты ставили какъ доказательство реакціонности соціалъ-демократизма.

А такъ какъ денегъ вездѣ было очень мало, ярлыками соціалъ-демократовъ иногда выплачивали даже жалованье правительеннымъ чиновникамъ.

Буржуазія великолѣпно сумѣла примѣниться къ новымъ формамъ, возникавшимъ въ жизни...

Александръ Васильевичъ доѣхалъ до Покровки

по воздушной дорогѣ и скоро разыскалъ магазинъ Свѣтчева. За прилавкомъ стоялъ старикъ съ окладистою бородою и съ сѣдыми насупленными бровями.

— Дикгофъ, — тихо сказалъ ему Александръ Васильевичъ.

Старикъ молча нажалъ электрическую кнопку; изъ двери, ведущей во внутреннее помѣщеніе, вышелъ молодой человѣкъ въ фартукѣ, которымъ онъ вытирали запачканныя руки.

— Проводите, — отрывисто сказалъ ему старикъ.

— Пожалуйте за мной, — пригласилъ тотъ Александра Васильевича.

Они пошли по коридору, спустились внизъ и вошли въ подвалъ, заставленный ящиками и старой мебелью. Александръ Васильевичъ начиналъ удивляться этой таинственности. Впрочемъ, все скоро объяснилось. Проводникъ коснулся рукой стѣны, и передъ ними открылась совершенно незамѣтная потайная дверь, которой начинался подземный ходъ.

Оба вошли туда, дверь автоматически захлопнулась за ними, и тотчасъ же на потолкѣ загlись электрическія лампочки. Ходъ былъ похожъ на великолѣпный корридоръ въ первоклассной гостиницѣ, но только безъ оконъ.

Минутъ десять они шли этимъ корридоромъ, оканчивавшимся другой потайной дверью. Проводникъ открылъ ее, они снова очутились въ подвалѣ, похожемъ на первый, и переходами выбрались изъ него въ большую комнату, хорошо меблированную, въ которой было около пятнадцати человѣкъ мужчинъ и женщинъ.

Всѣ были незнакомы Александру Васильевичу. Высокій мужчина, съ рѣзкими чертами лица, безъ усовъ и бороды, одѣтый въ длинный черный сюртукъ, всталъ изъ-за стола, заваленнаго бумагами, и пошелъ навстрѣчу Александру Васильевичу.

— Вы изъ хамовнической коммуны? — спросилъ онъ.

— Я прибылъ по порученію, — отвѣтилъ Александръ Васильевичъ и назвалъ фамилію Ани.

Его проводникъ въ это время уже скрылся; онъ былъ одинъ въ незнакомомъ и странномъ для него обществѣ.

Но едва онъ произнесъ фамилію Ани, его всѣ окружили.

— Она жива? Да? — набросились на Александра Васильевича женщины, среди которыхъ двѣ были моложе Ани.

— Товарищи, подождите! Терпѣніе! — властно сказалъ имъ безусый мужчина.

— Да, она жива и виѣ опасности. Она въ моей квартирѣ, — отвѣтилъ Александръ Васильевичъ, передавъ господину въ сюртукѣ свою карточку: — Вотъ мой адресъ.

— Дикгофъ, — подалъ ему руку господинъ. — Вмѣсто всякой карточки вамъ достаточно, какъ вы уже убѣдились, назвать мою фамилію. Но я долженъ предупредить васъ, что за нарушеніе тайны конспирації наказываются смертью, какъ лицо, проникшее въ нее, такъ и лицо, довѣрившее тайну.

Александръ Васильевичъ вспыхнулъ:

— Я не сыщикъ.

— Никто васъ имъ и не считаетъ. Это предупрежденіе.

— Простая формальность,—раздались голоса.

Дикгофъ сдѣлалъ жестъ рукою.

— Я увѣренъ въ этомъ.

— Горянская и Будкевичъ въ больницѣ,—сказала Александръ Васильевичу самая молодая изъ женщинъ.—У Будкевичъ сломана нога. А Цорнъ погибъ. Его убило при взрывѣ.

— Да, Цорнъ погибъ,—нахмурясь, повторилъ Дикгофъ.—Это былъ славный товарищъ.

— Онъ бросилъ бомбу?—спросилъ Александръ Васильевичъ.—Я тоже былъ тамъ.

XII.

Сумма въ двѣсти часовъ.

Болѣзнь и содержаніе Ани унесли порядочно денегъ; дѣла Александра Васильевича шли не важно, въ дѣлахъ вообще у всѣхъ былъ застой, и Александръ Васильевичъ увидѣлъ себя въ необходимости искать денегъ.

Исканіе денегъ было обычнымъ занятіемъ москвичей, вслѣдствіе страшной дороговизны жизни. Многіе носили даже розетки въ петлицахъ сюртуковъ съ надписями: „Взаймы не даю“, и снимали ихъ, когда просили взаймы сами. Прибавилось множество налоговъ; кромѣ квартирнаго налога, былъ налогъ на кухни, на лицъ, держащихъ прислугу, и даже поговаривали установить налогъ на всѣхъ лицъ, имѣющихъ золотые часы и серебряные портсигары. Эти предметы быстро исчезли изъ обращенія. Сахаръ стоилъ сорокъ копеекъ фунтъ,

а мясо шесть гривенъ. Вегетаріанство поневолѣ развивалось все болѣе и болѣе.

Слава московскихъ трактировъ исчезла, какъ дымъ, а замоскворѣцкіе купцы уже не ѻздили на блины другъ къ другу. И только кое-гдѣ, по медвѣжьимъ угламъ, еще можно было встрѣтить потомковъ гоголевскаго Пѣтуха, съѣдавшихъ два раза въ годъ по поросенку.

Соціалъ-демократы видѣли во всемъ этомъ благопріятныя указанія на грядущія перемѣны и на приближеніе соціалистического общественнаго идеала, но не было ни одной хозяйки, которая бы не жаловалась на жизнь.

Александръ Васильевичъ поѣхалъ къ Проинскому, но тотъ самъ былъ безъ денегъ, былъ мраченъ, требовалъ революціи и уже не мечталъ о храмѣ Аполлону.

— Все равно, разнесутъ и его!—безнадежно махалъ онъ рукою.

— Денегъ нѣть,—сказалъ онъ Александръ Васильевичу.—Впрочемъ, постой. Блестящая мысль! Ёдемъ сейчасъ къ одному знакомому человѣку. Онъ вернулся изъ Карлосіи и заработалъ тамъ двадцать пять тысячъ рабочихъ часовъ...

— Это 100,000 рублей?—спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Да, по теперешнему курсу. Рабочій часъ—четыре рубля.

— Какъ же ему удалось схватить такую сумму?

— А онъ былъ чистильщикомъ нечистотъ, асепсизаторомъ. Никто въ Карлосіи не шелъ на грязныя работы, а придуманныя машины не могли обойтись безъ человѣка. Онъ записался въ пар-

тию и пріѣхалъ въ Карлосію. Тогда туда вызывали желающихъ принять на себя такія должности и за часъ работы давали ярлыкъ въ двадцать пять часовъ. Онъ пробылъ тамъ года два и вернулся богачемъ. Теперь, говорятъ, цѣну сбили. А то, вѣдь, больше всякаго премьер-министра получали!

Человѣчекъ, побывавшій въ Карлосії, оказался простымъ смекалистымъ москвичемъ, сохранившимъ въ себѣ духъ конца XIX столѣтія. И жилъ онъ въ деревянномъ домикѣ съ мезониномъ, похожемъ на голубятню, чудомъ сохранившемся въ одномъ изъ переулковъ Якиманки. Звали его—Степанъ Петровичъ Курицынъ.

Пріятели пріѣхали къ Курицыну, когда онъ только что вернулся съ патріаршей службы изъ Кремля и пилъ чай съ просфорами.

И самоваръ, и самъ Курицынъ, и его толстая жена, все это напоминало о быломъ сытомъ купеческомъ московскомъ обиходѣ.

Пронскій поздоровался и познакомилъ съ хозяевами Александра Васильевича.

— Въ какой партіи теперь, Степанъ Петровичъ?—спросилъ хозяина Пронскій.

— Въ какой? Извѣстно... мы монархисты,—отвѣтилъ тотъ.

— А какъ же въ соціаль-демократы попали?

— Коммерція. Для видимости, все равно, какъ въ гильдію. Въ Карлосію-то не пустили бы. А теперь, какъ намъ надобности нѣть, то мы постарому.

Александръ Васильевичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на этотъ новый типъ оборотистаго дѣльца, но этотъ „новый типъ“ быть ему давно знакомъ

— Умилительно сегодня патріархъ служилъ,—вздохнулъ Курицынъ, съ трескомъ отгрызая кусочекъ сахара.—Сахаръ-то ионъ сорокъ копеекъ, а въ Карлосіи фунтъ одну минуту стоитъ,—замѣтилъ онъ.—Анафему сегодня отступникамъ возглашали.

— Вѣдь, и вы, Степанъ Петровичъ, отступникъ, ехидно замѣтилъ Пронскій.

— Что это вы?.. Господь съ вами!—воскликнула жена.

— Мы по коммерціи поступали,—невозмутимо отвѣтилъ Курицынъ.

Въ деньгахъ онъ рѣшительно отказалъ.

— Не могу-съ. Времена не такія... Попробуйка вексель нынѣ учесть? Когда-то вонъ за тринадцать процентовъ въ тюрьму сажали, а теперь государственный банкъ восемнадцать самъ беретъ. Какія у меня деньги?

— Такъ не дадите, Степанъ Петровичъ?—спросилъ Пронскій.

— Нѣтъ-съ. Нѣть денегъ! Въ Карлосію поѣзжайте, хе-хе-хе! Тамъ заработаете.

— А вы знаете, кто онъ?—неожиданно спросилъ Пронскій, указывая на Александра Васильевича.

— Намъ это все равно-съ.

— Анархистъ.

Степанъ Петровичъ поставилъ блюдечко. Онъ былъ смущенъ и не хотѣлъ показывать этого.

— Такъ, вѣдь, не экспропріаторъ же?—замѣтилъ онъ не безъ робости.

— Александръ Степановичъ, онъ шутить,—перебилъ его Александръ Васильевичъ, путая имя.

— Увѣряю васъ,—стоялъ на своемъ Пронскій.

— Меня зовутъ Степанъ Петровичъ... Такъ вы, значитъ, не анархистъ?—Онъ пытливо посмотрѣлъ на Цвѣткова, видимо не вѣря его словамъ.—А сегодня я въ Кремлѣ слышалъ, что появился корабль воздушный анархистовъ, съ крыльями. И какъ бросялъ съ него бомбу—отъ цѣлой улицы съ переулками мокро становится.

— Страсти какія!—вздохнула жена.—Послѣднія времена настали.

— Какъ же, это намъ давно извѣстно,—продолжалъ шутить Пронскій,—онъ самъ съ этого корабля.

— Да будетъ вамъ, Сергій Петровичъ!—разсердился, наконецъ, Александръ Васильевичъ.

Но, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ Александру Васильевичу соображеній, Курицынъ, въ концѣ-концовъ, далъ ему двѣсті рабочихъ часовъ подъ вексель въ тысячу двѣсті рублей, наживъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ процентовъ.

— Испугался анархистовъ,—смѣялся на обратномъ пути Пронскій.—Какъ теперь это дѣйствуетъ! Все терроризовано! Поліція и жандармы бѣгутъ въ отставку. Ждутъ новаго закона, карающаго трехлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьму всякаго чиновника, подавшаго просьбу обѣ отставкѣ. Иначе некому будетъ служить. А теперь вонъ корабль какой-то выдумали.

— Это не выдумали, это правда,—отвѣтилъ ему Александръ Васильевичъ.

— Правда?

— Такая же, какъ у меня въ бумажникѣ ле-

житъ чекъ въ контору Юнкера на двѣсті рабочихъ часовъ.

Въ такомъ случаѣ, дѣло серьезно,—замѣтилъ Пронскій.

Въ тотъ же день весьма многіе видѣли пролетѣвшую надъ Москвою очень высоко гигантскую птицу. Она сдѣлала кругъ и скрылась на горизонтѣ. А черезъ нѣсколько часовъ стало извѣстно, что это была вовсе не птица, а управляемый воздушный корабль анархистовъ.

Въ Кремлѣ и около всѣхъ присутственныхъ мѣстъ были поставлены электрическія мортиры для стрѣльбы по новому чудовищу. Городъ волновался. Многіе начали уѣзжать изъ Москвы.

XIII.

„Политическій исправникъ“.

Отъѣздъ Александра Васильевича въ деревню замедлился. Онъ не могъ уѣхать, оставивъ Аню одну. Правда, она поправилась довольно скоро, но была еще слаба, а теперь настало такое время, когда Александръ Васильевичъ долженъ быть особенно за нея бояться. Воздушный корабль анархистовъ „Анархія“ держалъ въ осадѣ всю центральную часть Европейской Россіи. Говорили про ужасныя истребленія, которыя совершаѣтъ этотъ корабль. Бомбы падали съ неба на всѣ казенные зданія и разрушали ихъ до основанія.

Въ Москвѣ съ „Анархіей“ была брошена бомба въ зданіе военно-окружного суда, но разрушительный снарядъ по ошибкѣ попалъ въсосѣдній частный домъ и разрушилъ его до основанія

вмѣстѣ съ обитателями. Въ Москвѣ и вездѣ царила паника, какъ въ осажденномъ городѣ. Люди ходили по улицамъ, то и дѣло поднимая головы кверху, наталкивались другъ на друга, и каждая черная точка на небѣ повергала ихъ въ ужасъ.

Иногда такой точкой оказывалась простая ворона.

Вагоны метрополитена и трамваевъ перестали циркулировать, появились, Богъ вѣсть откуда, прежнія допотопныя извозчики пролетки, „ваньки“, бравшіе за конецъ не менѣе трехъ рублей.

— Потому „антихристова птица“ появилась,— выставляли они непоколебимый аргументъ.

Вся Москва была взрыта. Городская управа сооружала на каждой улицѣ блиндажи, въ которыхъ могла бы спасаться публика, домовладѣльцы сооружали блиндажи на своихъ дворахъ, повсюду была проведена электрическая сигнализациѣ, извѣщавшая моментально всю Москву о появлѣніи страшнаго чудовища.

Въ городскихъ блиндажахъ устраивались ресторанчики и магазины, за которые предприниматели платили бѣшеные деньги.

Полицейскіе участки также перебрались въ блиндажи. Поспѣшно строили подземныя помѣщенія для тюремъ, казармъ и судебныхъ учрежденій, а также для банковъ.

Паника царила страшная.

Газеты были полны подробностями о покушеніяхъ, произведенныхъ съ „Анархіи“, и описаніями неизвѣстнаго воздушнаго корабля, изобрѣтателемъ котораго называли анархиста Дикгофа.

Бредъ Ани оказался правдой, но она иначе

смотрѣла теперь на эту „пропаганду дѣйствіемъ“, которая велась съ „Анархіи“.

— Это ужасно, правда,—говорила она Александру Васильевичу во время горячихъ съ нимъ споровъ,—но это также необходимо, какъ операция при извѣстныхъ болѣзняхъ. Организмъ зараженъ, нужно оперировать зараженную часть.

— Такъ говоритъ Дикгофъ,—иронически добавлялъ Александръ Васильевичъ.

Аня сердилась, но не могла опровергнуть, что Дикгофъ и на нее, какъ на всю коммуну, имѣетъ огромное вліяніе.

Правительство вступило въ открытую борьбу съ анархистами. Введены были снова давно забытые военно-полевые суды, начались аресты. Брали за одну принадлежность къ партіи. Анархистамъ пришлось скрываться, и Аня принуждена была перемѣнить имя. По паспорту, который досталъ ей Александръ Васильевичъ, она называлась московской мѣщанкой Елизаветой Васильевной Прибыловой.

Она оставалась жить въ квартирѣ Александра Васильевича; на этомъ настоялъ онъ самъ. Во-первыхъ, она не настолько еще окрѣпла, чтобы приниматься за работу въ редакціи, да и газета, въ которой она служила, была закрыта, а во-вторыхъ, въ квартирѣ Александра Васильевича ей было безопаснѣе. Его знали какъ человѣка виѣпартийнаго. Несмотря на тревожное время, на то, что по вечерамъ опасно было выходить на неосвѣщенную улицу, въ маленькой квартирѣ Цвѣткова было тепло и уютно. Аня хозяйничала, хотя сама посмѣивалась надъ ролью буржуазной

хозяйки, но самое ея присутствие успокаивающее действовало на Александра Васильевича.

Однажды вечеромъ они вдвоемъ мирно пили чай, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Кто бы это могъ быть?—удивился Александръ Васильевичъ, но всталъ и пошелъ отворять.

Едва онъ открылъ дверь, какъ въ переднюю ворвалась плотная фигура въ черномъ мѣховомъ пальто.

— Саша, ты?—проговорила фигура.—Не ожидалъ?—И заключила его въ объятія.

— Дядя!

— Онъ самый. Не ожидалъ? И я не ожидалъ. Удивляешься? Сбѣжалъ, братецъ... теперь нелегальный... политический... Три года тюремы за отказъ отъ службы, да года четыре за бѣгство...

Онъ служилъ исправникомъ въ одномъ изъ уѣздовъ.

— Что такъ?

— Послѣ разскажу, усталъ,—проговорилъ экс-исправникъ, снимая пальто.—Веди меня куда-нибудь.

Александръ Васильевичъ привель его въ столовую и познакомилъ съ Аней.

— Бѣглый исправникъ Спиридонъ Аркадьевичъ Цвѣтковъ,—представилъ онъ, щелкнувъ по привычкѣ каблуками.

Сѣли къ столу.

Исправникъ выпилъ сначала три стакана чая, и тогда, наконецъ, получилъ способность говорить.

— Три дня къ вамъ отъ Серпуховаѣхъ,—

сказалъ онъ.—Три дня! Желѣзная дорога не работаетъ изъ-за этой проклятой „Анархіи“, везли ночью, на лошадяхъ. Въ Царицынѣ сидѣль сутки. Содрали пятьдесятъ рублей.

— Отчего же ты сбѣжалъ?—спросилъ Александръ Васильевичъ.

Аня съ любопытствомъ рассматривала этого новаго бѣглеца.

— Какъ отчего, мой другъ?—удивился исправникъ.—Многіе бѣгутъ. Побѣжишь, когда въ отставку не выпускаютъ, а на тебя сыплется и сверху и съ боковъ. Въ нашей губерніи сбѣжали уже три уѣздныхъ губернатора, шесть полевыхъ губернаторовъ и съ дюжину исправниковъ, считая и меня.

Уѣздные губернаторы замѣнили къ тому времени уѣздныхъ предводителей дворянства, а полевые губернаторы—земскихъ начальниковъ.

— Невозможно стало служить—и сбѣжалъ. Все бросилъ...

— Изъ-за „Анархіи“?—улыбнулась Аня.

— Изъ-за нея-съ, сударыня. Занимался сначала проектами обѣ истребленія этого пагубнаго сооруженія, а потомъ пришлось не подъ силу. И въ тотъ самый день, какъ рѣшилъ я бѣжать и лошадей себѣ уже приготовилъ, пролетѣло надъ нашимъ городомъ это чудовище. Низко... Людей на немъ видѣлъ-съ. И не стало больше моихъ силъ...

— Ты знаешь,—обратился онъ къ Александру Васильевичу,—сынъ Володя соціалъ-демократъ сдѣлся и уѣхалъ къ Карлосію, дочь Вѣра въ революціонерки записалась и теперь

въ Петербургѣ. Былъ я бобылемъ, ну, а теперь и нелегальнымъ сдѣлался,—развелъ онъ руками.—Тридцать лѣтъ службы пропало!

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ сго Александръ Васильевичъ.

— Перемѣню имя и буду основывать свою партію. Усы сбрею... За границу бѣжать—тамъ еще хуже...

— Это тоже законъ новой партіи усы брить?—пошутилъ Александръ Васильевичъ, заставивъ улыбнуться Анию.

— Какой законъ? Необходимость... Чтобы „шпики“ не узнали. Каково? Исправникъ—и скрываться принужденъ...—Онъ тяжко вздохнулъ.—Наше положеніе новаго Щедрина требуетъ... А партія—это совсѣмъ другое. Есть у мене въ Москвѣ одинъ знакомый, такой же, какъ и я, горемыка, бѣглый полевой губернаторъ, такъ мы съ нимъ новое политическое ученіе выдумали.

— Вотъ какъ!

— Да-съ!—Онъ хитро улыбнулся.—Отчего же мнѣ, съ позволенія сказать, и не выдумать своей новой политической системы, если я насквозь пропитанъ этой политикой? Моя система есть нечто среднее между монархизмомъ и соціализмомъ. Но такъ, что будутъ всѣ довольны... Да-съ! Мы разрѣшили... какъ это?.. проблемы нищеты народныхъ массъ. Однимъ словомъ, полная гармонія.

— Полицейскій соціализмъ?—спросила Ания не безъ ироніи.

Исправникъ посмотрѣлъ на нее однимъ глазомъ.

— Нѣть-съ, многоуважаемая гражданка, вы ошибаетесь. Полицейскаго соціализма не можетъ быть, ибо полиція есть огражденіе... рамки. Соціализмъ же есть нечто необъятное и по своей необъятности зловредное. Мы взяли изъ соціализма лишь нѣкоторыя указанія. Марксъ раскостиль капиталъ,—но чѣмъ обжегся, тѣмъ и лѣчись. Въ нашемъ ученіи базу составляетъ именно капиталъ. Правительство является распредѣлительнымъ органомъ и, при помощи полиціи, выплачиваетъ всѣмъ подданнымъ жалованье, сообразно ихъ труду. Уплата производится ассигнаціями, а золото сосредоточивается въ государственномъ банкѣ. Лѣнтии лишаются жалованья. Полиція слѣдить за трудомъ всѣхъ. Расцѣнка жалованья идетъ по градаціи: крестьянину довольно и пяти рублей въ мѣсяцъ.

— Ну, а чѣмъ же собираются подати?—спросила Ания.

— Хе-хе-хе... И это не забыто. Натурою-сь. Зерномъ, мѣхами, хлѣбомъ... Какъ древняя дань. У кого ничего нѣть—работай. Работай на государство, подлецъ!

— Такъ это и теперь дѣлается,—замѣтилъ Александръ Васильевичъ.

— Разница. Теперь берутъ, потому что не платятъ добровольно. Тогда будутъ отдавать по закону. Плоды трудовъ своихъ. Но разница въ чёмъ? Не будетъ голодныхъ. Всѣ будутъ обеспечены, не будетъ и волнений. Крестьянинъ удовольствуется малымъ клочкомъ земли, ибо съ малаго клочка и братъ будутъ немногого, не требуется никакой соціализаціи.

— Ну, а что же будутъ дѣлать съ данью? — спросила Аня.

— Продавать. За границу-съ. На золото. Отдавать по расцѣнкѣ въ погашеніе государственаго долга. Найдутъ, что сдѣлать.

— А какъ съ народнымъ образованіемъ? — спросилъ Александръ Васильевичъ, улыбаясь надъ этимъ нелѣпымъ проектомъ.

— Для всѣхъ дозволено, но не обязательнно. Полная свобода. Академія во всѣхъ уѣздныхъ городахъ при полицейскихъ управлениихъ.

Аня и Александръ Васильевичъ разразились хохотомъ. Не смѣялся только исправникъ. Онъ смотрѣлъ по очереди то на одну, то на другого и, наконецъ, не выдержалъ:

— Надъ чѣмъ же вы смѣетесь? По вашему, разъ человѣкъ носитъ или носилъ полицейскій мундиръ, такъ онъ и не думаетъ ни о чѣмъ, кромѣ своей службы? Ошибаетесь, господа. Убѣжденія могутъ быть различны, — не спорю, но развѣ въ моихъ взглядахъ больше утопіи, чѣмъ въ соціализмѣ или анархизмѣ?

Онъ началъ сердиться, но Александръ Васильевичъ его успокоилъ.

Дядя-исправникъ ночевалъ въ столовой, а на другой день сбривъ усы и перебрался къ бѣглому полевому губернатору.

XIV.

Въ деревнѣ.

„Анархія“ исчезла. Продержавъ почти мѣсяцъ въ осадѣ всю Россію, она пропала, словно ея ни-

когда не было. Только блиндажи на улицахъ да свѣжее воспоминаніе о падавшихъ съ неба разрушительныхъ снарядахъ заставляли не забывать о ея существованіи. Паника понемногу стала проходить. Снова въ Москвѣ заработало электричество, опять началь дѣйствовать метрополитенъ, циркулировать трамваи, а газеты были полны слуховъ о гибели изобрѣтенія анархистовъ.

Самый распространенный слухъ былъ, что „Анархія“ погибла во время бури надъ Балтийскимъ моремъ, на днѣ котораго пропала тайна побѣды человѣка надъ воздухомъ.

Ничего не знала о ея судьбѣ и Аня, снова вошедшая въ сношенія съ коммуной.

„Просвѣтленіе“ писало громовыя статьи. Эта газета, притихшая во время паники, вдругъ оказалась органомъ большинства обывателей. На улицахъ Москвы появились процессы, почти сплошь состоявшія изъ черни. Онѣ ходили съ флагами и горланили сочиненные поэтами „Просвѣтленія“ гимны, какъ будто именно они были побѣдителями страшнаго воздушнаго чудовища.

Но электрическіе пистолеты городовыхъ сдерживали ихъ въ нѣкоторомъ порядкѣ.

Александръ Васильевичъ воспользовался наступившимъ успокоеніемъ, чтобы сѣздиТЬ въ деревню. Ему нужно было урегулировать отношенія съ крестьянами по маленькому клочку земли, который достался ему отъ покойнаго отца.

Аня осталась въ Москвѣ.

Прославъ ночь въ вагонѣ, Александръ Васильевичъ утромъ сошелъ на маленькой станціи, пріютившейся на лѣсной опушкѣ.

Лошади были уже готовы.

Поздоровавшись с кучеромъ, Александръ Васильевичъ сѣлъ въ сани, запахнувшись шубой, и съ наслажденiemъ вдыхалъ морозный воздухъ съ легкимъ запахомъ сосны. Тройка взяла добрую рысью.

— Ну, какъ у васъ въ деревнѣ?—спросилъ Александръ Васильевичъ кучера.

— Да ничего,—отвѣтилъ тотъ, съ улыбкой повернувшись къ Александру Васильевичу свое лицо.—Вчера сходъ былъ, пріѣзжалъ полевой губернаторъ. Со старостой сѣпился. Однако, не по его вышло, нашъ староста-то самъ университетъ кончилъ.

— А въ чёмъ дѣло-то?

— Да все насчетъ земли... Двадцать лѣтъ дѣлать, ничего не выходитъ. Ну, староста-то доказалъ ему, что земля наша, потому мы на ней работаемъ. Про Бебеля говорилъ. Должно-быть, къ намъ пріѣдетъ. Ну, губернаторъ-то противъ Бебеля не смогъ, уѣхалъ.

— А вы знаете, кто этотъ Бебель?

— Ну, еще бы,—увѣренно тряхнула головой возница.

— А все-таки?

— Министръ, или главноуправляющій. Книжки пишетъ. Только противъ него губернаторъ не смогъ; потому набольшій... власть.

Онъ подстегнулъ пристяжную, жавшуюся къ санямъ, и спросилъ въ свою очередь:

— А какъ у васъ насчетъ воздушного корабля?

— „Анархія?“

— Вотъ, вотъ...

— Да, надѣлала дѣль... Въ Москвѣ, какъ въ крѣпости, жили.

— У насъ священникъ молебень служилъ объ избавленіи. Злобятся на анархистовъ мужики.

Александръ Васильевичъ насторожился.

— За что?

— Бѣдъ много натворили. Развѣ можно? Вонъ, у васъ въ Москвѣ въ судъ хотѣли бомбу бросить, а попали въ домъ. Въ Калужской губерніи въ домъ полевого губернатора бомбу бросили, а вся деревня сгорѣла. И начальство, вѣдь, тоже люди. Такъ нехорошо... Вонъ, нашъ староста—какъ съ полевымъ бранится-то, а чтобы руками что-нибудь—ни-ни! Тактика нужна мирная, да!—убѣжденно добавилъ онъ.

По дорогѣ они обогнали розвальни, нагруженные связками газетной бумаги.

— Что это такое?—заинтересовался Александръ Васильевичъ.

— „Московскія Вѣдомости“ да „Просвѣтлѣніе“ везутъ,—отвѣтилъ кучеръ.—Въ вашей Москвѣ балуются.

— И крестьяне берутъ?

— Отчего же не брать, коли даромъ? Берутъ. Читать-то не читаютъ,—избы оклеиваются. Теплѣе за бумагой-то...

Александръ Васильевичъ засмѣялся.

— А они шлють?

— Шлють. Вотъ что передъ выборами-то еще будетъ! Нашъ одинъ, деревенскій, шестьдесятъ пудовъ газетной бумаги передъ прошлыми выборами собралъ да продалъ.

Быстро промелькнули десять верстъ; на взгорѣ

открылась деревня, церковь, школа штундистовъ, народное училище, избы... Сани громыхнули по мосту черезъ ручеекъ и вкатились во дворъ небольшой усадьбы, встрѣченныя лаемъ щенкой собаки.

Александръ Васильевичъ былъ у себя дома.

Вечеромъ Александръ Васильевичъ сидѣлъ въ кабинетѣ своего покойнаго отца. Портретъ его висѣлъ на стѣнѣ, рядомъ съ портретомъ дѣда. Это были представители двухъ дворянскихъ эпохъ: про-цвѣтанія крѣпостной эпохи, эпохи упадка, и новой эпохи—ломки всего прежняго и сліянія съ народомъ. Этотъ народъ олицетворялъ теперь собою староста, Кузьма Егоровичъ, сидѣвшій напротивъ Александра Васильевича.

Староста былъ молодой человѣкъ, всего года три тому назадъ окончившій московскій университетъ. На немъ была поддевка и высокіе сапоги.

— Народъ противъ соціализаціи земли, я въ этомъ убѣдился,—говорилъ староста.—У насъ есть крестьяне-собственники, которыхъ вы не убѣдите въ этомъ. Земельный вопросъ рѣшить большинство.

— Путемъ насилия?—спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Путемъ разумнаго сознанія. Вы читаете газету „Шагъ за шагомъ?“

— Изрѣдка. Я не соціаль-демократъ.

— Тамъ прекрасно освѣщенъ земельный вопросъ. Существующія условія неотвратимо приведутъ къ этому. Вы можете убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ отдельныхъ общинъ. Напримѣръ, въ на-

шей деревнѣ. Ваша земля должна перейти въ собственность крестьянъ. Какъ разъ на-дняхъ у меня былъ обѣтъ разговарить съ полевымъ губернаторомъ.

— Я не прочь продать землю...

Староста продолжалъ развивать свою мысль:

— Мы вводимъ семипольное хозяйство, хотимъ примѣнять фосфористые туки. Намъ невыгодно работать на васъ: вы получаете не одну аренду, но мы сами увеличиваемъ цѣну вашей земли, чтобы потомъ намъ же платить за нее дороже.

— Но, позвольте, Кузьма Егоровичъ, я и пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Мне кажется, что мы придемъ къ обоюдному согласию. Но, повторяю, отдать землю, отказаться отъ нея я не могу. Это не въ моихъ принципахъ, и я, какъ вы сами знаете, человѣкъ небогатый.

— Завтра я соберу сходъ. Вы не откажетесь прійти?

— Конечно.

Староста помолчалъ.

— Съ нашимъ сходомъ довольно трудно ладить,—продолжалъ онъ.—Напримѣръ, въ вашемъ домѣ я хотѣлъ бы открыть библіотеку и народный университетъ, а другіе требуютъ больницу, которая у насъ уже есть, и ясли для дѣтей. Есть даже и такие, которые требуютъ разломать домъ на дрова и раздѣлить между всѣми поровну. Конечно, мы этого не допустимъ.

Разговоръ перешелъ на другія темы. Говорили о паникѣ, охватившей страну, обѣ исчезновеніи „Анархіи“, о военнополевыхъ судахъ, соверша-

вшихся при помощи бозпроволочного телефона, аппарата которого приносился въ камеру заключенного. Ни онъ, ни судьи не видѣли другъ друга.

Въ ту же камеру пускался потомъ сильный электрическій токъ,—и смерть осужденного слѣдовала мгновенно и неожиданно для него самого.

— Анархисты—наши враги,—говорилъ староста.—Но, когда-нибудь они перейдутъ къ намъ, соціалъ-демократамъ.

— А почему не всѣ вы къ намъ?—спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Хоть убейте меня, я никакъ не могу понять, кто вы такой,—засмѣялся Кузьма Егоровичъ.—Въ вѣсъ, кажется, всего понемножку.

Они поужинали, по-деревенски, курицей и солеными рыжиками, и, проводивъ гостя, Александръ Васильевичъ вышелъ на крыльцо.

Была свѣтлая лунная ночь. Алмазами горѣла и вспыхивала пушистая пелена снѣга, сверкалъ иней на вѣтвяхъ деревьевъ и ледяныхъ сосулькахъ, нависшихъ съ крышъ. Луна фосфорическимъ голубовато-золотымъ шаромъ плыла надъ алмазнымъ лѣсомъ. Звѣздочкой горѣлъ крестъ церкви надъ темными пятнами деревенскихъ хатъ. Родиной и тихой прелестью повѣяло на Александра Васильевича отъ этой картины, и ему вдругъ стало смертельно жаль своего родового гнѣзда.

— Свѣтъ здѣсь гнѣздышко вмѣстѣ съ Аней... работать... пахать землю, какъ этотъ староста-студентъ. Уйти отъ всей этой суетолоки большого города, отъ политики, жить въ этой тихой про-

стотѣ и каждый день чувствовать въ себѣ и вокругъ себя настоящую жизнь, а въ душѣ—Бога.

Собака звякнула цѣпью въ своей конурѣ, и Александрѣ Васильевичу невольно пришло на мысль, что и онъ прикованъ цѣпью къ своей жизни въ далекой Москвѣ, и не оторваться ему отъ нея, и чуждъ онъ и вмѣстѣ близокъ тѣмъ людямъ, что живутъ здѣсь въ темныхъ хатахъ.

„Бамъ“!.. раздалось на церковной колокольнѣ, и звонко-тягуче поплыло въ воздухъ и надъ лѣсомъ: „бамъ“... „бамъ“...

Сторожъ билъ часы. Звуки то замирали, то возрождались съ новой силой, и Александрѣ Васильевичу казалось, что звонить самый воздухъ.

Онъ долго еще стоялъ на крыльцѣ, пока морозъ не заставилъ его войти въ домъ.

XV.

Московскій погромъ.

Послѣ паники, возникшее въ Москвѣ новое настроение, подъ вліяніемъ побѣды крайнихъ пра-выхъ, вскорѣ ознаменовалось кровавымъ происшествіемъ. Толпы черни, возбужденной агентами Дюлера и Комиссарова, пошли бить анархистовъ. Начался погромъ. Аня проснулась утромъ отъ глухого шума на улицѣ, въ которомъ явственно раздавались звуки выстрѣловъ.

— Возстаніе!—мелькнула у нея мысль.

Она быстро одѣлась и бросилась къ окну.

По улицѣ медленно двигалась, точно текла, толпа. Домъ напротивъ стоялъ съ выбитыми стеклами.

Она поняла: погромъ!

Зазвенѣло стекло въ сосѣдней комнатѣ и что-то тяжелое ударилось о полъ. Второе... Третье...

— Бей анархистовъ! — ворвался дикий крикъ въ комнату.

Медлить было нельзя; приходилось думать о спасеніи жизни.

— Бей жидовъ!

— Саша нѣтъ! — мелькнуло въ головѣ Ани. — Въ эту минуту ей и хотѣлось, чтобы Александръ Васильевичъ былъ съ нею, и вмѣстѣ съ тѣмъ она была рада, что онъ въ деревнѣ, далеко отъ всего этого.

Она быстро накинула кофточку, платокъ и выѣждала на дворъ, оставивъ незаперту квартиру. Вспыхахъ она забыла отстегнуть отъ кофточки черную розетку, съ которой вчера была на тайномъ митингѣ анархистовъ.

По двору бѣгали испуганные люди, которые не знали, что имъ дѣлать. Нѣкоторые, какъ на пожарѣ, выносили изъ квартиръ имущество, потомъ бросали все на снѣгъ и въ ужасѣ бѣжали куда-то. Въ открытый настежь ворота вѣягали и выбѣгали люди.

Аня бросилась въ эти ворота и смыкалась съ толпой.

Чернорабочій въ сдвинутомъ на затылокъ картоузѣ бѣжалъ вмѣстѣ съ нею; въ одной рукѣ у него былъ желѣзный ломъ.

— Бей, бей! — кричалъ онъ.

На перекресткѣ была давка. Здѣсь толпа терзала какого-то несчастнаго, попавшагося ей въ руки. Передъ Аней на мгновеніе мелькнула какая-

то сѣрая масса на снѣгу, въ лужѣ крови, отъ которой шелъ легкій паръ.

У нея вырвался крикъ ужаса.

— Что кричишь, аль не любо? — бросилъ ей чернорабочій съ ломомъ въ рукѣ. — Всѣхъ такъ перебьемъ!

— Бей жидовъ! — закричалъ онъ.

— За что? — машинально воскликнула Аня.

— Братцы, жидовка! — не отвѣчая ей, закричалъ вдругъ онъ, схвативъ Анию за воротникъ кофточки. — Анархистку поймаль!

Нѣсколько рукъ протянулось къ ошеломленной Анѣ; передъ нею мелькнули звѣрскія, злобныя, взволнованныя лица. Кто-то сорвалъ съ ея головы платокъ. Она закрыла глаза; она ждала смерти. Точно пропасть открылась вдругъ у нея подъ ногами, и отъ этой бездны закружилась голова, захолонуло сердце.

— Только скорѣй бы... Не мучили, — мелькнула мысль.

— Бей! — кричали голоса.

Чернорабочій, схватившій Анию, держалъ себя какъ побѣдитель, и оттого, что его жертва не оказывала никакой попытки къ сопротивленію, въ немъ еще больше разгорался кровавый инстинктъ хищнаго звѣря.

— Стой, ребята, — закричалъ онъ, — моя! Зачѣмъ сразу бить? Помучимъ прежде...

— Въ рѣку ее. Потопить!

— Въ рѣку, такъ въ рѣку! Тащи ребята! — согласился рабочій.

Аню схватили за руки и потащили. Ея черная розетка упала въ снѣгъ, и ее затоптала толпа;

волосы разсыпались по плечамъ. Морозный вѣтеръ билъ ей въ лицо, игралъ ея волосами, но Аня не чувствовала холода. Она какъ бы умерла наполовину. Эти люди, которые съ криками влекли ее, казались ей призраками. У нея не было даже ненависти къ нимъ.

Аню протащили мимо храма Христа Спасителя, и толпа, грозно звеня враждебными криками, спустилась на ледъ.

— Руби прорубь! — кричалъ кто-то.

Раздались удары топора о ледъ.

И вдругъ вся эта толпа сразу онѣмѣла и притихла, раздалась на двѣ стороны, и въ проходѣ появился изможденный человѣкъ, въ полотняномъ рубищѣ, похожемъ на рубашку, босой и простоволосый, съ деревяннымъ посохомъ, сдѣланномъ въ видѣ креста. Взглядъ его глубоко впавшихъ глазъ остановился на Анѣ.

— Что дѣлаете, православные? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Толпа замялась.

— Да вотъ жидовку поймали... Анархистку, — раздались нерѣшительные голоса.

— Съ бомбой, которая! — крикнулъ голосъ посмѣлѣе.

Чернорабочій, схватившій Анию, бросиль ломъ и стояль безъ шапки.

— Ну?

Въ глухомъ голосѣ старика прозвенѣла строгость.

— Прикончить хотѣли... Потопить, — потупившись отвѣтилъ чернорабочій.

— Кто далъ вамъ право это на землѣ? — строго

заговорилъ старикъ. — Господь пошлетъ съ неба огонь, и этотъ огонь пожретъ нечестивыхъ... А вы кто? Мразь, пепель, передъ лицомъ Господа!

— Максимъ Максимычъ! Максимъ Максимычъ! — раздались въ толпѣ робкіе голоса.

Аня узнала его. Тогда, въ храмѣ „Чистаго Разума“, появление сумасшедшаго капитана подняло въ ней недоброе предчувствіе, а теперь радость охватила ее и сразу вернула ей жизнь, вернула сознаніе.

— Максимъ Максимовичъ! — вскрикнула она, вырвалась изъ державшихъ ее рукъ и бросилась къ старику.

Она схватила его за руку, въ которой онъ держалъ крестъ, дрожащая, еще не вѣрящая спасенію, но уже чувствующая его.

Сумасшедший взялъ ее за руку.

— Она чище васъ! — крикнулъ онъ, обводя взглядомъ толпу, которая не смѣла протестовать. — Кто изъ васъ смѣеть бросить въ нее камень?

Толпа молчала. Звѣрскихъ лицъ уже не было. Многіе поснимали шапки.

Властнымъ движениемъ, передъ которымъ вновь разступилась толпа, онъ повлекъ Анию къ почти готовой уже проруби, заставилъ встать на колѣни, и зачерпнувъ горстью ледяной воды, онъ плеснулъ ею на голову Ани, проговоривъ:

— Крещу тебя для будущей жизни!

На улицахъ Москвы еще бушевалъ погромъ, съ которымъ тщетно боролись вызванные и превосходно дисциплинированные солдаты, старавшіеся избѣгать большого числа жертвъ, а по на-

бережной, по направлению къ Кремлю, двигалась процессія, похожая на религіозную.

Впереди шелъ Максимъ Максимовичъ и вѣль за руку Анию, въ распущеныхъ волосахъ которой сверкали и звенѣли льдинки, а за ними, безъ шапокъ, шла толпа.

Это были тѣ самые люди, которые хотѣли убить и чуть не убили Анию.

XVI.

Въ кельѣ.

Максимъ Максимовичъ жилъ въ монастырѣ, въ маленькой кельѣ, похожей на тюремную камеру. Въ ней не было никакой мебели, кромѣ аналоя и деревяннаго некрашенаго гроба, служившаго постелью для новаго проповѣдника.

Монахи дорожили имъ. Съ появлениемъ „блаженного Максима“ довольно плохія дѣла монастыря быстро поправились. Отъ поклонниковъ и просто любопытныхъ не было отбоя, въ особенности послѣ того, какъ Максимъ Максимовичъ сталъ „прорицать“.

Предсказателей, вообще, расплодилось много. Люди, извѣршившіеся въ хорошемъ близкомъ будущемъ, дрожаще за свою судьбу, старались приподнять туманную завѣсу и хоть немного заглянуть впередъ.

Каждому хотѣлось узнать: стоитъ ли ждать, стоитъ ли жить.

Но всѣ эти „профессора будущаго“, эксплуатирующіе публику, были ничто передъ Максимомъ

Максимовичемъ, явившимся въ образѣ безсребренника и подвижника.

Толпа проводила его и Анию до монастырскихъ воротъ и послушно остановилась, когда онъ махнулъ своимъ посохомъ.

Максимъ Максимовичъ провелъ Анию въ келью и указалъ ей на крышку гроба.

— Садись, дочь моя.

Онъ не узналъ ея.

Аня сѣла. Ей было холодно, ее начинала бить лихорадка, но она не имѣла силы не повиноваться теперь этому ненормальному человѣку, который дѣйствовалъ на нее гипнотически силою своей больной воли.

Ледѣ началъ таять въ ея волосахъ. Дрожащими руками она выбирала изъ нихъ тающія льдинки и бросала ихъ на полъ. Онѣ разбивались со слабымъ звономъ.

Максимъ Максимовичъ стоялъ передъ нею, опираясь на свой посохъ.

— Я нашелъ тебя. Ты пойдешь отсюда и будешь проповѣдывать, потому что на тебѣ благодать. Слышишь ли ты меня?

— Слышу,—прошептала Аня.

— Имѣють, ли, и не слышать! глаза—и не видѣть!—продолжалъ безумный. Я открою тебѣ тайну. Миръ погибасъ, но ты можешь его спасти. Ты дрожишь? Дрожи... это на тебя снисходить еще благодать...

— Максимъ Максимовичъ, вы не узнаете меня?— попробовала перебить его Аня,—но онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукою.

— Се человѣкъ, — указалъ онъ на себя. — Нѣть Максимовъ Максимовичей!

Онъ поставилъ въ уголъ свой крестообразный посохъ, сѣль передъ Аней на корточки и устремилъ въ ея глаза свой блестящій, странный взглядъ.

— Слушай тайну... Человѣчество должно проникнуть всѣхъ. Не нужно имень. Всѣ люди... Когда поймутъ это, настанетъ царство Божіе... Я сходилъ на землю и говорилъ людямъ. Но они не повѣрили мнѣ и оставили имена. И придумали много новыхъ именъ... Много. Отъ этого стало еще хуже, еще больше грѣховъ и страданій. Каждый день родить новое имя, съ каждымъ новымъ именемъ все меньше и меньше человѣчества. Я говорилъ это людямъ, и они... распяли меня...

Онъ закрылъ лицо руками и задрожалъ отъ беззвучныхъ рыданій.

Анѣ временами казалось, что она понимаетъ его, но временами же на нее находило настоящее забытье, въ которомъ она видѣла ясно только горящіе глаза Максима Максимовича и его шевелящіяся губы.

Сумасшедшій внезапно открылъ лицо.

— Настанетъ день, — и онъ дастъ новое страшное имя, котораго не было еще на свѣтѣ! И міръ содрогнется, потому что тогда умретъ человѣчество! Земной шаръ разорвется пополамъ и подземный огонь вырвется наружу... И съ неба тоже сойдетъ огонь. Въ огнѣ погибнетъ все... Я усталъ говорить это людямъ, я ухожу... Возьми крестъ мой и гряди по мнѣ.

Онъ схватилъ свой посохъ и съ силою поднялъ Аню за руку, заставивъ ее взять этотъ посохъ.

Да не будетъ именъ, да будуть люди! Иди!

Онъ указалъ ей рукою на дверь.

Аня полуоткрыла ее, держа въ рукѣ посохъ Максима Максимовича, и еще разъ взглянула на своего спасителя.

Онъ стоялъ съ повелительно вытянутой рукою и устремленнымъ на нее взглядомъ.

Аня перешагнула черезъ порогъ и закрыла за собою дверь.

На крыльцѣ ее окружили монахи.

— Просошокъ свой отдали, — умиленно замѣтилъ ей пожилой послушникъ въ замасленой скуфейкѣ. — Взыскать блаженный...

— Вы имъ не сродственницей ли приходитесь? — съ любопытствомъ освѣдомился монахъ въ черной камилавкѣ и съ сѣдою бородой.

Аня хотѣла было отдать имъ посохъ Максима Максимовича, но раздумала: пусть онъ останется ей на память о ея спасеніи.

— Вы бы, сударыня, зашли въ трапезную, побогрѣлись, да покушали, — продолжалъ монахъ, освѣдомлявшися, не родственница ли она Максиму Максимовичу, — а потомъ отецъ наственный вамъ экипажъ дадутъ домой васъ доставить. А то какъ бы опять чего не случилось.

— А это... кончилось? — спросила Аня съ дрожью въ голосѣ.

— Погромъ-то? Какъ будто тихо стало... Не стрѣляютъ... Наказаніе Господне. Истинно послѣднія времена приходятъ изъ-за анархистовъ этихъ самыхъ; мы ихъ „антихристами“ зовемъ,

по-нашему, по - монастырскому... Капище понастроили. Истинно, грѣхъ великий!

Словоохотливый монахъ оказался, однако, любезнымъ хозяиномъ. Въ трапезной Аня кое-какъ привела въ порядокъ свою голову, ей достали даже платокъ и въ монастырской каретѣ отправили домой.

Улицы были пусты. Попадались только конные патрули да отряды полицейскихъ и солдатъ. Дома стояли съ сорванными дверями и выбитыми стеклами, на тротуарахъ валялись вывѣски разгромленныхъ магазиновъ. За Москвой-рѣкой виднѣлось зарево и клубы густого дыма.

Но монастырскую карету никто не остановилъ, и Аня благополучно добралась домой.

XVII.

На сѣверномъ полюсѣ.

Москва не успокоилась, хотя послѣ погрома наступило какое-то странное оцѣпенѣніе. Точно люди съ ужасомъ открыли, наконецъ, глаза на то, что они натворили, и замолкли передъ неизбѣжнымъ возмездіемъ.

Въ оцѣпенѣніи была и Аня. Почти чудесное избавленіе отъ смерти, странная сцена въ кельѣ—все это подействовало на нее угнетающе, и она напрасно старалась вернуть себѣ прежнюю бодрость духа. Ее все настойчивѣе и настойчивѣе сверлила мысль: черезъ какіе ужасы нужно еще перешагнуть по пути къ свободѣ?

Александру Васильевичу она послала коротенькую телеграмму успокоительного содержанія и

получила отъ него отвѣтъ. Онъ обѣщалъ быть черезъ три дня. Аня не выходила, кое-какъ устроившись въ разгромленной квартирѣ, но на другой день къ вечеру къ ней пришла Горянская, уже знаявшая какими-то судьбами о новомъ происшествіи съ Аней.

Уже не молодая женщина, остриженная по мужски и въ полумужскомъ костюмѣ, съ черными усиками на верхней губѣ, Горянская была похожа на солдата въ юбкѣ. На всѣхъ митингахъ она была самымъ горячимъ ораторомъ, сотрудничала въ „Анархистѣ“ и гордилась тѣмъ, что двадцать лѣтъ назадъ ея отецъ былъ повѣшены за экспропрацію.

— Хороши эти мужчины,—заговорила она негодяще, мелькомъ поздравивъ Анию съ чудеснымъ спасеніемъ.—Только мы, женщины, можемъ всецѣло отдаваться идеѣ и настойчиво идти къ намѣченной цѣли. Вы знаете, какъ отличился Дикгофъ?

— А онъ явился?—спросила Аня.

— Конечно. Онъ изволилъ слетать на сѣверный полюсъ и благополучно оттуда вернулся. Какъ это вамъ нравится?

— Это гениально!—вырвалось у Ани.

— Это подло, вотъ что! Бросить насъ однихъ на произволъ судьбы... Будь „Анархія“ на мѣстѣ—не было бы погрома. Еще двѣ-три недѣли осады—и правительство должно было бы сдаться. Это измѣна. Я буду требовать суда надъ Дикгофомъ! Сегодня засѣданіе во всѣхъ коммунахъ. Вы непремѣнно должны прійти. Вмѣстѣ и отправимся.

— А какъ на улицахъ?—робко спросила Аня. Горянская посмотрѣла на часы:

— Черезъ два часа надъ Москвой снова появится „Анархія“. Всѣ попрячутся. Никто не задержитъ насъ на улицѣ.

Дѣйствительно, въ сумерки во всѣхъ участкахъ Москвы началась тревожная электрическая сигнализациѣ. Погасли фонари, погасъ огонь въ окнахъ домовъ. А на темномъ фонѣ неба ярко загорѣлась, медленно плавая надъ Москвой, звѣзда электрическаго прожектора, за которой тянулось длинное черное тѣло. Это была исчезнувшая и вновь появившаяся „Анархія“. Гулъ отъ гудѣнія ея крыльевъ наполнялъ воздухъ и, по мѣрѣ того, какъ она описывала въ воздухѣ широкіе круги, яркая полоса электрическаго свѣта скользила по площадямъ и улицамъ темной Москвы, наводя ужасъ на все живое.

Громыхнула у Кремля изъ окоповъ первая мортира, потомъ вторая, третья; началась правильная канонада, какъ въ осажденномъ городѣ. Артиллеристы стрѣляли въ воздушнаго врага, но этотъ врагъ не обращалъ никакого вниманія на ихъ выстрѣлы. „Анархія“ не отвѣчала.

Рѣдко, прячась у стѣнъ домовъ, пробѣгали по улицамъ одиночные люди и среди нихъ были Аня съ Горянскою.

Онѣ шли на Покровку, къ дому Свѣточева.

Помѣщеніе квартиры было наполнено людьми. Аня и Горянская, получивъ отъ секретаря билеты, съ трудомъ пробрались въ залъ, гдѣ въ это время уже говорилъ ораторъ.

Аня слышала только отрывочные фразы: „Преступленіе... упущенъ моментъ... надо начинать сознаніе“... Гудѣніе голосовъ заглушало слова оратора.

Она догадалась, что ораторъ говорить противъ Дикгофа, этого человѣка, сила воли котораго дѣйствовала на нее неотразимо.

— Да, да! Моментъ упущенъ!—крикнула возлѣ него Горянская.

— Товарищи, вы хотите суда надо мною? — раздался голосъ, покрывшій общій гулъ, спокойный и твердый, „стальной“, какъ говорили о голосѣ Дикгофа.

— Да, да! Конечно!—раздались голоса.

— Мы признаемъ ваши заслуги, но вы такой же членъ коммуны, какъ и всѣ!—крикнула Горянская.—Да здравствуетъ равенство!

— Въ такомъ случаѣ, выберите судей,—продолжалъ Дикгофъ.

— Мы всѣ суды! Всѣ!—раздались голоса.

— На баллотировку!—крикнулъ кто-то.

— Выбрать предсѣдателя!

Аня молчала. Ей казалась нелѣпой вся эта комедія: иначе она не могла относиться къ суду надъ человѣкомъ, гениальность котораго могуче поднималась надъ толпою всѣхъ этихъ людей, способныхъ только быть въ стадѣ. И подчиненіе этого гения шумѣвшему стаду только еще болѣе поднимало его въ ея глазахъ.

— Онъ герой,—подумала она и взглянула въ это время на Горянскую. Та стояла съ покраснѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами, всей своей фигурой выражая негодованіе.

„Неужели даже Горянская считаетъ въ данную минуту себя выше его?—невольно подумала Аня.—Считаетъ, что она имѣеть право судить его?“

— Хорошо, пусть выберутъ предсѣдателя, — отвѣчалъ спокойный голосъ Дикгофа.

Снова начался шумъ и общіе крики. Избранный, въ концѣ-концовъ, оказался старикъ съ незнакомой Анѣ физіономіей. Неизвѣстно, почему выбрали не другого, но именно его, однако, это избраніе встрѣчено было общими рукоплесканиями.

Старика поставили на стулъ.

— Товарищи!—началь онъ и обвелъ глазами собравшихся.

Отдѣльные голоса начали стихать. Мало-помалу наступила полная тишина. Отъ отдѣленныхъ орудійныхъ выстрѣловъ тихо звенѣли стекла въ оконныхъ рамахъ.

— Товарищи,—продолжалъ старикъ, протянувъ руку по направлению къ окну. — Это стрѣляютъ по „Анархіи“. Этимъ могучимъ оружіемъ въ нашихъ рукахъ мы обязаны товарищу Дикгофу. Но, давъ его намъ и начавъ наше общее дѣло, онъ преступно, не объявивъ никому, исчезъ вмѣстѣ съ этимъ могучимъ оружіемъ, бросивъ насъ на произволъ судьбы. Въ этомъ его вина, его преступление передъ всей коммуной, передъ анархистами всего міра! Я воздаю должное его генію, его заслугамъ, но, какъ предсѣдатель суда, выбранный вами, долженъ сказать: Дикгофъ заслужилъ смерть!

Аня вздрогнула. Она не ожидала этого. Она съ ужасомъ смотрѣла на старика съ протянутой

рукой, который казался ей ужаснымъ. Это былъ фанатикъ, ослѣпленный жрецъ, сумасшедшій, и Аня невольно сравнивала его съ Максимомъ Максимовичемъ.

Гробовая тишина была отвѣтомъ на эти страшныя слова. Наконецъ, чей-то голосъ произнесъ:

— Нужно дать слово Дикгофу.

— Слово Дикгофу! Пусть говоритъ!—отвѣтили другіе голоса.

Старикъ сошелъ со стула. На его мѣстѣ появился Дикгофъ. Его лицо было спокойно.

— Товарищи,—началь онъ обычнымъ увѣреннымъ голосомъ, какимъ привыкъ говорить въ этой же комнатѣ.—Я подчинюсь вашему рѣшенію, какое бы оно ни было. Къ рѣчи избраннаго вами предсѣдателя я прибавлю еще одно. Я зналъ, что я дѣлалъ, я сознательно шелъ на преступленіе, я зналъ, что могутъ быть жертвы, но я былъ не въ силахъ побороть мое стремленіе, не въ силахъ быть оторвавшимъ отъ магнита, который влекъ меня въ таинственную страну, къ сѣверному полюсу.

Я былъ тамъ — первый изъ людей. Въ зенитѣ земного шара я водрузилъ наше знамя, на которомъ горитъ надпись: свобода. Увѣнчанная этимъ знаменемъ земля гордо понесется теперь въ пространство, навстрѣчу неизвѣстному.

И сознаніе того, что это сдѣлано мною, я готовъ купить цѣнною моей жизни.

Назовите меня преступникомъ, но назовите и мечтателемъ. Я былъ имъ всегда. Работая всю жизнь надъ идеей летающей машины, я увлекался мыслью, что когда-нибудь моя нога ступить на

неизвестную землю, въ которой скрытъ таинственный законъ магнитнаго влечения, и надъ которой полгода не заходитъ солнце. Тамъ, въ этой волшебной странѣ вѣчнаго дня, я поставлю знамя свободы и оповѣщу объ этомъ на весь міръ. И, повинуясь закону таинственнаго магнетизма, пусть всему человѣчеству указываетъ путь къ этому знамени магнитная стрѣлка.

Онъ смолкъ ненадолго, и въ наступившей тишинѣ пронесся гулъ одобренія. Аня раскраснѣлась; она была взволнована, потрясена.

Дикгофъ продолжалъ:

— Побѣдивъ воздухъ, я вначалѣ сталъ выполнять выработанный нашими организаціями планъ. Но, уже близкій къ побѣдѣ надъ рабствомъ, я самъ оказался рабомъ моей завѣтной мечты. И вотъ, однажды, поднявшись на громадную высоту надъ землею, среди бездны звѣздной почі, я направилъ корабль туда, куда указывала магнитная стрѣлка.

Я полетѣлъ на сѣверъ.

Надъ нами всходило и заходило солнце, и съ каждымъ днемъ все скорѣе и скорѣе показывалось оно изъ-за темной туманной земли. Вѣчный день горѣлъ впереди. Подо мною засверкали льды океана. Я не въ силахъ былъ уже вернуться. И я и мои спутники рѣшили лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ нашей цѣли.

И насталъ день: прорѣзавъ кристальной чистотой сверкавшій голубой воздухъ надъ свободными отъ льда пурпурными волнами океана, „Анархія“ опустилась на таинственную землю полюса, названную мною землею Свободы. Эта земля ни-

когда не слыхала стона раба, лязга цѣпей, сурогаго окрика тюремщика. На ней отъ вѣка въ сіяніи вѣчнаго дня царила вѣчная свобода. Я достигъ цѣли моего паломничества и вернулся къ вамъ обновленный, но съ сознаніемъ моей вины передъ дѣломъ свободы, здѣсь, въ этой юдоли борьбы. Дѣлайте со мной, что подскажетъ вамъ совѣсть и долгъ. Я кончилъ.

Онъ медленно наклонилъ голову, но не успѣлъ еще сойти со стула, какъ первый крикъ сразу нарушилъ наступившую тишину:

— Товарищи! Неужели мы осудимъ на смерть героя?

Это крикнула Аня. Она не могла сдержать себя. Схвативъ за руку Горянскую, она въ первомъ экстазѣ до боли сжимала ее и продолжала что-то кричать, теряя свой голосъ въ общемъ гулѣ поднявшихся криковъ.

— Снять обвиненіе! Невиновенъ! — гремѣли эти крики.

XVIII.

Жребій брошенъ.

Не скоро все утихло. Напрасно избранный предсѣдателемъ, недавно еще подсудимый, Дикгофъ приглашаетъ перейти къ порядку дня: присутствующие не могли успокоиться.

Почти всѣхъ охватила особенная экзальтациѣ.

Тroe или четверо недовольныхъ общимъ рѣшеніемъ, но подчинившихся ему, собрались въ углу и обмѣнивались недовольными фразами, но эта небольшая кучка пропадала въ общей радостной массѣ.

Среди недовольныхъ былъ и старикъ, обвинитель Дикгофа.

Всѣ чувствовали себя хозяевами страны Свободы, завоеванной Дикгофомъ. Эта была земля для многихъ, даже для множества, была попрежнему недостижима, она была пустыней, которую только на мигъ оживило присутствіе человѣка, но, тѣмъ не менѣе, эта была первая страна безраздѣльно, безъ спора и борьбы, дѣйствительно, принадлежащая анархистамъ.

— Они готовы выбрать Дикгофа императоромъ сѣверного полюса,—брюжалъ старикъ.—Я, какъ старый анархистъ, не желаю допускать такого усиленія его авторитета! Онъ долженъ быть такимъ же, какъ и всѣ! Коммуна должна заставить его подчиняться себѣ.

Эти слова были брюзжаніемъ ограниченности, зависью передъ геніемъ другого, но его не слушала даже Горянская.

Дикгофу жали руки, его поздравляли, и онъ такъ же спокойно принималъ эти поздравленія, какъ и недавнія обвиненія.

Съ трудомъ, наконецъ, воцарилась тишина.

Тогда заговорилъ Дикгофъ:

— Товарищи!—сказалъ онъ.—Анархія“ съ завтрашняго дня начнетъ дѣйствовать усиленіе, чѣмъ прежде. Но мы должны подвергнуть нашему мщенію тѣхъ лицъ, которыхъ были виновны въ этомъ погромѣ. Въ коммунѣ есть уже о нихъ точныя свѣдѣнія: это Синицынъ и гр. Дюлеръ.

— Я думаю, этимъ господамъ ужъ не удастся оправдаться,—бросилъ изъ своего угла старикъ.

На него зашикали, и онъ смолкъ.

— Смерть!—раздался чей-то голосъ. Онъ произвучалъ какъ-то робко и неувѣренно.

Но его тотчасъ же покрыли общіе крики:

— Смерть! Смерть!

Около Дикгофа появилась Горянская. Ея лицо опять пылало.

— Преступленіе этихъ господъ—преступленіе противъ всего человѣчества, противъ міровой свободы! Я предлагаю себя въ исполнительницы! Я брошу бомбу!

— Нѣтъ, нѣтъ! Бросимъ жребій! — раздались голоса.

— Я тоже стою за то, чтобы бросить жребій,—сказалъ Дикгофъ.—Это правильнѣе. Всѣ мы готовы пожертвовать собою для общаго блага и въ данномъ случаѣ уступка Горянской будетъ привилегіей. Кромѣ того, необходимы два человѣка, такъ какъ какъ преступниковъ двое, а для исполнителя нашего приговора слишкомъ мало шансовъ остаться въ цѣлости.

— Прекрасно, бросимъ жребій!—согласились тѣ, кто стоялъ ближе къ Дикгофу.

Аня стояла помертвѣвшая. Нервное оживленіе склонило съ нея. Здѣсь говорили объ ея отцѣ, какъ о преступникеъ, ему произнесли смертный приговоръ, и она сама не могла оправдать его; но то, что она сама должна была принять участіе въ жеребьевкѣ, рѣшающей участіе и ея и отца,—это наполняло ее содроганіемъ.

— Синицына, пишите на бумажкѣ вашу фамилію и бросьте сюда, въ шапку!—крикнула ей Горянская. И теперь ея собственная фамилія по-

чудилась Анѣ оскорблениемъ, окрикъ Горянской хлестнуль ее, какъ бичомъ.

— Уйти!—мелькнула мысль, но она стояла, точно прикованная, измѣнившаяся въ лицѣ.

Какъ передъ пропастью, отъ которой нѣть силы оторвать глазъ, въ которую тянетъ, а на днѣ ея ждеть гибель.

Но въ эту минуту Аня почувствовала на себѣ холодный и тяжелый взглядъ Дикгофа, и прежде всегда смущавшій ее, а теперь приковавшій къ себѣ ея волю.

Машинально, какъ автоматъ, она взяла изъ руки Горянской клочекъ бумаги и написала на немъ свое имя и фамилію.

На столѣ лежала чья-то мужская шапка, рыжая, съ обтрепанными полями, и Аня швырнула туда свой билетикъ, который она нервно скатала въ комочекъ. Передъ этой шляпой прошла вся коммуна, женщины и мужчины, молодые и старые, и на всѣхъ лицахъ лежала суровая и вмѣстѣ тревожная рѣшимость.

Дикгофъ взялъ шапку и потрясъ ее.

— Кто будетъ вынимать жребій? — спросилъ онъ.— Я думаю, чтобы не тянуть времени, первый вынутый билетъ и укажетъ намъ лицо, которое должно принять въ свое вѣдѣніе, ну, хотя бы... Синицына. Кто будетъ вынимать билеты?

— Я!—выдвинулся изъ толпы еще совсѣмъ юный молодой человѣкъ, почти мальчикъ. — Я готовъ ити и безъ жребія!

И онъ съ самоувѣренностью молодости обвелъ присутствующихъ взглядомъ.

— Вынимайте,—спокойно приказалъ ему Дикгофъ.

Юноша опустилъ руку въ шапку и вынулъ бѣлый комочекъ. У Ани замерло сердце: ей показалось, что это ея билетикъ.

— Я убью себя!—мелькнула у нея мысль.

А комочекъ, какъ нарочно, долго не развертывался, хотя его усердно теребили нетерпѣливы пальцы.

— Скорѣе!—не выдержалъ кто-то.

— Васильевъ!—прочелъ, наконецъ, юноша.

Изъ толпы, расталкивая ее, вышелъ лохматый человѣкъ, въ кожаной шведской курткѣ, остановился посрединѣ и тряхнулъ головою.

— Я готовъ!—сказалъ онъ коротко.

Это былъ техникъ. Всего нѣсколько дней онъ былъ принятъ въ коммуну.

Онъ стоялъ теперь рядомъ съ Аней. Будущій убійца ея отца, но она не чувствовала ни ужаса, ни отвращенія отъ его близости; она была полна однимъ сознаніемъ:

— Не я!

Дикгофъ пожалъ руку обреченному молча: говорить было не о чемъ.

— Не мнѣ досталось,—съ разочарованіемъ произнесъ юноша.—Ну, что скажетъ второй?

Онъ снова опустилъ руку въ шапку и вынулъ билетикъ, и опять у Ани дрогнуло и замерло сердце, но уже не прежней болью.

На этотъ разъ юноша быстрѣе развернулъ билетикъ и прочелъ:

— Анна Синицына!

Странное совпаденіе!—сказалъ кто-то въ толпѣ и смолкъ, понявъ нетактичность своей фразы.

— Не понимаю... Какую же роль можетъ иг-

рать буржуазное родство? — пробормотала Горянская. — Все — для идеи. Поздравляю васъ! — подошла она къ Аней.

— Я? Мой? — отвѣтила ей точно проснувшаяся Аня. У нея побѣлѣли даже губы.

— Если вы чувствуете себя неспособной, вы можете отказаться, — замѣтилъ ей Дикгофъ. — Охотники найдутся.

— Я первый! — вызвался юноша.

— Какой позоръ! — крикнула Горянская. — Какъ вамъ не стыдно, Дикгофъ! Вѣдь это будетъ противъ нашего устава.

— Но мы должны обращать вниманіе и на фактическую способность лица довести до конца возложенное на него порученіе, — отвѣтилъ ей Дикгофъ.

Но Аня уже успѣла оправиться. У нея стучало въ вискахъ, но она нашла въ себѣ силы сказать:

— Я принимаю порученіе коммуны!

— Шарлотта Корде! — крикнула въ восхищѣніи юноша.

— Мстительница! — замѣтилъ кто-то другой.

И ей, какъ Васильеву, Дикгофъ пожалъ руку, до боли, какъ товарищу.

— Анархистка побѣдила въ васъ женщину, — сказала она ей.

Аня вскинула на него глазами, но этотъ бѣглый взглядъ былъ тусклъ; Аня крѣпилась, но близокъ, казалось, былъ тотъ моментъ, когда разомъ могли лопнуть натянутые, какъ струны, нервы.

Товарищи молча жали руки и ей и Васильеву, но вскорѣ Васильева пригласили въ отдѣльную комнату, куда вмѣстѣ съ нимъ ушли двое лицъ,

на обязанности которыхъ была организація покушеній.

Вторая очередь была за Аней.

Совѣщеніе коммуны продолжалось, но Аня уже не участвовала въ немъ. Она вышла въ другую комнату и забылась, присѣвъ на диванчикъ въ какомъ-то оципенѣніи.

Чувство партійной дисциплины, гипнотическое вліяніе на нее Дикгофа, наконецъ, убѣжденіе въ необходимости жертвовать собой ради идеи — все это сильно вліяло на ея рѣшимость, но эту рѣшимость колебало воспоминаніе объ Александрѣ Васильевичѣ, который такъ стремился къ ней изъ деревни, и отвращеніе къ крови.

— Когда будуть убивать отца, я буду готовиться быть убийцей, — копошилась назойливая мысль, которую она не могла отогнать.

На нее надвигался красный кошмаръ, и она желала, чтобы брошенная ею бомба разорвала бы ее первой.

Вся ея прошлая жизнь проносилась передъ ея глазами. Мать, отецъ... по странно, она не чувствовала любви къ нимъ, этимъ занятымъ только собою людямъ, но у нея мучительно сжалось сердце, когда она представила себѣ вмѣсто отца, безформенные и окровавленные куски человѣческаго мяса и обезумѣвшую отъ потрясенія и ужаса мать.

— А если они уѣдутъ? — мелькнула у нея мысль. — Вѣдь, этого не будетъ? Но кто предупредить отца? Я?

И она задрожала отъ охватившаго ее опять волненія и страха.

Если бы съ нею былъ теперь Александръ Васильевичъ, Аня сдѣлала бы такъ, какъ сказаль бы ей онъ. Отдала бы себя въ его волю, несмотря на коммуну, на опасность быть убитой за измѣну. Въ эту минуту она чувствовала и понимала, какъ она любить его, но его не было. Она была одна.

Въ комнатѣ никого пока не было. Изъ-за двухъ прикрытыхъ дверей доносились до нея спорящіе голоса, и вотъ, будущая исполнительница воли страшной и тайной коммуны, стала плакать въ своемъ одиночествѣ, какъ плачутъ только дѣти.

XIX.

Что дѣлать?

Передъ Аней сталъ роковой вопросъ: что дѣлать? Она не могла оставаться спокойной, зная, что ея отцу угрожаетъ смерть, а съ другой стороны,— она была связана общей клятвой и общей тайной.

Она получила инструкцію, получила двѣ бомбы, заряженныя анархиріемъ. Одна бомба, въ видѣ пуговицы, была на особой пряжкѣ прикреплена къ рукаву ея кофточки, другая, въ видѣ броши, на груди. Обѣ были поставлены на предохранитель.

Въ коммунѣ же Анѣ показали, какъ надо бросать ихъ въ сидящаго, идущаго и бѣгущаго человѣка. Ее заставили продѣлать опыты съ простой пуговицей. Демонстрировалъ опыты самъ Дикгофъ и сказалъ Анѣ на прощанье:

— Вы великолѣпно работаете. Я увѣренъ, вы отомстите за правду!

Онъ крѣпко пожалъ Анѣ руку, и его спокойное и безстрастное лицо, съ глазами магнетизера, не позволило сорваться съ губъ Ани робкому вопросу:

— А если я не найду въ себѣ силы?

А этотъ вопросъ былъ въ ней, она уносila его съ собой, въ одинокую квартирку, гдѣ ее ждало тяжелое и мучительное раздумье.

Она бѣжала по темнымъ улицамъ Москвы, забывъ объ опасности и машинально приглядываясь къ свѣтлому снопу прожектора „Анархіи“, который бороздилъ темный воздухъ надъ Кремлемъ.

Ярко, словно звѣзды, вспыхивали въ этихъ лучахъ золотые куполы кремлевскихъ соборовъ, сверкалъ бѣлый столбъ колокольни Ивана Великаго, а снизу, изъ тьмы вырывались молнии электрическихъ мортиръ и громовые удары сотрясали воздухъ.

„Анархія“ не отвѣчала, словно издѣваясь надъ безсиліемъ противника.

На театральной площади былъ огромный блиндажъ, въ которомъ стоялъ баталіонъ солдатъ. Тамъ не пропускали никого, и Аня побѣжала по Кузнецкому переулку.

Тѣнь человѣка пересѣкла ей дорогу. Аня остановилась. Остановился и человѣкъ. Чувство самосохраненія заставило Анию протянуть руку къ бомбѣ-брошкѣ.

— Если онъ нападетъ на меня, тогда...—подумала Аня, съ испугомъ сама оборвавъ свою мысль.

— Кто идетъ?—раздалось изъ темноты. Голосъ нарочно былъ грубѣе, чѣмъ онъ долженъ быть быть, но Аня уловила въ немъ знакомыя ноты.

— Прохойдь,—отвѣтила она нерѣшительно, и вдругъ у нея исчезло всякое сомнѣніе. Ее точно осѣнило. Она отдернула руку отъ смертоносной брошки и вскрикнула:

— Саша, это ты?

— Я! Ну, конечно, я! Какъ я могъ тебя не узнать?—отвѣтилъ и онъ радостнымъ крикомъ.

Они бросились другъ къ другу, забывъ все, живые одной этой минутой.

— Я его люблю! Очень!—подумала Аня, упавъ ему на грудь.

Онъ пробормоталъ, несвязно, покрывая поцѣлуями склонившуюся къ нему дорогую головку:

— Бросилъ все, пріѣхалъ... Какое-то беспокойство томило... Опять эта „Анархія“. Поѣзда, говорятъ, станутъ. Не могъ ждать. Пріѣхалъ, а тебя нѣтъ. Догадался, что ты „тамъ“, побѣжалъ навстрѣчу...

Это „тамъ“ вывело Аню изъ нахлынувшего на нее сладкаго полузабытья.

Она рѣшительно оттолкнула его отъ себя.

— На мнѣ бомба,—проговорила она, стараясь освободиться отъ его рукъ.—Это опасно, милый!

У нея вспыхнула мысль, что бомбу отъ неосторожного обращенія можетъ взорвать, и вмѣстѣ съ нею погибнуть и онъ.

Онъ точно понялъ ея мысль, и отвѣтилъ на нее:

— Мнѣ и погибнуть съ тобою вмѣстѣ — счастье!

— А я не хочу, чтобы ты погибъ,—отвѣтила она, выскоцивъ изъ его рукъ;—гибель безъ пользы—несчастье!

— Но зачѣмъ съ тобою бомбы? Зачѣмъ?—тревожно спросилъ онъ, догнавъ ее и взявъ за руку.—Неужели ты должна...

Онъ не договорилъ.

Она шла, стараясь не поворачивать къ нему головы, точно боясь, что и въ темнотѣ онъ замѣтить тревогу и волненіе на ея лицѣ, чувствуя на себѣ его вопросительный взглядъ.

Она была не въ силахъ, не могла сказать ему правды.

— Это... для самозащиты. Намъ всѣмъ раздали,—согласа она, сама краснѣя за свою ложь.

— Для самозащиты?—переспросилъ онъ съ недоумѣніемъ и спохватился, вѣдь она не могла сказать ему неправды.—Я и забылъ сейчасъ, что въ Москвѣ былъ погромъ,—добавилъ онъ извинительнымъ тономъ.

— Ну, скорѣе домой!—бодро проговорилъ онъ.—Тамъ снимешь и спрячешь свои смертоносныя „пуговицы“,—такъ онъ въ шутку называлъ бомбы.—Скорѣе. Теперь опасно прогуливаться по улицамъ. Слышишь?

Издалека донеслась дробь ружейныхъ выстреловъ.

— Съ тобою мнѣ не страшно!—отвѣтила она.

Вдвоемъ они скоро добрались до своей квартирки, не встрѣтивъ на улицахъ ни души.

Въ единственной комнатѣ этой квартирки, оставшейся цѣлой послѣ погрома, горѣла лампа, такъ какъ электрические провода вездѣ были порваны, да къ тому же электричество не работало теперь во всей Москвѣ.

Ихъ ожидала жена швейцара, замѣнявшая Александру Васильевичу теперь прислугу.

— Барышинъ телеграмма,—сказала она,—подавая Аньѣ бумажку.

Она никакъ не могла назвать Анью по имени и отчеству, какъ этого та требовала.

Аня нервно схватила телеграмму, разорвала ее и прочитала ленты. Телеграфировалъ отецъ. Аня угадала это сразу.

„Выѣхали съ матерью на лошадяхъ въ Ригу. Далѣе въ Америку. Брось заблужденія и прїѣзжай въ Нью-Йоркъ. Послѣдній призывъ. Деньги, пять тысячъ, подземный банкъ Юнкера“.

— Слава Богу!—вырвалось у Ани съ облегченiemъ.

— Ты рада? Да? — оживленно спросилъ Александръ Васильевичъ, пробѣжалъ телеграмму.— Ты моя, Аня!

— Рада,—отвѣтила она серьезно, но слегка краснѣя, оттого, что онъ невѣрно понялъ ея радость.—Если бы и графъ уѣхалъ съ ними,—помудрала она.—Конечно, „тамъ“ она ничего не скажетъ.

Она свернула телеграмму въ трубочку и сунула ее въ стекло лампы. Накалившаяся бумага всыхнула и загорѣлась яркимъ пламенемъ.

— Вотъ такъ,—сказала Аня, бросивъ пепель на полъ.—Теперь все кончено!

— И началось,—многозначительно добавилъ онъ.

— Да, началось,—отвѣтила она.

— Дюлеръ не уѣхалъ,—мелькнуло предчувствіе.

Прислуга ушла, оставивъ ихъ однихъ. Аня сѣла на кушетку, а онъ на полъ, у ея ногъ, положивъ

голову къ ней на колѣни. Онъ любилъ такъ сидѣть, когда она тихо гладила его голову, захватывая мягкой ладонью часть его лба, а онъ, шутя, ловилъ эту ладонь губами.

Такъ было и теперь. Онъ разсказывалъ ей свои деревенскія впечатлѣнія, свои тревоги, свои мечты ночью, подъ медленные звуки колокола надъ сиѣвой равниной и алмазнымъ лѣсомъ.

— Тамъ мнѣ хотѣлось тебя,—говорилъ онъ.— Я испытывалъ какое-то странное чувство, которое не передашь словами. Это чувство было смѣсь любви къ тебѣ, жажды жизни и вмѣстѣ тоски по жизни. Что-то и грустное, и ласкающее, и хорошее, отъ чего въ одно время хочется и смеяться и плакать. Ты испытывала это?

— Да,—отвѣтила она шопотомъ.—Ей хотѣлось плакать теперь, но она сдерживала себя.

— А меня чусть не убили здѣсь,—сказала она.—Да... не волнуйся,—замѣтила она, когда онъ порывисто поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее испуганнымъ взглядомъ.

И она насилино положила его голову опять къ себѣ на колѣни.

— Меня спасъ Максимъ Максимовичъ,—продолжала она, передавая мало-по-малу всѣ свои заключенія, вплоть до прїѣзда изъ монастыря.

— Дорогая! Бѣдная моя!—говорилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.—Ты знаешь, я начинаю вѣрить въ фатальную роль Максима Максимовича въ нашей судьбѣ. Онъ предсказалъ тебѣ новую жизнь. Это будетъ жизнь со мною. Жизнь для счастья, Аня, — проговорилъ онъ;—мы не уйдемъ съ тобою отъ людей, не замкнемся въ

скорлупу нашего счастья, но мы не будемъ съ тѣми, которые идутъ къ призрачнымъ идеаламъ какой-то вседовлѣющей свободы черезъ смерть и трупы. И побѣдять, Аня, не тѣ, которые противъ насъ, а тѣ, которые будутъ съ нами. Что съ тобой?—спросилъ онъ тревожно, услыхавъ ея тихія, почти беззвучная рыданія.

— Ничего, милый,—отвѣтила она, лаская его.— Я просто рада, что ты со мною.

„Я не въ силахъ сказать ему“,—подумала она въ то же время. „Я не могу. Но что же мнѣ дѣлать? Что“?

— Ну, и не будемъ больше разлучаться!—восторженно отвѣтилъ онъ, приподнимаясь и привлекая ее къ себѣ.—Зачѣмъ же намъ разлучаться? Право, надѣя нами нависъ какой-то тревожный фантомъ, но развѣ мы не въ состояніи освободиться отъ него, развѣ мы не въ силахъ это сдѣлать? Развѣ мы не свободны, Аня?

— Конечно,—отвѣтила она нерѣшительно, пре-возмогая тупую сердечную боль.—Ей не хотѣлось тревожить его. Она боялась думать, и все-таки думала о „томъ“, что ждало ее впереди, и въ ней безсознательно складывалось рѣшеніе уйти отъ него завтра, исчезнуть, оставивъ ему письмо-исповѣдь.

А теперь она не могла отпустить его отъ себя. Онъ былъ съ нею. Послѣдній разъ. Только теперь она чувствовала, какъ любить его.

И когда онъ поднялся, чтобы уйти и оставить ее одну, она привлекла его къ себѣ и стыдливымъ юпотомъ едва промолвила:

— Останься!

XX.

Роковая минута.

Надъ Москвою проснулось чудное сіающее утро. Напуганные ночными ужасами москвики робко выползали изъ домовъ на улицу и смотрѣли на небо, боясь увидѣть на немъ черную полоску воздушного корабля, парящаго на недосыгаемой высотѣ. Но надъ крыпами домовъ носились только стаи голубей и весело смѣялось солнце.

Опять все было спокойно и мирно, но эти антракты тишины еще сильнѣе дѣйствовали на воображеніе обывателей, болѣзненно взвинченное ночныхъ событиями.

Анархисты дѣйствовали, какъ опытные противники: эти антракты были однимъ изъ разсчитанныхъ ими маневровъ. Въ эти проблески тишины изъ подземныхъ участковъ, изъ блиндажей и казематовъ, изъ норъ, гдѣ скрывалась полиція, „шпики“ и всевозможные охранители и агенты, они выползали наружу и наводили на мирныхъ гражданъ страхъ и трепетъ.

Арестовывали по простому подозрѣнію, заключали въ подземную тюрьму, въ камеру, ставили телефонный аппаратъ, изъ которого раздавался голосъ предсѣдателя невидимаго суда, и черезъ какіе-нибудь четверть часа звучалъ приговоръ.

Изъ этихъ камеръ не выходили. Для арестованаго почти не было шансовъ увидѣть снова людей и солнце.

Все это создавало страшный антагонизмъ ме-

жду правительствомъ и обществомъ, толкало общество къ борьбѣ. Революція казалась неизбѣжной.

Невидимыя судилища прозвали коллегіей палацей. Печать молчала. Только рептиліи восхваляли эти мѣры и требовали массовыхъ и публичныхъ казней. Вновь рекомендовались пытка, застѣнокъ и сжиганіе на кострахъ. Анархистовъ, тѣхъ требовали варить въ смолѣ на Красной площади.

Но и прогрессивная и рептильная печать одинаково, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія, обсуждала проектъ, недавно утвержденный въ кабинетѣ министровъ, о сооруженіи новой „подземной Москвы“. Прогрессивныя газеты печатали громовыя статьи о сдачѣ этого грандіознаго предпріятія съ подряда совершенно неизвѣстному, но пронырливому человѣку, втершемуся въ довѣrie къ одному изъ министровъ, и замѣчали, что передъ новой панамой должно поблѣднѣть гремѣвшее когда-то дѣло Лидваля. Рептиліи возводили этого подрядчика въ герои и утверждали, что въ „подземной Москве“ уже невозможна будетъ никакая крамола.

„Такъ, наконецъ, будетъ обузданъ духъ свое-волія, который наши крикуны называютъ свободой“.

Веселое утро не могло успокоить Аню. Сегодня должно было свершиться то, что было назначено вчера. Смерть послѣ первыхъ ласкъ любимаго человѣка. Въ золотыхъ лучахъ солнца Анѣ чудилась черная пелена смерти. Она трепетала отъ скрытаго ужаса, но не своя, а чужая воля

заставляла ее ити все впередъ, къ роковой грани.

Принятое еще вчера рѣшеніе созрѣло въ ней крѣпко; она ничего не скажетъ мужу. Уйдѣть, исчезнѣть, оставивъ ему записку.

Онъ молодъ, онъ перенесетъ это,—думала Аня,—жизнь возьметъ свое, а время залѣчиваетъ всякия раны.

Она представляла себя уже мертввой, и ее наполнило острое чувство жалости и къ нему и къ себѣ.

Странное состояніе жены не укрылось отъ Александра Васильевича, но онъ приписывалъ это перенесеннымъ волненіямъ, своему неожиданному приѣзду, перевороту, сразу измѣнившему ихъ жизнь, связавшему ихъ другъ съ другомъ.

Онъ смотрѣлъ на жену съ чувствомъ глубокой нѣжности, кланяясь въ душѣ отдать себя всего дорогому существу.

Они думали другъ о другѣ, но у одного въ мысляхъ была одна только жизнь, а у другой—смерть.

Все устраивалось какъ будто бы нарочно такъ, чтобы облегчить Анѣ исполненіе ея плана: Александру Васильевичу нужно было уѣхать по дѣлу, и онъ сообщилъ обѣ этомъ Анѣ.

— Конечно, поѣзжай,—отвѣтила она, стараясь придать голосу спокойный оттѣнокъ.

— Ты, конечно, будешь меня ждать? Ты никуда не пойдешь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... Я, вѣроятно, уйду,—отвѣтила она нерѣшительно.

— Только не ходи „туда“,—произнесъ онъ умоляюще.

— „Туда“ я не пойду, — отвѣтила она, опустивъ голову.

„Отчего она такая?“ — подумалъ онъ опять, но вмѣсто вопроса привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ губы.

И она, вскинувъ ему на плечи свои тонкія руки, стала быстро и горячо отвѣтчиать на его поцѣлуи.

Она прощалась съ нимъ, а онъ ушелъ отъ нея счастливый, съ закружившейся головой, гордый сознаніемъ ея любви и достигнутаго счастья.

Онъ ушелъ — и сразу все измѣнилось въ комнатахъ. Аня упала на стуль, заломила руки и задрожала отъ рыданій.

Такъ прошло нѣсколько минутъ; Аня, наконецъ, овладѣла собой. Съ лихорадочной торопливостью, словно боясь передумать, она взяла первый попавшійся лоскутокъ бумаги, карандашъ, и ея рука, вздрагивая, быстро забѣгала по этому лоскутку, оставляя за собой неровныя строчки.

Аня оставила готовую записку на столѣ, надѣла кофточку, кое-какъ приколола шляпку и выѣждала на улицу.

На крыльцѣ она на секунду остановилась, хотѣла было взглянуть въ послѣдній разъ на ихъ квартирку, но пересилила себя и быстро пошла по тротуару.

— Меня уже нѣть, я мертвая! — подумала она.

По выработанному плану, Аня должна была проникнуть къ графу, пользуясь знакомствомъ съ нимъ.

Она должна была показать себя кающейся, просить покровительства и бросить бомбу.

Это былъ коварный способъ, и Аня возмутилась противъ него, но Дикгофъ холодно и серьезно доказалъ ей, что въ борьбѣ на жизнь и смерть, которую ведутъ они, хороши всѣ средства, и что иначе трудно будетъ усыпить подозрѣніе графа, который былъ извѣстенъ своею осторожностью.

И таково было его вліяніе на Аню, что она слѣпо подчинилась выработанному плану.

Впрочемъ, ее поддерживала теперь одна мысль:

„Можетъ-быть, графъ уѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ. И тогда, — думала Аня, — уѣхать изъ Москвы... Съ Сашей... Отдохнуть... Забыть на время все“.

Только теперь она почувствовала, какъ она устала, какъ надломили ея организмъ всѣ обрушившіяся на нее невзгоды.

Но отдыхомъ будетъ смерть. Ея ледяное дыханіе уже коснулось Ани. Аня рѣшила, что бросить бомбу такъ, чтобы она убила и ее. Она не хотѣла видѣть крови, пролитой ея рукою. Одно движеніе — и все кончено.

Графъ жилъ на Спиридовкѣ. Онъ давно перебрался изъ квартиры въ глубокій и просторный земляной блиндажъ, конусообразная крыша котораго выдѣлялась на дворѣ маленькой пирамидой. Въ блиндажѣ вела лѣстница съ окованною желѣзомъ дверью, которая всегда была на замкѣ.

Послѣ двухъ покушеній, направленныхъ на его особу, графъ превратился въ добровольного затвор-

ника и боялся даже выходить на дворъ, сносясь съ редакцію по телефону.

Его окружали нѣсколько человѣкъ, которымъ онъ довѣрялъ.

Аня шла медленно, но когда очутилась передъ запертymi рѣшеткой воротами, за которыми виднѣлась пирамидальная крыша блиндажа, ей показалось, что она перенеслась сюда въ одинъ моментъ.

Она остановилась. Мимо нея прошелъ патруль, которымъ командовалъ какой-то молодой офицеръ, пристально посмотрѣвши на Анию, но она безучастно посмотрѣла и на него, и на солдатъ, и не подумала даже, что ее могутъ арестовать.

Собравшись съ силами, она надавила кнопку электрическаго звонка. Долго никто не показывался на дворѣ. Наконецъ, изъ-за угла дома появился дворникъ и спросилъ, не отпирая рѣшетки:

— Вамъ чего?

— Мнеъ нужно видѣть графа! — отвѣтила Аня.

— Графа нѣтъ дома, — сказалъ дворникъ.

— Не можетъ быть! Я знаю, что онъ дома! — твердо произнесла Аня, сама удивленная этой твердостью.

— Дома или не дома, а видѣть его нельзя! — стоять на своемъ дворникъ.

— Меня онъ приметъ... Онъ знаетъ меня. Я дочь Андрея Владимировича Синицына.

— Синицына мы знаемъ, — отвѣтилъ дворникъ. — Ну, подождите, я доложу секретарю.

Онъ подошелъ къ блиндажу, и по его походкѣ было видно, что онъ все еще колеблется.

Аня съ волненiemъ смотрѣла на его удалявшуюся фигуру. Онъ позвонилъ и скрылся за отворившейся и вновь захлопнувшейся дверью.

Аня прислонилась къ рѣшеткѣ; у нея подгибли ноги, и кровь, какъ молотомъ, била въ виски.

„Я не могу“, — билась въ ея головѣ неотвязная мысль. Въ ушахъ стоялъ звонъ.

Прошло довольно продолжительное время, когда, наконецъ, появился дворникъ, а за нимъ незнакомый Анѣ господинъ, тревожно посматривающій по сторонамъ.

— Графъ нездоровъ и не можетъ вать пріять, — сказалъ онъ. — Будьте любезны передать мнѣ, что вамъ угодно.

— Скажите графу, что я непремѣнно хочу его видѣть, — отвѣтила Аня. — Онъ знаетъ, что мои родные уѣхали за границу. Я пришла... — она запнулась, — искать у него помощи...

— Право, я не знаю... Откровенно говоря, графъ никакъ не ожидалъ вашего визита,

— Я вѣсть очень прошу передать ему мою просьбу!

Аня уже не могла сдерживать рвавшагося наружу волненія, и ея разстроенный видъ смягчилъ секретаря.

— Хорошо, я доложу графу, — сказалъ онъ. — Пршу васъ еще подождать нѣсколько минутъ.

Онъ скрылся въ блиндажъ, оставилъ Аню подъ наблюдениемъ дворника.

Впрочемъ, ждать теперь пришлось недолго: секретарь снова вышелъ къ Анѣ и на этотъ разъ подошелъ къ ней болѣе рѣшительно.

— У васъ нѣтъ оружія? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — твердо отвѣтила Аня, и поблѣднѣла: секретарь вынулъ изъ кармана предохранитель отъ бомбъ.

Онъ открылъ его и пытливо уставился на стрѣлку. Но стрѣлка не пришла въ движеніе.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ. — Дворникъ, открой калитку!

Желѣзныя петли заскрипѣли, открывъ передъ Аней свободный проходъ.

XXI.

Ж е р т в а .

Блиндажъ представлялъ изъ себя небольшую, но удобно устроенную квартиру. Стѣны, потолокъ и полъ были обшиты деревомъ, вездѣ были ковры. Графъ, устраивая свое подземное обиталище, по-заботился о комфорѣ.

Аня, чуть не задыхаясь отъ мучительного сердце-біенія, спустилась по лѣстницѣ вслѣдъ за секретаремъ и вошла въ небольшую переднюю, въ которой были двѣ двери, закрытыя драпировками. За одной изъ этихъ драпировокъ раздался глухой кашель, и Аня поняла, что тамъ графъ.

Она чувствовала себя, какъ можетъ себя чувствовать человѣкъ, вошедшій на эшафотъ и готовящійся къ казни. Спазма сжимала ея горло. Но странно, она совершенно утратила теперь чувство страха; она не боялась, что ее могутъ заподозрить даже и теперь, не боялась за собственную судьбу, Ея жизнь, ея мечты — все осталось позади, далеко

и здѣсь, въ землѣ, Аня чувствовала себя уже на-половину мертвой.

— Подождите здѣсь, пока я доложу о васъ графу, — сказалъ ей секретарь и скрылся за драпировкой.

Аня сѣла на стулъ.

За драпировкой раздались два голоса, говорив-шие шепотомъ, и Ань удалось разобрать только недовольное и нервное замѣчаніе графа:

— Я не понимаю, чего ей отъ меня нужно?

— Ты узнаешь это скоро, — мелькнула у нея мысль, тотчасъ же пропавшая въ охватившемъ ее нервномъ оцѣпенѣніи.

— Пожалуйте, васъ просять, — доложилъ секретарь, полуоткрывъ драпировку.

Аня порывисто поднялась со стула.

Такимъ движеніемъ бросаются въ прощанье люди.

— Конецъ! — ударила ей въ голову мысль.

Ей сразу стало холодно. Блѣдная, какъ полотно, она, шагнула за драпировку, откинувъ ее рукою, и эта драпировка упала за нею, отдѣливъ ее отъ жизни и всего міра.

Въ кабинетѣ, гдѣ царилъ полусумракъ, на темномъ фонѣ ковровъ, которыми были окутаны стѣны, Ань прежде всего бросилось въ глаза лицо графа, полное и обрюзгшее старческое лицо, по-хожее здѣсь на гипсовую маску.

Графъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, одѣтый въ домашнюю тужурку и, слегка приподнявшись, любезнымъ движеніемъ протянулъ къ Ань обѣ руки.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — проговорилъ онъ. — Лучше поздно, чѣмъ никогда. Душевно радъ и за васъ, и за вашего батюшку.

Онъ протянулъ ей руку, и Аня подала ему свою, холодную какъ ледь.

— Садитесь! — указалъ ей графъ на свободный стулъ.

Аня сѣла. Ихъ раздѣлялъ столъ, массивное сооруженіе, заставленное различными бездѣлушкиами и огромной бронзовой чернильницей, на крышкѣ которой стоялъ серебряный Мининъ.

Изъ-за стола виднѣлось только туловище графа, который сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, и внимательно смотрѣлъ на Анию.

Аня чувствовала, что если она сдѣлаетъ рѣзкое движеніе, графъ немедленно поднимется и закричитъ или схватитъ револьверъ, дуло котораго блестѣло на столѣ.

Аня машинально измѣрила взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее ее отъ графа. У нея созрѣлъ планъ: она быстро встанетъ со стула, заставивъ подняться и графа, и бросить бомбу, чтобы та ударилась о мраморную подставку чернильницы.

Погибнуть тогда и она и графъ.

Нѣсколько секундъ длилось неловкое молчаніе. Его прервалъ графъ:

— Я очень радъ, что вы бросили ваши заблужденія, — повторилъ онъ. — Впрочемъ, этого и нужно было ожидать. Синицына не можетъ быть анархисткой. Помните, что свободы не существуетъ: у человѣка есть только обязанности. Даже тамъ, — онъ указалъ пальцемъ на потолокъ, — нѣть свободы, ибо даже „царствіе Божіе нудится!“ — закончилъ онъ торжественно.

Аня молчала.

— Вы, конечно, поѣдете за границу! — спросилъ графъ. — Я помогу вамъ добраться до Петербурга или до Риги.

— Я... не поѣду за границу, — отвѣтила Аня. Графъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Я васъ не понимаю, — проговорилъ онъ. — Самое лучшее для васъ было бы уѣхать. Мы здѣсь — борцы. Въ скоромъ времени начнется настоящая война противъ анархистовъ. Въ Петербургѣ готовится уже аэропланъ, который вступить въ сраженіе съ „Анархіей“ и, конечно, взорветъ ее. Мы все ждемъ этого, какъ избавленія. И вы вернетесь тогда, когда внутренній врагъ будетъ уничтоженъ и правительство возьметъ власть крѣпко въ руки. Тогда мы все позаботимся о вашей реабилитациі.

— Я не прошу васъ о реабилитациі, — отвѣтила Аня. — Графъ, я пришла къ вамъ по другому дѣлу!

— Виноватъ, но я понялъ васъ такъ, что вы отказались отъ вашихъ прежнихъ... взглядовъ, — сказалъ графъ.

Въ его голосѣ сквозило уже нѣкоторое беспокойство. Эта блѣдная девушка казалась ему странной и подозрительной.

Въ немъ копошилось предчувствіе чего-то недоброго и зловѣщаго, поднимался животный страхъ за себя.

Онъ поднялся съ кресла и проговорилъ рѣшительно:

— Если вы остались при прежнихъ вашихъ уображеніяхъ, тогда намъ не о чёмъ говорить.

Аня тоже поднялась. Блѣдная, рѣшившаяся на

АНАРХИСТЫ ВУДУЩАГО.

все. У нея въ ушахъ стоялъ звонъ, а фигура графа, стоявшаго облокотясь на столъ, качалась въ ея глазахъ.

„Теперь или никогда!“—блеснула мысль.

— Я пришла вамъ сказать, что исполнительный комитетъ партіи анархистовъ приговорилъ васъ къ смерти!

Эти слова прозвучали для самой Ани звуками чужого голоса. Она видѣла, какъ поблѣднѣло лицо графа, а его глаза, ставшие круглыми отъ испуга, установились на Аню.

Аня шагнула вплотную къ столу, не отводя отъ лица графа, отъ его глазъ, своего упорного взгляда, въ которомъ была упорная рѣшимость человѣка, доведенного до отчаянія, утратившаго свою волю.

Графъ машинально, точно защищаясь, поднялъ руку. Его ротъ то открывался, то закрывался. Онъ говорилъ, но его слова не были слышны: у него пропалъ голосъ.

Аня подняла уже руку, чтобы схватить брошь-бомбу, но въ это время распахнулась портьера, закрывавшая дверь въ другую комнату, и въ нее выбѣжала дѣвушка, дочь графа, о которой Аня знала только по наслышкѣ.

Она бросилась къ отцу и, закрывъ его собой отъ Ани, вскрикнула:

— Я не дамъ вамъ убить его! Убивайте лучше меня.

Рука Ани безсильно упала, и она сама, какъ подкошенная, упала на полъ.

— Я не могу... Арестуйте меня, — вырвалось у нея.—Вотъ бомбы, возмите ихъ!

Но ея дрожащія руки тщетно искали адскихъ снарядовъ. Ихъ не было. Аню обожгла мысль, что она забыла ихъ дома.

Оправившійся графъ нажаль въ это время кнопку электрическаго звонка и приказалъ выбѣжавшему секретарю:

— Позовите людей и отправьте въ полицію эту женщину... Она пришла меня убить!

А самъ быстро выбѣжалъ изъ комнаты и крикнулъ въ дверяхъ:

— Обыщите ее и свяжите! Это анархистка!

Но Аня и не думала сопротивляться. И когда выбѣжавшіе дворникъ и сторожа грубо связывали ей руки и съ ругательствами толкали ее, въ томъ состояніи безсилія и апатіи, въ которомъ она находилась, ее радовало то, что она не пролила крови.

— Теперь немного страданій—и конецъ!—подумала она.

Вызванная по телефону тюремная карета черезъ полчаса привезла Аню въ новую подземную тюрьму.

Александръ Васильевичъ вернулся домой часа черезъ три послѣ ухода Ани.

Отсутствіе жены удивило его, но онъ не придалъ этому серьезнаго значенія, пока не увидѣлъ на столѣ, очевидно, нарочно оставленный лоскутокъ бумаги, на которомъ рукою Ани были наброшаны слова.

Онъ взялъ этотъ лоскутокъ, прочелъ его и съ тяжелымъ стономъ схватился за голову:

— Аня!

Онъ опять схватилъ эту роковую записку, все, что осталось у него отъ Ани, ея послѣднее „прости“, и пробѣжалъ ее нѣсколько разъ. Каждое слово этой коротенькой записки, въ которой Аня прощалась съ нимъ, жгло его, какъ огонемъ. Она приносила себя въ жертву идеѣ и правдѣ, умоляла простить и забыть ее, постараться найти успокоеніе и счастіе, а онъ въ порывѣ тяжелой скорби хватался за голову и обвинилъ себя, что онъ не оберегъ и не сохранилъ ее, что она явилаась послушнымъ оружіемъ въ рукахъ постороннихъ людей и теперь погибнетъ.

— Я долженъ спасти ее! — вырвалось у него. — Спасти, хотя бы цѣною собственной жизни!

И онъ зарыдалъ, какъ могъ рыдать только мужчина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ тюрьмѣ.

Аню втолкнули въ широкій подземный коридоръ, освѣщенный керосиновыми лампами, которые казались свѣтлыми, туманными шарами отъ окружавшаго ихъ пара въ холодной и сырой атмосферѣ. Этотъ коридоръ былъ похожъ на могилу, и Аня вошла въ него съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ живой человѣкъ вошелъ бы въ могилу.

Страшная новая подземная тюрьма была тѣмъ Дантовскимъ адомъ, на воротахъ котораго стояла надпись: „оставь надежду навсегда!“

Изъ тюрьмы не выходили. Люди, попавшіе сюда, только одинъ разъ проходили длиннымъ подземнымъ коридоромъ, дрожа отъ промозглаго и сырого холода, и за ними глухо захлопывалась тяжелая дверь, звеня желѣзной обшивкой.

Отсюда выносили только трупы, съ лицами, искаженными отъ страшнаго электрическаго удара, какимъ убивались осужденные тайнымъ судомъ на смерть.

Въ этой тюрьмѣ даже сторожа мѣнялись каждый мѣсяцъ, такъ тяжела была здѣсь служба и условія жизни.

Жандармы и тюремная стража тѣснѣмъ кольцомъ окружили Анию, точно она могла бѣжать отсюда, изъ этой могилы, отъ десятковъ глазъ, которые наблюдали за нею, сторожили ее, смотрѣли на нее, какъ на опаснѣйшую преступницу и злодѣйку.

Анию подвели къ камерѣ, на двери которой стояла цифра № 17, надзиратель отперъ ее ржавымъ ключомъ, и на новую узницу взглянуль настоящій могильный мракъ.

— Сейчасъ зажжемъ лампу, — сказалъ, словно извиняясь передъ нею, надзиратель. — Будетъ свѣтло.

Онъ чиркнулъ спичкой и отперъ ключомъ замокъ на решеткѣ фонаря, въ которомъ помѣщалась небольшая керосиновая лампа. Тусклый полусвѣтъ наполнилъ камеру.

Эта была крошечная комната безъ оконъ, съ вентиляторомъ наверху, но безъ единаго окна. Къ стѣнѣ была привинчена подъемная желѣзная кровать съ соломеннымъ туфякомъ и подушкой,

и грубымъ байковымъ одѣяломъ. Рядомъ съ нею стояли небольшой деревянный столъ и табуретка.

Аня была уже обыскана въ конторѣ тюрьмы, гдѣ ее заставили переодѣться въ грубое арестантское платье и коты, то платье, которое, можетъ быть, носили до нея десятки другихъ женщинъ, для которыхъ теперь не существовало уже ни борьбы, ни свободы, ни надеждъ. Эти предшественницы ея были мертвы, и Аня, какъ саванъ, надѣла ихъ платье. Ея не допрашивали, такъ какъ практика убѣдила и полицію и слѣдователей въ полной безуспѣшности всякаго допроса. Но имя свое она назвала, такъ какъ скрывать это было все равно бесполезно.

Надзиратель снова заперъ фонарь желѣзной рѣшеткою и вышелъ изъ камеры.

— Вотъ звонокъ, если что будетъ нужно,— указалъ онъ, выходя, на прибитую къ стѣнѣ кнопку.— Если что будетъ нужно, позовите. Только безъ толку звонить нельзя, за это наказываютъ,— добавилъ онъ внушительно.

Дверь захлопнулась. Аня осталась одна.

Она еще разъ обвела взглядомъ свою келью и беспомощно опустилась на табуретку.

Настоящая могила. Ни звука, ни жизни. Тихо до того, что слышно, какъ лопочетъ пламя на фитилѣ лампы. Точно пытается заговорить съ Аней на непонятномъ языкѣ, на языкѣ безмолвія и печали. А вотъ кто-то стучитъ такъ близко, рядомъ съ нею, въ углу.

Аня даже обернулась, такъ поразилъ ее этотъ стукъ, но сейчасъ же убѣдилась, что это стучитъ ея собственное сердце.

Сколько дней оно еще будетъ стучать?

Аня задумалась. Вотъ она принесла себя въ жертву тому дѣлу, въ которое вѣрила, но не исполнила того, что отъ нея требовали. Объ ея жизни уже нечего думать, она кончена, но вѣдь она принесла въ жертву не одну свою жизнь, но и жизнь любимаго и любящаго ее человѣка. Имѣла ли она право сдѣлать это? Она свободна, но оказывается, что свобода ея ограничивается даже по отношенію къ ней самой и не путами и закономъ, а чувствомъ любви, самымъ нѣжнымъ чувствомъ, къ какому только способны люди!

Съ мельчайшими подробностями вспоминалось ей утро сегодняшняго дня, прощаніе съ мужемъ, блескъ солнца въ окно, возлѣ котораго она писала свою страшную для него записку, потомъ ворота въ домъ, гдѣ живеть графъ Дюлеръ, входъ въ блиндажъ, кабинетъ, увѣшанный коврами, блѣдное лицо графа, его испугъ, потомъ его крикъ: „это—анархистка“, который до сихъ поръ звучитъ въ ея ушахъ.

Какъ она могла забыть бомбы? Несмотря на то, что она рада была тому, что не бросила ихъ въ кабинетъ графа, она считала это непростительнымъ. Ея „покушеніе“ могло показаться смѣшнымъ. Покушеніе безъ средствъ произвести его. Аня объясняла эту забывчивость тѣмъ волненіемъ, которое она переживала, но вѣдь бомбы должны были остаться на кофточкѣ. Она не снимала ихъ. Это она помнила отлично. И вдругъ она догадалась, ей сразу все ясно: она поняла, что это онъ спряталъ бомбы, потихоньку отъ нея.

Предчувствіе его не обмануло. Опять спась ея

отъ пролитія крови, но не могъ спасти отъ тюрьмы и, можетъ-быть, казни.

И она была теперь благодарна ему.

— Нужно взять себя въ руки,—думала Аня,—твердо пройти послѣдній жизненный путь. Не дать торжествовать палачамъ хотя бы малѣйшими слѣдами моего волненія. Перенесеть и онъ. Какъ мужчина, онъ долженъ выйти побѣдителемъ изъ своего страданія. Гибнуть только дряблые духомъ, а онъ не таковъ.

Но какъ тяжелы будуть эти послѣдніе дни! Замуравленная, какъ въ могилѣ, утративъ представление о днѣ и ночи, забывъ время,—пока въ этой же кельѣ не появится голубоватый шаръ электрической искры, несущій съ собою смерть.

Аня только теперь обратила вниманіе, что весь полъ, стѣны и потолокъ были усыпаны небольшими мѣдными бляхами, похожими на шляпки отъ гвоздей. Она поняла, что это было не что иное, какъ аноды и катоды, въ которые пускался сильный электрическій токъ. Отъ него невозможно было спастись, такъ какъ вся камера по всѣмъ направлениямъ пронизывалась электрическими лучами.

Эта комната смерти была послѣднимъ словомъ науки, направленной къ самоистребленію людей, такъ какъ казнь, по существу, была тѣмъ же самоистребленіемъ. Новую казнь прикрывали прозрачнымъ флеромъ гуманности, такъ какъ считали уже позорнымъ вздергивать человѣка на веревкѣ къ перекладинѣ висѣлицы на глазахъ у живыхъ и здоровыхъ людей, но заставлять человѣка жить въ комнатѣ, приспособленной для казни электри-

чествою, было равносильно жизни на эшафотѣ въ виду веревки и палача.

Люди хотѣли обмануть вѣчную правду, заповѣдавшую „не убий“, и прикрывались ложнымъ человѣколюбіемъ, но отъ этого выдумка ихъ становилась еще противнѣе и ужаснѣе.

Аня съ любопытствомъ осмотрѣла эти мѣдные бляхи, даже потрогала ихъ на стѣнѣ рукою. Онѣ имѣли слегка коническую форму и были холодны, какъ ледь.

И вдругъ она замѣтила, что бляхи на полу начинаютъ свѣтиться и мигать слабымъ голубоватымъ свѣтомъ.

Пустили токъ! Это смерть,—подумала Аня.

Она была спокойна. Смерть не пугала ея. Аня приготовилась встрѣтить ее. Она нарочно прислонилась къ стѣнѣ, къ холоднымъ бляхамъ и смотрѣла на миганіе голубоватыхъ огоньковъ, ожидая роковой минуты.

— Это будетъ только мигъ, одинъ мигъ!— ободряла она сама себя.

Но правильность миганія этихъ огоньковъ поразила ее. Они то мигали быстро и часто, то свѣтились сравнительно подолгу, то исчезали на опредѣленное время. Это миганіе напоминало отчасти работу телеграфнаго аппарата.

— Вѣдь это сигнализациѣ!—догадалась, наконецъ, Аня.

— Это „наши“ воспользовались даровыми проводами и сигнализируютъ намъ въ тюрьму!

— Но какъ понять эту сложную азбуку? Впрочемъ, я ее пойму, непремѣнно пойму!

Наблюденія Ани подтвердились: въ коридорѣ,

за дверью раздался шумъ, и чей-то глухой голосъ прокричалъ:

— Опять эти анархисты телеграфируютъ!

— Бѣда съ проклятыми! — отвѣтилъ другой голосъ.

И все опять стихло, только огоньки продолжали мигать; этотъ молчаливый разговоръ былъ дорогъ Анѣ, онъ одинъ связывалъ ее теперь съ далекой отъ нея жизнью.

— Не одна! — подумала она.

Александръ Васильевичъ въ безумномъ отчаяніи обѣгалъ половину Москвы и нигдѣ не могъ напасть на слѣдъ жены. Былъ онъ и въ магазинѣ Свѣточева, но тамъ были уже какіе-то новые, незнакомые ему люди, которые смотрѣли на него, какъ на сумасшедшаго, и на всѣ его вопросы отвѣчали полнымъ незнаніемъ.

Тогда онъ побѣжалъ на Арбатъ къ Пронскому, котораго не видѣлъ уже давно. Къ счастью, Пронской былъ дома, но встрѣтилъ пріятеля смущенно.

— Знаю уже о вашемъ горѣ, — сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку Александра Васильевича. — Мужайтесь, дорогой другъ!

— Вы знаете, что жена...

— Да, въ редакціи уже получены свѣдѣнія... Она, по приговору партіи, совершила покушеніе на графа Дюлера, но неудачно, и теперь въ новой тюрмѣ...

— Но вѣдь я своими руками спряталъ отъ нея бомбы! — вскричалъ Александръ Васильевичъ. — Значитъ, у нея были еще... Значитъ, ее осудятъ, казнить!

Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на Пронского.

— Еще ничего не значитъ, — отвѣтилъ тотъ. — Бомбы не нашли ни въ квартирѣ графа, ни у арестованной. Слѣдовательно, отпадаетъ самый фактъ покушенія на убийство. На ея арестъ нужно смотрѣть, какъ на арестъ за принадлежность къ нелегальной партіи. Хотя и это не безопасно, но въ нашихъ рукахъ есть громадный шансъ, что арестованная останется жива.

И продолжалъ въ отвѣтъ на нѣмой вопросъ Александра Васильевича:

— Графъ Дюлеръ постарается не выпустить изъ рукъ такого козыря и, вѣроятно, будетъ хлопотать объ отсрочкѣ казни, чтобы вытащить съ папаши Синицына изрядный кушъ. Кроме того, въ Петербургѣ образовалась цѣлая тайная коллегія изъ лицъ, занимающихся за деньги освобожденіемъ политическихъ заключенныхъ. На законномъ основаніи, конечно. Судъ не находитъ состава преступленія, и обвиняемый преблагополучно уѣзжаетъ за границу. Отъ этой коллегіи, въ которую замѣшаны крупные тузы, повсюду шныраютъ агенты. Повѣрьте, что уже теперь всѣ пружины pu-щены въ ходъ...

— А если мы ошибаемся? — спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Я не ошибусь, если скажу, что казни вашей жены нельзя ожидать скоро. Если же я ошибаюсь, вообще, тогда все-таки останется одно средство...

— Какое же? — съ волненіемъ спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Требовать у коммуны анархистовъ, чтобы

они ее освободили. Они должны это сдѣлать и могутъ, потому что въ ихъ рукахъ масса средствъ. Что же касается васъ, то вамъ лучше всего перемѣнить имя и поселиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. На вашей квартирѣ васъ могутъ арестовать; тамъ, навѣрное, уже былъ обыскъ и найдены спрятанныя вами бомбы.

II.

Воздушный бой.

Прошло нѣсколько дней. Послушавшись Пронского, Александръ Васильевичъ перебрался въ другую часть Москвы, недалеко отъ новой тюрьмы, въ которой была Аня.

Ему хотѣлось быть ближе къ ней. Его энергія то поднималась, то вновь падала. Это была борьба отчаянія съ надеждой спасти жену, и, если бы его не поддерживалъ Пронскій, увѣрявшій, что Аня жива, онъ покончилъ бы съ собою.

Но пока ничего нельзя было предпринять; „Анархія“ свирѣпствовала. И днемъ, и ночью висѣла она надъ Москвою, бросая торпеды, превратившія въ развалины болѣе десятка казенныхъ зданій.

Въ Кремлѣ пылало зданіе окружнаго суда, и его некому было тушить, такъ какъ нельзя было выходить на улицу. Артиллерія стрѣляла безпрерывно, и надъ городомъ, опустѣвшимъ и вымершимъ, стоялъ гулъ стрѣльбы и взрывовъ и висѣлъ сѣрой цепеной дымъ.

Жители попрятались въ блиндажи, и на улицахъ попадались только шайки грабителей, похищав-

шихъ имущество и отвѣчавшихъ выстрѣлами на выстрѣлы по нимъ изъ полицейскихъ блиндажей.

Жизнь замерла, но вѣсти распространялись съ непонятной быстротой. Стало известно о назначеніи премьера диктаторомъ, ждали указа о мобилизациіи арміи, объявленія анархистовъ „внѣ закона“, о бѣгствѣ изъ Москвы и Петербурга высшихъ административныхъ лицъ.

Почти всѣ государственные учрежденія были переведены въ Финляндію, а государственное казначейство перебралось еще дальше — въ Англію, и русскіе кредитные билеты печатались на англійскихъ станкахъ.

Сибирь, Кавказъ, Крымъ и Польша отѣлились и образовали отдельныя республики; Новгородъ и Псковъ вспомнили про древнее вѣчевое устройство, образовавъ вольные города, а Царевококшайскъ, въ которомъ властью завладѣлъ исправникъ, объявилъ себя великимъ княжествомъ.

Великій князь царевококшайскій потребовалъ себѣ присяги, но на другой день былъ убитъ своимъ письмоводителемъ, и Царевококшайскъ присоединился къ Россіи.

Диктатору было много заботъ; онъ съ трудомъ могъ бороться противъ надвигавшейся анархіи, такъ какъ ему самому пришлось уѣхать въ Финляндію.

Всѣ заботы правительства были направлены къ уничтоженію „Анархіи“, этого страшного врага, въ гибели которого видѣли спасеніе.

Въ Петербургѣ съ величайшимъ трудомъ построили управляемый аэропланъ; на этотъ аэро-

планъ возлагались всѣ надежды. Онъ носилъ название „Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ“.

Снабженный электрическими орудіями, торпедами, сильнымъ двигателемъ и поднимавшій пятьдесятъ человѣкъ команды, новый аэропланъ представлялъ изъ себя грозное сооруженіе, но онъ проигрывалъ передъ „Анархіей“ въ быстротѣ передвиженія по воздуху.

Газеты были полны предположеніями и выводами о грядущемъ боѣ, но рекордъ въ этомъ отношеніи побили „Русскія Вѣдомости“, которая съ точностью высчитывали всѣ винтики у „Анархіи“ и всѣ кнопки у „Генерала Куропаткина“.

Можно было подумать, что газета специализировалась на вопросахъ воздухоплаванія, и съ благородною грустью указывала на невозможность побѣды для правительеннаго аэроплана.

Въ церквяхъ служили молебны о ниспосланіи побѣды, но настроение у всѣхъ было тревожное.

Въ побѣду не вѣрилось.

„Анархія“, между тѣмъ, продолжала громить Москву.

Экипажъ ея, повидимому, мало беспокоился приближеніемъ первого серьезнаго противника и не спѣшилъ къ нему навстрѣчу.

И вотъ, раннимъ утромъ, на тринадцатый день осады Москвы „Анархіей“ неожиданный колокольный звонъ возвѣстилъ, что въ воздухѣ показался „Генералъ Куропаткинъ“.

Давно уже надъ Москвою не раздавалось колокольного звона; измученные жители высыпали на улицы, появились войска изъ блиндажей и стали на площадяхъ и улицахъ въ боевомъ порядкѣ.

Никто не думалъ объ опасности для себя; всѣхъ захватила серьезность и важность момента.

Сверкая на солнцѣ металлическими частями, горделиво плылъ надъ Москвою на высотѣ 400 сажень громадный аэропланъ съ развѣвающимся на немъ Андреевскимъ флагомъ.

Онъ былъ похожъ на сказочное чудовище и въ нѣсколько разъ превосходилъ размѣрами „Анархію“. Плавно пронеся онъ надъ Москвою, сдѣлалъ полукругъ надъ Кремлемъ, и остановился.

Громыхнуль выстрѣль. Это былъ салютъ Москвѣ, поклонъ ей отъ отважныхъ воздушныхъ бойцовъ, для которыхъ не было другого исхода, кромѣ смерти или побѣды.

И толпа внизу, во всей Москвѣ, отвѣтила дружнымъ привѣтственнымъ крикомъ.

Кричали всѣ, кто къ какой партіи ни принадлежалъ. Анархисты были общими врагами. Они тоже были на улицахъ, смѣшившись съ толпою, но они ждали конца боя. Ихъ было меньшинство, и они еще не рѣшались выступить противъ всего народа.

„Анархія“ не было видно. Въ воздушномъ просторѣ царилъ одинъ аэропланъ, и это уже было похоже на побѣду.

Вотъ онъ опять тронулся, медленно описывая новый кругъ, огромный и сверкающій, царя надъ древнимъ городомъ, надъ которымъ еще поднимался дымъ отъ недавнихъ пожарій.

Въ этотъ моментъ на востокѣ появилась черная точка, которая быстро приближалась, точно падала изъ бездонной синевы.

Это была „Анархія“.

На военномъ аэропланѣ замѣтили врага, и подняли боевой сигналъ. Аэропланъ опять остановился и повернулся къ приближающемуся врагу правымъ бокомъ, готовясь встрѣтить его залпомъ изъ всѣхъ орудий.

И толпа внизу замѣтила врага. Привѣтственные крики умолкли, и только звонъ колоколовъ всѣхъ церквей могучей волной поднимался въ воздухъ, неся съ собою привѣтъ и ободреніе. Этотъ звонъ заглушалъ гуденіе крыльевъ страшного корабля, который приближался, какъ пущенная изъ лука стрѣла.

Черное знамя анархистовъ рѣяло на немъ траурной черточкой.

По сравненію съ аэропланомъ, „Анархія“ казалась пигмеемъ, но этотъ пигмей такъ же уверенно приближался къ противнику, какъ молодой соколь нападаетъ на неуклюжую цаплю.

Грянулъ залпъ, отъ котораго вздрогнула земля. Изъ оконъ посыпались стекла. Цѣлая сѣть голубоватыхъ молний блеснула по направленію къ черному пятну „Анархіи“, но та почти перпендикулярно взмыла кверху и стала подниматься все выше и выше, стремясь повиснуть надъ противникомъ ибросить въ него свою страшную торпеду.

На „Генералъ Куропаткинѣ“, очевидно, поняли этотъ маневръ, и онъ сталъ подниматься вверхъ, время отъ времени бросая въ воздухъ снопы молний и гремя залпами.

Сначала изъ глазъ пропала „Анархія“, потомъ исчезъ и аэропланъ. Оба они скрылись за облаками, и только отдаленный рокотъ, похожій на

громъ надвигающейся грозы, доносился оттуда, говоря о заоблачномъ боѣ.

Александръ Васильевичъ тоже былъ на улицѣ вмѣстѣ съ толпою. Общее волненіе захватило и его. Онъ съ замираніемъ сердца наблюдалъ это невиданное зрѣлище — борьбу людей въ воздухѣ, но онъ боялся сказать себѣ самому, кому онъ желаетъ побѣды.

Побѣда „Анархіи“ могла повлечь за собою господство анархистовъ, а это господство не соотвѣтствовало его убѣжденіямъ, побѣда военного аэроплана влекла за собою еще болѣе суровое преслѣдованіе анархистовъ и гибель Ани.

Онъ стоялъ, прислушиваясь къ отдаленному заоблачному грому, который становился все тише и тише.

Легкія перистыя облака ревниво закрывали отъ глазъ людей совершающуюся кровавую драму въ сияющемъ и спокойномъ воздухѣ, гдѣ, казалось, долженъ быть царить вѣчный покой.

Этотъ покой нарушили люди, всюду, куда ни удавалось имъ проникнуть, приносящіе вражду и пролитіе крови.

Кругомъ громко говорили и спорили, кому достанется побѣда.

„Анархія“ выигрываетъ быстротой, — сказалъ стоявшій рядомъ съ Александромъ Васильевичемъ незнакомый человѣкъ, — но у аэроплана есть свои преимущества: онъ можетъ подняться выше „Анархіи“, въ ту сферу, гдѣ кораблю съ крыльями уже нельзя будетъ держаться вслѣдствіе разрѣженности воздуха.

— Ну, значитъ, бой затягнется, — замѣтилъ другой.

— Вѣрнѣе всего.

Дѣйствительно, скоро стихъ и громъ. Надъ головами продолжавшей стоять толпы неслись только облака. Ничего не было видно и слышно.

Многіе стали расходиться разочарованные, простоявъ нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, и вскорѣ на улицахъ остались одни войска, да небольшія кучки зѣвакъ, которымъ некуда было дѣваться.

Стихъ колокольный звонъ, но Москва продолжала сохранять необычный встревоженный видъ.

III.

Агентъ по освобожденію.

— Виноватъ, вы не Александръ Васильевичъ?

Александръ Васильевичъ медленно шелъ къ себѣ, когда за нимъ раздался незнакомый голосъ, назвавшій его по имени. Онъ вздрогнулъ и обернулся.

Небольшая фигурка въ сѣромъ мѣховомъ пальто пытливо и любезно заглядывала ему въ лицо.

— Сыщикъ, — подумалъ Александръ Васильевичъ, подозрительно оглядывая эту фигурку. Онъ хотѣлъ было уже продолжать свой путь, не отвѣтивъ на вопросъ назойливаго незнакомца, но тѣмъ замѣтилъ произведенное имъ неблагопріятное впечатлѣніе и заговорилъ:

— Простите, теперь, конечно, такія времена, что незнакомцу опасно открывать свое имя, и вы навѣрное принимаете меня за шпиона, но смѣю

васъ увѣрить, что я не сыщикъ... Я встрѣчалъ васъ въ судѣ и помню ваше лицо.

— Что же вамъ угодно? — спросилъ Александръ Васильевичъ, хмура брови.

Назойливость незнакомца начинала его сердить, но этой фразой онъ открывалъ свое имя.

Незнакомецъ, принявъ таинственный видъ, подошелъ къ Александру Васильевичу почти вплотную и зашепталъ ему на ухо.

— Мнеъ извѣстно, что наднихъ арестована ваша супруга... Можно устроить ее освобожденіе...

— Но кто же вы такой? — съ волненiemъ спросилъ Александръ Васильевичъ.

Онъ сразу потерялъ свое недовѣріе къ этому странному господину, почувствовалъ, что тѣтъ говорить неспроста, что у него въ рукахъ есть какая-то тайная магическая сила.

— Вы... можете... — проговорилъ онъ.

— Не я-съ... Другіе... Я только передаточная инстанція. Вотъ моя карточка.

Онъ подальше карточку, на которой значилось: „Сидоръ Семеновичъ Куршинъ. Комиссіонеръ“.

— Какъ бы тамъ не кончилось, — указалъ онъ на небо, гдѣ за облаками происходилъ бой, сила еще долго будетъ въ рукахъ правительства!

Что-то хищническое, наглое и циничное проскользнуло въ этотъ моментъ въ его лицѣ, и Александръ Васильевичъ почувствовалъ, какъ въ немъ зашевелилось отвращеніе.

Но онъ взялъ карточку. Этотъ человѣкъ говорилъ объ освобожденіи Ани, и Александръ Васильевичъ чувствовалъ, что онъ не сталъ бы даромъ терять времени.

— Что же... вы хотѣли бы поговорить?—спросилъ онъ отрывисто.

Курышкинъ пожалъ плечами.

— Это зависить отъ васъ. Могу только сказать, что „мы“ оказались дальновидными; обыкновенно въ двадцать четыре часа происходитъ и судь и казнь, но, благодаря нашему вліянію, судь надъ вашей супругою еще не состоялся.

Онъ посмотрѣлъ на Александра Васильевича съ видомъ скромнаго достоинства.

— Когда же мы увидимся съ вами?—спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Когда хотите. Завтра я могъ бы принять васъ у себя, если не будетъ возстанія. Нашъ кварталъ безопасенъ, „Анархія“ не бросила къ намъ до сихъ поръ ни одного снаряда.

На карточкѣ былъ напечатанъ и адресъ.

Александръ Васильевичъ обѣщалъ пріѣхать завтра, въ два часа дня, и не безъ внутренняго колебанія подалъ руку господину Курышкину.

— Такъ я васъ жду!—сказалъ тотъ.

Онъ перебѣжалъ улицу и скрылся въ толпѣ, оставивъ Александра Васильевича въ состояніи раздумья и брезгливости.

— Торговцы правосудіемъ, — подумалъ онъ, подвигаясь по тротуару, вмѣстѣ съ кучками разбредавшейся толпы. Онъ вспомнилъ, что Пронскій рассказывалъ ему о цѣломъ обществѣ въ Петербургѣ, занимавшемся за деньги освобожденіемъ арестованныхъ. Это общество занималось и шантажемъ, и дѣла его шли блестяще, благодаря мас-сѣ арестовъ.

Очевидно, Курышкинъ, былъ однимъ изъ агентовъ этого общества.

Чтобы освободить Аню, Александру Васильевичу приходилось обращаться къ услугамъ этихъ сомнительныхъ людей, входить съ ними въ сдѣлку, и онъ готовъ былъ сдѣлать это ради нея. Но онъ зналъ, что Аня брезгливо отодвинулась бы отъ этихъ людей и предпочла бы смерть такому освобожденію. Можетъ быть и онъ поступилъ бы такъ по отношенію къ самому себѣ, хотя очень любилъ жизнь, но по отношенію къ Анѣ онъ готовъ былъ пойти на все.

Онъ мечталъ даже о томъ, что войдетъ въ партію революціонеровъ и вмѣстѣ съ ними пойдетъ братъ приступомъ новую тюрьму, но Пронскій только посмѣялся надъ нимъ, сказавъ, что это невозможно.

— Вступайте лучше въ коммуну,—посовѣтывалъ онъ ему.—Тамъ вы скорѣе составите себѣ отрядъ для нападенія на тюрьму, на которую анархисты давно точатъ зубы.

Но коммуна точно провалилась сквозь землю, и Александръ Васильевичъ никакъ не могъ туда проникнуть, хотя нѣсколько разъ пытался произвести этотъ маневръ. Иногда на него находило такое отчаяніе, что онъ готовъ былъ одинъ, безъ оружія, броситься къ земляному брустверу, за которымъ была подземная тюрьма, разметать его своими руками, задушить тѣми же руками стражу и вывести Аню на свободу, въ царство любви и жизни.

По ночамъ его мучила жестокая бессонница, а въ тѣ рѣдкіе часы, когда сонъ сковывалъ его

усталое тѣло, ему снилась Аня, на полу, въ мрачной подземной кельѣ, можетъ-быть, поруганная, измученная пытками, и онъ вскакивалъ въ холодномъ поту.

Да, ему не было выбора.

Онъ отдавалъ себя, готовъ быль продаться этимъ темнымъ, неизвѣстнымъ людямъ, которые бросили ему надежду вновь увидѣть на свободѣ дорогого человѣка, ту надежду, которую они уже расцѣнили на деньги и продавали, смѣясь нагло и надъ убѣжденіями и надъ властью, которая замѣнила правосудіе слѣпою и беспощадной карою.

Они продавали все, что можно было продать.

Въ этотъ день Александръ Васильевичъ былъ у Пронского, которому рассказалъ про свою встрѣчу. Оказалось, что Курышкинъ успѣлъ побывать уже и у Пронского, разыскивая его.

— Я хотѣлъ уже итти сообщить вамъ объ этомъ,—сказалъ ему Пронскій,—но помѣшалъ этотъ воздушный бой.—Непріятно, если на голову упадетъ торпеда.

— Вы думаете, что этотъ человѣкъ не обманетъ меня?—спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Какъ вамъ сказать! У подлецовъ есть своя специфическая честность. Онъ предлагаетъ вамъ грязненькое дѣло, облупить васъ, какъ сидорову козу, но доведетъ дѣло до конца. Иначе имъ и нельзя: „фирма“ можетъ пострадать.

— Я отдамъ имъ все, что у меня есть. Отдамъ имъ-ни!

— Видите ли, — замѣтилъ ему Пронскій, — скверно, если они больше разсчитываютъ на папашу Синицына, чѣмъ на васъ. Тогда дѣло пах-

нетъ миллиономъ, котораго у васъ нѣтъ. А еще неизвѣстно, дастъ ли миллионъ папа Синицынъ, и потомъ, гдѣ его найти.

— Онъ уѣхалъ въ Америку,—отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.— Да, миллиона у меня нѣтъ.

— Но вы не отчаивайтесь,—продолжалъ Пронскій;—мнѣ удалось узнать, что въ этой компаніи, занимающейся освобожденіемъ за деньги, находится и его сіятельство, графъ Дюлеръ. Конечно, подъ величайшей тайной. Онъ—глава московскаго отдѣла.

Александръ Васильевичъ не могъ удержаться отъ изумленнаго восклицанія.

— Да, да! Самъ графъ Дюлеръ! Охранитель старыхъ основъ и спасатель родины. Деньги не пахнутъ, а ихъ цѣль—только деньги. Они-то и продаются Россію!

— Но вѣдь у него дѣла съ Синицынымъ!—продолжалъ Александръ Васильевичъ.

— Ничего не значитъ... Когда пахнетъ миллиономъ, не смотрять ни на родство, ни на связи. Графъ прекрасно понимаетъ, что миллиона съ Синицына онъ иначе никогда не получитъ. Оттого онъ и велѣлъ арестовать вашу жену. Это такие мошенники, такие мошенники...

И Пронскій махнулъ рукой, не находя словъ.

— Они оберутъ васъ, но будетъ искать Синицына,—добавилъ онъ.—Мы по этому располагаемъ большимъ временемъ, чтобы готовиться и со своей стороны. Поэтому вы ведите дѣло съ Курышкинымъ, а я буду вести дѣло съ анархистами. Они можетъ-быть, думаютъ, что ваша су-

пруга уже казнена, надо заставить ихъ пошевелиться.

Они еще разговаривали, какъ вдругъ окна вздрогнули и въ нихъ зазвенѣли стекла. Раздался звукъ далекаго взрыва, который шелъ откуда-то сверху. Александру Васильевичу показалось даже, что въ окно блеснулъ огонь, какъ свѣтъ отъ падающей звѣзды.

— Это конецъ боя! — воскликнулъ Пронскій. — Кто побѣдилъ — аэропланъ или „Анархія“?

— Конечно, „Анархія“, — отвѣтилъ, подумавъ, Александръ Васильевичъ.

IV.

Самосожженіе.

На другой день уже не было никакого сомнѣнія въ результатахъ боя. „Генераль Куропаткинъ“ былъ взорванъ брошенной съ „Анархіи“ летающей торпедой. Часть команды погибла, часть спаслась на парашютахъ, но это были полубезумные отъ пережитыхъ потрясеній, обмороженные и обожженые люди. Обломки аэроплана упали за Воробьевыми горами. Пострадала и „Анархія“: ее видѣли послѣ боя, тяжелымъ полетомъ направлявшуюся на западъ. Крылья ея гудѣли сильнѣе обыкновенного.

Она скрылась, но всѣ были увѣрены, что она скоро явится. Москва точно вымерла: не было и слѣда вчерашняго воодушевленія, рожденаго ожиданіемъ побѣды. Колокола молчали. Москва переживала пораженіе аэроплана, какъ свое собственное, но она еще не сдавалась.

По улицамъ ходили мрачные патрули. Довольно было простого подозрѣнія, внушенаго солдату или полицейскому, и человѣка хватали, и онъ исчезалъ въ подземныхъ участкахъ. Желѣзныя ворота Новой тюрьмы растворялись почти каждый часъ, впуская все новыя и новыя жертвы.

Шла настоящая война, при которой не считаются съ человѣческими жизнями. Правительство поставило ва-банкъ.

Въ этотъ день Александръ Васильевичъ былъ у Курышкина, но тотъ встрѣтилъ его печально:

— Все лопнуло, — сказалъ онъ ему. — Сегодня ночью убить графъ Дюлеръ. Къ нему явился цѣлый отрядъ анархистовъ, и графа разстрѣляли на собственномъ дворѣ. Вмѣстѣ съ нимъ погибли его дочь и секретарь. Я не могу теперь ничего сдѣлать: правительство рѣшило дѣйствовать безпощадно. Наша компания не рѣшится теперь продолжать свою дѣятельность.

— Но вы же сами говорили вчера, что все останется по-старому, какъ бы ни кончилось сраженіе! — вскричалъ Александръ Васильевичъ.

Маленькая надежда, оживившая его вчера, разомъ пропала. Онъ точно провалился въ пропасть, откуда не было выхода.

— То было вчера, а то сегодня, — покачалъ головою Курышкинъ. — Теперь жизнь измѣряется часами и даже минутами. Что было возможно часъ назадъ, невозможно теперь. Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что сегодня анархисты будутъ объявлены винѣ закона. Мой совѣтъ — примириться съ вашимъ несчастиемъ, и думать о себѣ. Знаете,

какъ сказаць поэтъ: „Спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій!“

Эта сентенція возмутіла Александра Васильевича. Она поразила и оскорбила его, какъ богохульство можетъ оскорбить вѣрующаго человѣка. Кровь бросилась ему въ лицо, и онъ едва не ударилъ этого человѣка, еще вчера предлагавшаго ему „купить“ Аню.

— Мерзавецъ! — бросилъ ему онъ.

Онъ всталъ и направился къ двери, не взглянувъ даже на оторопѣвшаго Курышкина, не ожидавшаго такой развязки.

— Молите Бога, что я и васъ не арестовалъ, — крикнулъ онъ ему въ догонку.

Александръ Васильевичъ вышелъ на улицу, шатаясь, какъ пьяный. Его наполняло отчаяніе. „Все кончено“, — думалъ онъ. — „И если мнѣ что осталось, такъ это — месть. Но кому же мстить? Всѣмъ! Всѣмъ людямъ, надругавшимъ надъ человѣческими чувствами, втощившимъ въ грязь идеалы, залившимъ міръ кровью... Всему обезумѣвшему человѣчеству!“

И онъ захочоталъ, какъ смѣются безумные.

Онъ чувствовалъ, какъ разгоралась въ немъ эта слѣпая ярость, родившаяся отъ отчаянія, злобы сатаны, черная тѣнь котораго окутала весь міръ.

Самъ не зная, куда онъ идетъ, бѣжалъ Александръ Васильевичъ по улицамъ и переулкамъ, и случайные встрѣчные бросались отъ него въ сторону, испуганные выражениемъ его лица.

На одной изъ улицъ онъ наткнулся на толпу, которая медленно двигалась съ заунывнымъ похо-

роннимъ пѣніемъ. Александръ Васильевичъ принялъ ее сначала за похоронную процессію, но среди людей, идущихъ съ непокрытыми головами, онъ не видѣлъ ни гроба, ни мертвѣца. Надъ головами людей онъ видѣлъ только качающуюся верхушку деревяннаго креста, который несли какъ знамя.

Александръ Васильевичъ смѣшался съ этой толпой, и чья-то рука сдернула у него съ головы шапку.

— Иди съ нами, нечестивецъ, — крикнулъ ему чей-то голосъ. — Иди и очистись огнемъ!

Безумные глаза впились въ него; Александръ Васильевичъ увидѣлъ сумасшедшее лицо, растрепанные волосы и открытую грудь съ разорваннымъ воротникомъ рубашки.

— Куда? — отвѣтилъ онъ машинально.

— Въ монастырь! Къ блаженному Максиму! Иди и покайся!

И Александръ Васильевичъ пошелъ съ этой толпой, поддаваясь охватывающему ее настроенію, въ которомъ доминировало безуміе и страхъ, самъ почти безумный среди безумныхъ людей.

И похоронное пѣніе, нескладное, прерываемое рыданіями, рвало на части его душу.

— Я хороню Аню, хороню себя! — билась въ немъ мысль.

Слезы накипали у него на глазахъ, въ то время, какъ губы кривились отъ страшной улыбки, и безумный хохотъ готовъ былъ вырваться изъ груди.

Вотъ и стѣны монастыря. Ворота были раскрыты, и толпа медленно влилась въ нихъ.

Смолкло пѣніе. Монастырскій дворъ съ крестами и памятниками надъ могилами иноковъ, встрѣтилъ, какъ кладбище, онѣмѣвшую толпу.

Промелькнули нѣсколько монаховъ и смѣшились съ толпой, заполнившей весь дворъ и тихо подвигавшейся къ кельямъ.

Здѣсь толпа остановилась. Многіе упали на колѣни.

— Отецъ Максимъ! Отецъ Максимъ! — раздались голоса, сначала робкіе, но потомъ все болѣе и болѣе настойчивые. Толпа требовала своего кумира, своего проповѣдника, и въ ея голосахъ звучало уже теперь властное требование.

Она гремѣла:

— Отецъ Максимъ!

Растворилась дверь, и на крыльцѣ показался Максимъ Максимовичъ.

Александръ Васильевичъ не сразу узналъ его, такъ измѣнился отставной штабс-капитанъ.

Длинные волосы почти закрывали лицо его, на которомъ сверкали глубоко впавшіе глаза, сѣдая борода растрепанными прядями лежала на груди. Онъ былъ въ одной рубашкѣ, похожей на саванъ, босой, исхудалыя руки, покрытыя синими жилами, были скрещены на груди.

— Изыдите! — загремѣлъ онъ толпѣ.

— Отецъ Максимъ! Отецъ Максимъ! — зарыала толпа. — Спаси насть!

Нѣсколько женщинъ бились въ истерикѣ и кликушествовали; общее сумасшествіе, какъ раза, охватило и Александра Васильевича: ему хотѣлось кричать и рыдать, но остатокъ воли еще сдерживалъ этотъ безумный порывъ.

— Какъ я васъ спасу, если вы сами не можете спастись! — снова бросилъ толпѣ Максимъ Максимовичъ. — Вы не вѣрили мнѣ, когда я ходилъ къ вамъ, а теперь хотите, чтобы я повѣрилъ вамъ, когда вы пришли ко мнѣ! Подите прочь, маловѣрные!

Толпа отвѣтила глухимъ рыданіемъ, но потому что еще настойчивѣе раздались ея голоса, требовавшіе чуда отъ того, кого эта толпа поставила своимъ кумиромъ, и былъ моментъ, когда жизнь этого кумира могла быть въ опасности: толпа, какъ звѣрь, могла броситься на него.

Понялъ ли это Максимъ Максимовичъ, или общее безуміе толкнуло на новую идею безумнаго человѣка, но Максимъ Максимовичъ вдругъ крикнулъ:

— Огонь васъ очистить! Огонь васъ спасеть!

Больное воспоминаніе ударило Александра Васильевича. Этотъ крикъ онъ слышалъ давно, въ бывшемъ храмѣ „Чистаго Разума“, когда нашель чудомъ спасшуюся Аню. Теперь этотъ крикъ прозвенѣлъ для него, какъ вѣстникъ конца и смерти.

— Сложите костеръ! — продолжалъ Максимъ Максимовичъ, повелительно протянувъ руку.

Многіе изъ толпы бросились къ стоявшимъ у стѣны невдалекѣ сложеннымъ дровамъ. Напрасно монахи пытались остановить ихъ, предчувствуя что-то недоброе; они были смыты и оттерты толпою, которая въ одинъ мигъ набросала передъ кельями цѣлую кучу дровъ, зловѣщую пирамиду, подъ которой скоро закурился синій дымокъ.

— Огня! Больше огня! — кричалъ сумасшедшій,

и толпа гудѣла ему въ отвѣтъ, и трескъ разгоравшагося пламени смѣшивался съ этимъ гудѣніемъ.

Наступилъ роковой моментъ, кульминаціонный пунктъ общаго помѣшательства, когда люди перестали понимать себя, чувствовать жизнь, самосохраненіе, когда безуміе, какъ вихрь, закружило всѣмъ головы.

Надвигалось нѣчто страшное, отвратительное въ своемъ безумії; оно должно было произойти сейчасъ, и Александръ Васильевичъ, весь охваченный нервной дрожью, чувствовалъ это.

Онъ чувствовалъ, что толпа, если бы ей приказалъ этотъ сумасшедший, царящій надъ нею, бросилась бы въ огонь, и онъ замиралъ передъ страшной развязкой.

Пламя уже высоко взвивалось кверху, грозя строеніямъ. Чернѣли и обугливались дрова, а головни внизу сверкали красными пятнами, какъ глаза чудовищъ.

И въ этотъ моментъ Максимъ Максимовичъ крикнулъ:

— Не этого огня бойтесь! Бойтесь небеснаго огня! Я взойду на костеръ, и пламя не коснется меня!

— Максимъ Максимовичъ — крикнулъ виѣ себѣ Александръ Васильевичъ; онъ хотѣлъ броситься, помѣшать этому несчастному, безумному человѣку, но толпа откинула его назадъ, и его голосъ потонулъ въ общемъ безумномъ вошлѣ.

Онъ видѣлъ, какъ въ пламени мелькнуло блѣлое рувище Максима Максимовича, его сѣдая, растрепанная борода, видѣлъ, какъ взмахнули надъ его головой въ красноватомъ дыму блѣдныя руки, и

онъ не зналъ, онъ ли это крикнулъ, или дикий, нечеловѣческий вопль раздался изъ пламени.

Толпа подхватила этотъ крикъ и бросилась къ костру, давя другъ друга, и Александръ Васильевичъ остался въ сторонѣ отъ нея, обезумѣвшій, почти уже не сознававшій окружающаго.

Онъ не помнилъ, какъ вышелъ за ворота, какъ шелъ мимо людей, бѣжавшихъ къ монастырю съ встревоженными лицами, какъ, наконецъ, очутился у Пронскаго.

Здѣсь съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

V.

Въ застѣнкѣ.

Она потеряла представленіе о времени. День, или ночь — для нея было все равно. Это было тутое безразличіе къ себѣ, которое оживляли только воспоминанія. Ей казалось, что она уже давно-давно въ этомъ ужасномъ казематѣ, что года прошли съ тѣхъ поръ, какъ она въ послѣдній разъ видѣла солнце. Была жива. А теперь она считала себя мертвой.

Попрежнему мигали передъ нею голубоватые огоньки, но въ тщетныхъ попыткахъ понять ихъ нѣмой языкъ она только изнемогала и не могла открыть тайный ключъ ихъ смысла. Въ нихъ она видѣла только предвестниковъ смерти.

И вотъ, однажды, въ дверяхъ ея каморки загремѣли ключи, и въ отверстіе просунулась голова надзирателя.

— Пожалуйте! — проговорилъ онъ.

Она не сразу поняла его.

— Куда? — вырвалось у нея изумленное воскликнаніе.

— Извѣстно куда, къ допросу! — ухмыльнулся надзиратель, и въ этой усмѣшкѣ Аня почудилось что-то зловѣщее страшное.

— Пытка... Смерть! — мелькнула мысль.

Она готовилась твердо встрѣтить смерть, она пріучила себя къ этой мысли; голубоватые огоньки, мигавшіе ей и днемъ и ночью, пріучили ее къ мысли о томъ, что скоро передъ нею откроется загадка жизни и смерти, — тайна небытія, но теперь она почувствовала страхъ.

Таинственный и зловѣщій страхъ передъ рѣшительной минутой.

— Я не пойду, — проговорила она безпомощно. Надзиратель усмѣхнулся.

— Этого у насъ не полагается. У насъ велять, такъ иди. А то вѣдь у насъ и конвойные есть.

— Но куда вы меня хотите вести? — вырвалось у Ани.

— Сказано на допросъ. Въ контору. Мужчинъ, тѣхъ въ камерахъ допрашиваются, а вашу сестру всегда въ конторѣ. Въ особенности, которая помоложе, — прибавилъ онъ съ новой усмѣшкой.

Аня безпомощно оглянулась, какъ бы ища поддержки, но вокругъ нея попрежнему мигали только огоньки.

— Иди, — какъ бы говорили они Ань.

И въ эту минуту полнѣйшей безпомощности, на нее вдругъ напалъ порывъ рѣшимости. Рѣшимость отчаянія.

— Хорошо, я иду, — сказала она надзирателю.

— Давно бы такъ! — наставительно отвѣтилъ

онъ. — И ротмистръ, что васъ будетъ допрашивать, тоже послушаніе любить, — добавилъ онъ многозначительно.

Онъ повель Аню тѣмъ же коридоромъ, которымъ она шла сюда, повернулъ въ боковой коридоръ и, открывъ дверь, ввелъ Анию въ просторное помѣщеніе, обставленное довольно комфорtabельно, хотя и по казенному.

Здѣсь стоялъ большой письменный столъ, диванъ и нѣсколько стульевъ, обтянутыхъ kleenкой. Въ глубинѣ комнаты была плотно прикрыта маленькая дверь.

За столомъ сидѣлъ человѣкъ въ формѣ жандармскаго офицера, съ толстой шеей, которую подпиралъ воротникъ сюртука, покраснѣвшей оттого, что онъ писалъ, опустивъ голову.

Онъ не поднялъ ее, когда они вошли, и продолжалъ писать, и Аня видѣла только его щетинистый затылокъ и рыхлые усы, которые тонырились, какъ у таракана.

Перо царапало по бумагѣ, и этотъ шорохъ наполнялъ комнату.

— Привѣтъ, ваше б-діе, — доложилъ надзиратель.

— Хорошо, ступай, — не поднимая головы, отвѣтилъ офицеръ. — А она пусть останется, — бросилъ онъ про Анию.

Надзиратель вышелъ и закрылъ за собою дверь.

Аня осталась съ этимъ страшнымъ для нея человѣкомъ, въ полной власти котораго она теперь была. А онъ не поднималъ головы и продолжалъ писать, и шорохъ его пера по бумагѣ одинъ нарушалъ жуткую тишину.

Вдругъ онъ поднялъ голову.

— Поди сюда! — сказалъ онъ Ань.

— Это вы мнѣ говорите? — негодующе отвѣтила она. — Въ ней сказалась дѣвушка изъ общества.

— Конечно, тебѣ — грубо повторилъ офицеръ. — Или вы, сударыня, желаете, чтобы я разыгрывалъ передъ вами кавалера и предложилъ вамъ стулъ? — добавилъ онъ цинично.

Ана молчала. Она выдержала этотъ наглый взглядъ, который разматривалъ ее какъ вещь, какъ предметъ, не имѣвшій своей воли, и въ ея глазахъ было столько презрѣнія, что человѣкъ изъ-за стола сорвался со своего мѣста и порывистыми шагами приблизился къ ней.

— А, вы настъ презираете! — заговорилъ онъ, хватая Анию за руку и вертя ее до боли, но Аня терпѣла, закусивъ губы, не желая даже звукомъ выдать свое мученіе. — Вы настъ презираете! Ваши товарищи загнали настъ подъ землю, но не могли вырвать у настъ силы и власти! Здѣсь, подъ землею царимъ мы, и посмотрите, сколько здѣсь вшихъ, которые въ нашей власти! „Око за око“... Вы презираете настъ, а мы здѣсь будемъ васъ мучить. Мы отнимемъ здѣсь ваши жизни... Вашъ послѣдній вздохъ будетъ нашимъ торжествомъ!

И онъ такъ сильно тряхнулъ руку Ани, что она застонала отъ боли.

— Имѣйте жалость хотя къ женщинѣ! — невольно вырвалось у нея.

Но она тутъ же обвинила себя въ слабоволіи.

— А вы имѣете жалость къ намъ? — заскрежеталъ онъ, бросивъ, однако, ея руку. — Вы сдѣлали

изъ настъ отщепенцевъ, вы загнали настъ подъ землю, — опять повторилъ онъ. — Нѣтъ, о жалости мы не будемъ говорить...

Онъ опять схватилъ ее за руки и зашипѣлъ, брызгая ей въ лицо слюною:

— Я буду васъ мучить, прелестная фея! Я прикажу ремнями полосовать ваше тѣло. Я прижгу его щипчиками... Этакими маленькими раскаленными щипчиками, и буду васъ мучить, пока вашъ язычекъ не назоветъ мнѣ всѣхъ вашихъ товарищей, вашихъ любовниковъ.

— Негодай! — бросила ему въ лицо Аня.

— Да, ты еще можешь ругаться, — продолжалъ онъ, словно любуясь ужасомъ и отвращеніемъ, которые отразились на лицѣ Ани, — но ты знаешь, что ты въ моей власти, и ничто, слышишь ли, ничто не спасетъ тебя отъ меня? И я первый могу взять тебя, а потомъ отдать солдатамъ, какъ ничтожество, какъ распутную...

Онъ не докончилъ: сильнымъ движениемъ, котораго нельзя было отъ нея ожидать, Аня вырвала изъ его рукъ и толкнула его въ грудь такъ, что онъ зашатался и едва не упалъ. И тотчасъ бросилась къ столу и стала за нимъ въ оборонительной позѣ, тяжело дышащая, блѣдная, какъ полотно, и съ горящими глазами.

— А, ты такъ! — проговорилъ изумленный тюремщикъ. — Хорошо! Но ты раскаешься въ этомъ.

И онъ остановился передъ столомъ, любуясь ею, какъ тигръ любуется дрожащей передъ нимъ газелью, чующей смерть...

— Я могу позвать сюда сторожей и тебя скру-

тять по рукамъ и по ногамъ,—продолжалъ онъ,— но я этого не хочу. Ты—моя добыча.

Неторопливымъ шагомъ онъ подошелъ къ двери, выходящей въ коридоръ, заперъ ее на ключъ, и положилъ его въ карманъ.

Аня въ ужасѣ слѣдила за нимъ неподвижнымъ взглядомъ. Она сознавала, что спасенія нѣть, и рѣшила бороться на жизнь и смерть.

На столѣ лежалъ перочинный ножикъ. Маленький ножикъ съ перламутровой рукояткой. Аня схватила его, раскрыла и зажала въ руку, готовясь къ защитѣ.

— Это хорошо,—похвалилъ ея маневръ тюремщикъ.—Я люблю съ огонькомъ. Минъ уже надоѣли такія, которыя валяются въ ногахъ, просятъ милости и визжать отъ удара сапога, какъ трусливые собаки... Но я сломлю твоё упорство, чортъ возьми!

И онъ рѣшительно двинулъ къ ней, но Аня бросилась на другую сторону, и нѣкоторое время они стояли другъ противъ друга, раздѣленные столомъ, какъ два борца до рѣшительной схватки.

Понявъ, что онъ не догонить ее такъ, онъ, молча, сдвинулъ брови, сталъ толкать столъ къ стѣнѣ, хотя Аня съ своей стороны противилась этому.

Но ея силы начали ослабѣвать. Она съ ужасомъ чувствовала это. Огненные круги вертѣлись у нея передъ глазами.

— Погибаю!—съ отчетливой ясностью мелькнула у нея мысль.

VI.

Кошмаръ.

Случилось чудовищное, невѣроятное по своему ужасу, чего нельзя было пережить. И когда Аню влекли по коридору назадъ въ ея камеру, истерзанную, обезумѣвшую, она, какъ въ туманѣ, видѣла бородатыя лица сторожей, не чувствовала боли, и знала только одно:

Нужно умереть. Немедленно. Сейчас же, какъ за ней захлопнется дверь,

Жизнь—это былъ теперь одинъ ужасъ; отъ него оставалось только одно спасеніе—смерть. Въ ея холодной безбрежности могъ только оборваться яркий ужасъ воспоминанія.

Только къ ней одной.

Аню втащили въ камеру и бросили на полу. Встать она не могла. Не слышала, какъ заперли дверь.

Такъ лежала она, распростершись грудью, чувствуя горячимъ лбомъ холодную остроту каменныхъ плитъ, и въ лицо ей мигали фосфорические, голубоватые огоньки электричества.

Легкія электрическія сотрясенія пробѣгали по ея тѣлу, и къ нему медленно возвращались силы, въ то время какъ страданія духа становились все невыносимѣе и невыносимѣе,

Тѣло было теперь тѣми оковами для страдающаго, оскорблennаго и возмущеннаго во всемъ величию человѣческаго духа, которая онъ стремился сбросить во что бы то ни стало, и эти оковы крѣпли.

Аня медленно поднялась, опираясь руками о каменные плиты. Съла. Инстинктивно откинула назад прядь волос, спущившуюся на лицо, и вдруг безумно вскрикнула: въ углу колыхалась сѣрая безформенная фигура, протягивала къ ней цѣпкія руки, отвратительной гримасою кривила лицо. И вездѣ, вокругъ нея появились такія же фигуры. Онѣ плыли на Аню, и все тѣснѣе и тѣснѣе сжимался ихъ кругъ.

Остановившимся взглядомъ слѣдила Аня за ихъ приближеніемъ, и когда они бросились на нее, она вскочила, стремительно, готовая къ борьбѣ, и въ этотъ мигъ все исчезло...

Опять голыя стѣны, опять огоньки, и только сумракъ, волнующійся въ углахъ.

Проблескъ сознанія на мигъ освѣтилъ Анѣ дѣйствительность, но онъ же принесъ съ собою жгучее ощущеніе реального ужаса, реального стыда...

— Саша! — беспомощно прошептала она.— Саша! ты видишь меня! Ты простишь меня!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ своей убогой арестантской кровати и упала на нее.

Рой мыслей кружился въ головѣ, страшныхъ и милыхъ, воскресавшихъ отрадное былое, воскресавшихъ и недавнее прошлое, переносившихъ ее опять къ ужаснымъ минутамъ борьбы насилия и страданія. Мысли, какъ зарницы, всыхивали и гасли; точно огромный клубокъ разматывался передъ нею, и нити этого клубка была ея жизнь.

— Нѣть! Онъ не долженъ знать, не долженъ,— заговорила Аня, торопливо, какъ бредѣть въ горячкѣ,—пусть я останусь для него чистою... Саша!

Она застонала.

Звонъ въ камерѣ. Звонять въ колокола. Что это! Ясное весеннее небо. Солнце ласкаетъ, цѣлуетъ свое теплотою лицо. Какъ ярко кругомъ, какъ все сверкаетъ жизнью! Она—маленькая дѣвочка, она въ саду... Кусты розъ разступаются передъ нею... Но отчего же это томительное страдающее чувство въ ея груди, боль страшной обиды. Предчувствіе ли это того, что будетъ, или смутное воспоминаніе, того, что свершилось когда-то и поглощено океаномъ времени.

И она знаетъ, что какъ бы радостно ни звонили колокола, какъ бы ни сверкало солнце, какъ бы ни алѣли своими душистыми лепестками розы, вѣчно въ ея душѣ будетъ этотъ тяжелый камень, этотъ мракъ, это невысказанное горе.

Но кто это утѣшаетъ ее. Да, это онъ... Только онъ можетъ снять съ ея души это бремя. И она уже не дѣвочка: она такая же, какъ была.

Она ничего не говоритъ, она плачетъ, но онъ понимаетъ ее безъ словъ. И все мрачнѣе и мрачнѣе становится его лицо, обрываются его ласки, онъ отходитъ отъ нея, и она не въ силахъ, не смѣеться протянуть ему руки.

И все темнѣеть вокругъ... Блекнуть розы. Звонъ еще раздается въ воздухѣ, но это уже не радостный звонъ сверкающаго утра, это погребальный звонъ вечера. Хоронять. Ее хоронять. Она лежить въ гробу. Зачѣмъ этотъ гадкій арестантскій халатъ, которымъ ее прикрыли?

Кто-то шипитъ надъ ея головой: „Вы насы запинали подъ землю, но ты теперь въ моей власти... И я возьму тебя!“

Она леденѣтъ отъ этого голоса и въ послѣдній разъ протягиваетъ руки къ тому, кто только что ласкалъ ее, ласками хотѣлъ снять съ ея души страшную тяжесть.

— Саша! Саша!

Но онъ не трогается съ мѣста и печально качаетъ головою. Все блѣднѣе и блѣднѣе становится его фигура, его лицо. Пропадаютъ. Пропали совсѣмъ.

Надъ нею наклоняется страшная голова съ рыжими усами, отвратительная голова чудовища, и Аня содрогается и замираетъ подъ его взглядомъ, какъ подъ взглядомъ очковой змѣи.

На груди, на рукахъ — камни. Страпенная, свинцовая тяжесть проникаетъ все тѣло...

— Водой бы, ваше благородіе, — говоритъ кто-то. И все смолкаетъ, все тихо.

Музыка. Тихая музыка, словно кто-то, грустный и нѣжный, перебираетъ пальцами по струнамъ арфы.

Розовая полоска зари обожгла темное небо, борется съ темнотою и все властнѣе, все побѣднѣе разгоняетъ мракъ.

Новая жизнь. Неужели это безсмертіе, свобода?

Она поднимается вверхъ, такая же легкая, какъ воздухъ. Оттолкнулась ногою отъ темной сумрачной земли и летитъ навстрѣчу розовымъ лучамъ побѣдного свѣта. Все сильнѣе и сильнѣе музыка. Это гимнъ. Гимнъ свѣту и счастью. Но она не можетъ пѣть, опять поднимается въ ней тревожное чувство, и оно бередить свѣжую рану.

Свинцовая туча надвигается на сияющую полосу зари, закрываетъ ее... Только узкая чер-

точка пробивается еще сквозь густыя свинцовые волны, и она уже не розовая, она пылаетъ, какъ кровь. И гаснетъ, какъ брошенная въ прощанье искра.

Опять мракъ.

А къ ней со всѣхъ сторонъ тянутся отвратительные, цѣпкія, мускулистые руки.

Кошмаръ борьбы, кошмаръ безумія...

И въ этой фантастической борьбѣ Аня сорвалась съ постели и опомнилась только въ углу, у стѣны. Но все какъ-то переплелось въ ея сознаніи: бредъ и явь, фантастические образы и холодные стѣны ея камеры.

— Умереть!

Словно успокоенная этой мыслью, Аня опустилась на полъ, вынула изъ кармана носовой платокъ и, разорвавъ его на четыре лоскутка, принялась вертѣть изъ нихъ жгутъ.

Она дѣлала эту работу внимательно и спокойно, и только неподвижное, точно мертвое лицо, да безумные страдальческие глаза выдавали ея внутреннее состояніе. Губы ее шевелились; она бормотала:

— Это вѣнокъ мнѣ... Это вѣнокъ.

Надзиратель докладывалъ смотрителю:

— Въ № 17 неспокойно. Кричать и мечется. Головой о стѣну бьется...

Невыспавшійся смотритель поднялся съ дивана, на которомъ только что заснулъ, и сердито проторъ глаза.

— Чортъ... Хоть бы всѣ они себѣ головы побили... Жить не даютъ, спать не даютъ...

— А теперь жгутъ изъ платка вертить. Не повѣсишься бы.

— Кто?—сердито бросилъ смотритель.

— № 17-й. Къ ротмистру водили.

— И самъ я скоро повѣшусь съ вами! Пусть ротмистръ принимаетъ мое мѣсто... Стрѣлять бы этихъ анархистовъ... Проклятая жизнь!

И, ругаясь, онъ началъ одѣваться, мало заботясь о томъ, что дѣлается въ № 17-мъ.

VII.

Рѣшительный шагъ.

Маленькимъ лучомъ надежды послужило для Александра Васильевича письмо отъ дяди изъ Финляндіи. Бывшій исправникъ оказался вдругъ довѣреннымъ лицомъ премьер-министра.

„Моя теорія“,—писалъ онъ племяннику,— „нашла сочувствіе у правительства, которое намѣreno провести ее въ жизнь.

Теперь я—директоръ департамента „полицейскаго соціализма“ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Слово „соціализмъ“, такимъ образомъ, вошло въ лексиконъ правительственныхъ словъ, хотя моя теорія—борьба съ соціализмомъ. Государственные умы видѣть глубже. Нашъ департаментъ помѣщается въ Свеаборгской крѣпости, гдѣ—увы!—мы живемъ подъ землею. Но уже готовится цѣлый воздушный флотъ для борьбы съ „Анархіей“, и недалеко время освобожденія страны отъ ея ударовъ“.

Изъ этого письма Александръ Васильевичъ

вывелъ заключеніе, что дядя можетъ спасти его жену, и немедленно послалъ ему телеграмму.

Опять затеплился передъ нимъ колеблющимся пламенемъ обманчивый факель надежды.

Были часы и даже дни, когда Александръ Васильевичъ былъ близокъ къ самоубійству. Онъ обвинялъ себя въ томъ, что ничего до сихъ поръ не могъ сдѣлать для Ани. Что онъ только волновался, мучился, терзался мыслями, что, быть можетъ, въ ту минуту, когда онъ думалъ о ней, изъ страшной тюрьмы выносили обезображеній электрическимъ ударомъ трупъ Ани.

„Было бы честнѣе,—думалъ онъ,—итти къ этой тюрьмѣ съ тѣми бомбами, которая я спряталъ отъ Ани, разбить ворота, проникнуть къ ней, чтобы, по крайней мѣрѣ, умереть вмѣстѣ“.

Но его поддерживалъ Пронскій.

— Она жива! Я знаю это навѣрное!—утверждалъ онъ.

И эта упрямая увѣренность товарища поддерживала Александра Васильевича, вселяла въ него упорство въ надеждѣ, но безъ Пронского онъ чувствовалъ себя хуже.

У него явилась необходимость видѣться съ нимъ каждый день.

Отправивъ телеграмму дядѣ, Александръ Васильевичъ немедленно пошелъ къ Пронскому.

Была масленица, но Москва была похожа на большой пустырь. Экипажей на улицахъ почти не было, метрополитэнъ не работалъ, изрѣдка лишь показывались страшные, черные кареты-автомобили, въ которыхъ перевозили по тюрьмамъ арестованныхъ.

Рѣдкіе прохожіе боязливо пробѣгали по тротуарамъ, сторонясь другъ-друга, подозрительно косясь на каждого встрѣчнаго, а посрединѣ улицы медленно и мрачно проходили патрули воинскихъ командъ.

Развалины встрѣчались на каждой улицѣ. Въ развалинахъ была и часть кремлевской стѣны, обращенная къ Александровскому саду, но теперь надъ нею трудился цѣлый полкъ солдатъ, воздвигая огромный земляной брустверъ.

Начальство пользовалось временными исчезновеніемъ „Анархіи“, скрывшейся, чтобы появиться опять неожиданно и грозно.

И, странно, но многіе ждали ея появленія съ нетерпѣніемъ, потому что тогда затихали репресіи, принимавшія во время передышекъ эпидемической характеръ.

Поднявъ воротникъ пальто, несмотря на теплый, почти весенний день, Александръ Васильевичъ быстро шелъ по тротуару, стараясь избѣгать встрѣчъ съ патрулями, что не всегда было безопасно: прохожихъ часто захватывали по одному подозрѣнію, а въ тюрьмѣ уже трудно было доказать свою невиновность.

И Александръ Васильевичъ берегъ себя для Ани, для ея освобожденія.

У Ильинскихъ воротъ онъ встрѣтилъ санитаровъ съ повязками „Краснаго Креста“: они подбирали раненыхъ, а также умершихъ отъ истощенія. Въ Москвѣ начинался голодъ. Уже нѣсколько дней всѣ сѣйстные и продовольственные припасы были конфискованы администрациєю, и раздавались по определеннымъ районамъ. Никто не

смѣлъ продавать ихъ отъ себя. Но такъ какъ эти раздачи обыкновенно сопровождались арестами,—многіе боялись появляться на нихъ.

И такие люди голодали, хотя анархисты черезъ свои коммуны заботились о голодающихъ.

Начались экспроприаціи, вооруженные грабежи, но не денегъ, а муки и хлѣба: они стоили дороже денегъ.

Александръ Васильевичъ обѣдалъ у Пронскаго, ухитрившаго достать себѣ два пайка, для себя и товарища. Но эти пайки были такъ скучны, что Пронскій, любившій хорошо поѣсть, не разъ уже задумывался объ отъѣздѣ изъ „первопрестольной“ столицы.

Это слово „первопрестольная“ онъ произносилъ теперь съ ядовитой ироніей. И уѣхалъ бы непремѣнно, если бы его не задерживало дѣло Ани. Онъ не могъ оставить товарища, понимая, что вселяетъ въ того бодрость.

Но онъ не повѣрилъ надеждѣ Александра Васильевича на вновь испеченаго директора департамента.

— Ничего онъ не сдѣлаетъ,—заявилъ онъ прямо.—Уже потому, что это освобожденіе идетъ въ разрѣзъ съ ихъ планами. Но имъ невыгодно и казнить вашу жену. Вѣрѣте всего, они будуть держать ее въ тюрьмѣ, пока не подавятъ анархію, на что они надѣются, и не явится изъ Америки господинъ Синицынъ. Нужно освободить ее черезъ анархистовъ.

— Я не могу никакъ попасть въ коммуну,—мрачно отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.

Надежда, которой онъ жилъ все это утро, потасла какъ искра, упавшую въ воду.

Пронский замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное его словами.

— Неужели вы еще можете надѣяться на „нихъ“?—сказалъ онъ съ легкой ироніей.—Бросьте! Все это—чепуха. Но я могу обрадовать васъ дѣйствительной надеждой: готовится освобожденіе всѣхъ заключенныхъ, и для этого мы, революціонеры, вошли въ блокъ съ анархистами.

— Когда?—вырвалось у Александра Васильевича.

— Скоро... Пока это еще неизвѣстно, но, полагаю, что черезъ нѣсколько дней.

— Слушайте, я непремѣнно хочу участвовать въ ея освобожденіи,—волнуясь, проговорилъ Александръ Васильевичъ.—Я первый хочу войти въ ея казематъ!

— Отлично. Вы войдете въ боевую дружицу. Имѣйте въ виду, что и мы, и анархисты смотримъ на эту попытку, какъ на первый шагъ къ вооруженному восстанію.

И Пронский началъ развивать свой планъ, фантазируя, какъ самый пылкій мечтатель. Свергнувъ правительство, онъ предполагалъ плебисцитъ, который долженъ быть рѣшилъ будущія формы жизни общества: соціальную республику, или коммуны анархистовъ. Соціаль-демократовъ онъ не принималъ въ расчетъ. Онъ не сомнѣвался такъ же, что народъ не станетъ на сторону анархистовъ.

— Они подготавливаютъ побѣду намъ,—гово-

рилъ онъ, потирая руки.—Мы созовемъ въ Москву учредительное собраніе. Впрочемъ, я по-дамъ голосъ за предоставленіе анархистамъ свободныхъ земель въ Сибири. Пусть образовываются тамъ свои коммуны: Сибирь нуждается въ колонизації.

Александръ Васильевичъ, несмотря на свое волненіе, не могъ не улыбнуться:

— Вы хотите сослать анархистовъ въ Сибирь!

— Соціальная республика даетъ имъ право образовать свои коммуны. Почему бы не въ Сибири? Вы придираетесь къ слову. Можно, конечно, дать Туркестанскій край, или сѣверъ. Существуетъ же въ Атлантическомъ океанѣ Карлосія?

Но Александръ Васильевичъ не могъ продолжать политического разговора. Его интересовало только освобожденіе Ани.

— Послѣ завтра,—сказалъ Пронский,—назначено тайное собраніе въ новомъ „храмѣ демонистовъ“. Я не знаю, гдѣ онъ помѣщается, но за нами придетъ сюда одинъ мой знакомый. Чтобы не вызвать подозрѣній, туда будутъ собираться ночью и постепенно. Это собраніе выработаетъ планъ дѣйствій.

— Она все собиралась побывать въ этомъ храмѣ,—проговорилъ Александръ Васильевичъ. Онъ не могъ безъ волненія слушать Пронского. Довольно бесплодныхъ мученій, надеждъ, разочарованій и томленія. Его ждало дѣло, какъ мужчину, какъ освободителя. Первый настоящій шагъ.

Въ немъ уже не было разочарованія, вызванаго словами Пронского о бесплодности надежды

ждать хорошаго извѣстія отъ кабинета, спасшагося въ Финляндію. Только дѣйствительная сила, только энергія и мужество могли рѣшить это дѣло.

Онъ чувствовалъ себя, какъ солдатъ передъ битвой, которая должна была рѣшить все.

— Скорѣй бы! — вырвалось у него.

— Если не считать сегодня, только одинъ день волненій, — замѣтилъ Пронскій. — А тамъ все будетъ выяснено. Давайте обѣдать! Сегодня, по слухамъ масленицы, необыкновенное пиршество: выдали два фунта конины. Лошадей рѣжутъ по всей Москвѣ, такъ какъ ихъ нечѣмъ кормить.

Пріятели сѣли обѣдывать. Этотъ нехитрый обѣдъ составляли сухари и похлебка изъ конины, которую Пронскій сварилъ самъ.

За обѣдомъ Пронскій шутилъ и мечталъ. Ему уже надоѣла жизнь въ осажденномъ городѣ, въ постоянной тревогѣ за жизнь. Онъ мечталъ о свободѣ.

— И знаете, какъ я научился понимать свободу? — шутливо спросилъ онъ Александра Васильевича. — Вотъ, теперь когда я грызу этотъ жесткій кусокъ конины?

— Какъ? — машинально спросилъ тотъ.

— Свобода — это мягкий бифштексъ съ хорошо поджареннымъ картофелемъ, который я ъѣмъ въ полной увѣренности, что за дверьми не стоитъ околоточный, а по улицѣ не шагаетъ патруль съ заряженными ружьями!

Рано утромъ слѣдующаго дня Александръ Васильевичъ получилъ отвѣтъ отъ дяди съ сухимъ

отказомъ. Дядя, изображая уже собою правительство, телеграфировалъ:

„Ничего сдѣлать не можемъ. Для насъ на первомъ мѣстѣ долгъ“.

Но этотъ отказъ не произвелъ на Александра Васильевича никакого впечатленія. Онъ ждалъ слѣдующаго дня и сейчасъ же перебрался на жительство къ Пронскому.

Телеграмма могла повлечь за собою нежелательный визитъ полиціи и заставляла быть осторожнымъ. Впрочемъ, въ тотъ же день опять появилась „Анархія“, и репрессіи пріостановились.

VIII.

У демонистовъ.

Бушевала метель — мартовская метель съ хлопьями мокраго снѣга и мутнымъ небомъ, которое мѣшается съ такою же мутной землей въ одну туманную безпросвѣтную мглу. Вѣтеръ яростными порывами налеталъ на молчаливую Москву, утонувшую въ мутной мглѣ, въ которой медленно скользилъ падавшій сверху лучъ прожектора невидимой „Анархіи“.

Онъ разсѣкалъ эту мглу, точно огненный мечъ сатаны, опущенный на нечистую землю, зловѣщіе, холодный и неотразимый. И въ его яркой полосѣ въ бѣшеной плясѣ кружились снѣжные хлопья, невидимые во мглѣ.

Нервно настроенный, вздрагивая отъ порывовъ вѣтра, бившаго въ лицо, двигался Александръ Васильевичъ за Пронскимъ и его спутникомъ.

Приходилось идти далеко, за Калужскую за-

ставу, гдѣ на одномъ изъ заброшенныхъ кирпичныхъ заводовъ находилось подземелье съ „храмомъ демонистовъ“.

На улицахъ не было ни души, но путники шли осторожно, опасаясь засады или неожиданного выстрѣла изъ полицейского блиндажа, такъ какъ на улицахъ запрещалось показываться съ наступлениемъ сумерекъ.

Выйдя на улицу ночью, они были уже въ закона, ограждавшаго жизнь гражданъ. Законъ смѣнили инструкціи диктатора, и по этимъ инструкціямъ городовой, вооруженный электрическимъ пистолетомъ, являлся хозяиномъ жизни любого прохожаго.

Но товарищъ Пронскаго вѣль ихъ съ увѣренностью опыта проводника, минуя опасныя мѣста, черезъ дворы, и въ двухъ или трехъ мѣстахъ путникамъ пришлось перелѣзать черезъ заборы. Отвыкнувъ отъ такихъ гимнастическихъ упражненій, Александръ Васильевичъ сильно измучился, когда они вышли, наконецъ, за заставу.

Въ полѣ была одна сплошная, бѣлая муть, но провожатый, убѣжденный демонистъ, смѣло шагнулъ въ сторону съ дороги, запорошенной снѣгомъ.

Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился, прислушиваясь къ вою вѣтра.

— Слышите,—сказалъ онъ, протягивая руку,— слышите этотъ гулъ разбушевавшейся стихіи? Развѣ вамъ не чудится въ немъ божественный гнѣвъ демона міра?

— Я больше всего боюсь, дорогой мой, чтобы мнѣ не провалиться въ кирпичную яму, — шутливо возразилъ ему Пронскій.

„Нашель время для проповѣди“ — съ неудовольствиемъ подумалъ Александръ Васильевичъ; проповѣдникъ показался ему дикаремъ, готовымъ поклоняться солнцу или лунѣ, но, благодаря нервно настроенному воображенію, въ его глазахъ замелькали искры.

— Неужели у меня могутъ быть галлюцинаціи? — подумалъ онъ.

Спотыкаясь и кружась, теряя направленіе, они добрались, наконецъ, до низкаго, занесенного снѣгомъ строенія завода, часть которого была разрушена, и крыша сползла на землю. Здѣсь, между штабелями кирпичей, проводникъ, съ помощью электрическаго фонаря, нашелъ деревянный люкъ, ведущій въ подземелье.

Съ нѣкоторымъ волненіемъ Александръ Васильевичъ опустился туда за Пронскимъ.

Почти отвѣсныя каменные ступени вели внизъ, въ глубокій колодецъ, со дна котораго дрожаль слабый голубоватый свѣтъ. Въ этомъ свѣтѣ, уже въ одномъ, было что-то загадочное и мистическое.

Но когда они опустились на дно колодца, мистический свѣтъ оказался простымъ свѣтомъ керосиновой лампы, прикрытой матовымъ шаромъ.

Здѣсь начиналась довольно просторная комната съ деревяннымъ поломъ и деревянными стѣнами, выкрашенными въ черную краску. По срединѣ одной стѣны была полукруглая арка, завѣшанная черною же суконной портьерою съ бѣлыми звѣздами.

Вся комната была похожа на гробъ и произвела на Александра Васильевича непріятное впечатлѣніе не безъ примѣси жуткаго чувства.

Пронскій отдернуль портьеру, и они вошли въ сравнительно большой подземный залъ, скопо освѣщенный тремя свѣчами, горѣвшими у терявшагося въ сумракѣ очертанія алтаря, задрапированнаго во все черное. И, освѣщенная колеблющимся пламенемъ свѣчей, на алтарѣ выдѣлялась черная фигура демона со слегка наклоненной головой и со скрещенными на груди руками.

Съ боку, у стѣны, витая лѣсенка вела на каѳедру, какъ въ католическихъ церквяхъ, и симметричными рядами тянулись передъ алтаремъ скамьи, на которыхъ уже сидѣли люди. Слышался глухой говоръ. Въ углу кто-то курилъ папиросу, и его красный огонекъ то всыхивалъ, то угасаль въ темномъ сумракѣ.

Стѣны здѣсь тоже были задрапированы сукномъ.

— Олицетвореніе силы, которая, стремясь ко злу, творить одно добро,—указалъ проводникъ на фигуру демона.

— Н-да... а все-таки вы — ненормальные люди,—шутливо замѣтилъ ему Пронскій.—А кабалистикой вы не занимаетесь?

— Я вовсе не желаю быть миссіонеромъ, — вмѣсто отвѣта, сказалъ тотъ.—Къ чему!? Всякій вѣритъ, во что хочетъ. Или въ прѣсно-сантиментальное добро, или совсѣмъ ни во что. Мы ищемъ истины и гордимся этимъ стремленіемъ, какъ гордился имъ демонъ. И... онъ еще побѣдить!—добавилъ онъ какимъ-то зловѣще пророческимъ тономъ.—А кабалла, это—одна изъ тропинокъ исканій въ области таинственнаго. Вѣдь признаютъ же ученые гипнотизмъ и спиритизмъ?..

Здѣсь у насъ есть комната ясновидѣнія, въ которой происходятъ гипнотические и кабалистические сеансы. Собраніе, навѣрное, не скоро откроется, хотите я покажу вамъ ее?

— Видѣлъ я ее, когда вы еще на Арбатѣ обрѣтались,—беззаботно отказался Пронскій.—Ничто на меня не подѣйствовало. Я послѣ этого дьявольского похода лучше посижу и выкурю папиросу.

Онъ рѣшительно направился къ скамьямъ.

— А я бы побывалъ, — сказалъ Александръ Васильевичъ. На него, какъ на нервнаго человѣка, дѣйствовала эта мистически-таинственная обстановка, вся эта бутафорія, предназначенная вліять на воображеніе, а не на умъ.

— Пойдемте,—сказалъ проводникъ.

Проходомъ, между скамьями, они направились къ алтарю. Проходя мимо демона, Александръ Васильевичъ невольно вздрогнулъ и остановился. Онъ гдѣ-то видѣлъ это тонкое, тоже словно высѣченное изъ камня, но живое, полное холодной ироніи и равнодушной злобы лицо.

— Вы знаете его?—тихо спросилъ проводникъ, замѣтившій и понявшій это движение.—Это—Дикгофъ. Лицо вылѣплено съ него. Прежде онъ былъ убѣжденнымъ демонистомъ, но теперь атеистъ. Сегодня онъ будетъ здѣсь.

— Да, да! Я видѣлъ его... я знаю... — пробормоталъ Александръ Васильевичъ.

Яркое, большое воспоминаніе объ Анѣ обожгло его. Этотъ человѣкъ подчинилъ ее своей волѣ. Онъ ненавидѣлъ его, но вмѣсть съ тѣмъ не-

вольно чувствовалъ его нравственную силу, его превосходство надъ собою.

— Демонъ! — подумалъ онъ.

Они миновали алтарь и черезъ боковую дверь прошли въ небольшую комнату, тоже всю черную, съ потолкомъ въ видѣ свода. Здѣсь не было никого. Посреди комнаты стояла черный табуретъ. Повѣшенный въ куполѣ свода круглый желтый фонарь бросалъ странное освѣщеніе на черный холодъ стѣнъ, и, казалось, что по всей комнатѣ ходятъ смутныя волны сумрака, прозрачнаго, какъ легкій дымъ.

— Сегодня у насъ нѣтъ священника,—сказалъ проводникъ,—но если вы хотите испытать демоническую силу, садитесь на табуретъ и думайте о томъ, кого хотите увидѣть, смотря прямо передъ собою. Старайтесь настроить себя такъ, чтобы ваше желаніе было мучительно и непреклонно, чтобы оно овладѣло вами, чтобы вы жили однимъ этимъ чувствомъ,—и вы увидите чудеса. Я оставлю васъ.

Онъ зажегъ на маленькой чериенъкой полочекъ ладанъ въ черной курильницѣ и вышелъ, затворивъ за собою дверь.

Со страннымъ чувствомъ недовѣрія и волненія Александръ Васильевичъ сѣлъ на табуретъ и устремилъ взглядъ на курильницу. Легкій сизый дымокъ вился оттуда, наполнявъ воздухъ запахомъ ладана и какихъ-то одуряющихъ духовъ, отъ которыхъ слегка кружилась голова.

Въ комнатѣ была могильная тишина.

— Хочу видѣть Аню! — сказалъ самъ себѣ Александръ Васильевичъ. — Хочу видѣть Аню!

Легкій звонъ въ ушахъ. Сизыя волны стелятся по всей комнатѣ и точно качаютъ его. Кружится голова.

— Хочу видѣть Аню!

На этой мысли онъ напрягъ всю силу воли. Состояніе самогипноза, самовнушенія овладѣвало имъ все болѣе и болѣе, а сознаніе дѣйствительности какъ-будто уплывало куда-то вмѣстѣ съ качающимися сизыми волнами, становилось неощущительнымъ, туманнымъ. Онъ какъ будто бы раздвоился, смотрѣлъ на самого себя со стороны, видѣлъ свое лицо, фигуру, скатыя на колѣньяхъ руки.

— Хочу видѣть Аню!

Туманъ заслоняетъ зрѣніе. Желтый, свѣтлый туманъ. И въ немъ бѣлыми, блестящими звѣздами падаютъ искры. Слышанъ легкій и глухой стукъ, ритмически правильный и однообразный.

Начинаютъ мигать огоньки. Голубовато-блѣдные огоньки, словно слабыя электрическія искры. Туманъ разсѣивается, раскрывается, точно занавѣсь. Сѣрыя стѣны тюрьмы. Желѣзная койка. Фигура человѣка въ арестантскомъ халатѣ. Женщина. Бѣлый платокъ сбился съ головы, и золотистые волосы непослушными прядями сползли на лицо и плечи. Глаза смотрѣть впередъ безумно и неподвижно. И шевелятся губы, словно она говорить съ нимъ, хочетъ сказать ему про свои страданія...

Вотъ она схватила себя за голову и дрожать стѣрыданій... Протягивастъ къ нему руки...

— Аня!

Съ безумнымъ крикомъ бросился онъ къ ней, и все пропало, все скрылось, и тяжелый холодъ забытья покрылъ его сознаніе.

IX.

Расколъ.

Александръ Васильевичъ очнулся отъ гула голосъ, проникавшихъ въ комнату сквозь запертыя двери. Еще полный трепета отъ охватившаго его острого чувства горя, сознанія своего безсилія и желанія броситься къ ней на помощь, онъ сразу понялъ дѣйствительность. Этотъ гулъ голосъ звалъ его, ободрялъ, будилъ энергию.

Тамъ, въ этой шумѣвшей толпѣ, онъ, магъ, наконецъ, найти помошь. Эта стихія—толпа могла вынести его изъ безнадежности и отчаянія въ свѣтлый міръ радости и покоя.

Онъ всталъ и бросился въ дверямъ.

Странная картина представилась ему, когда онъ раскрылъ дверь и откинулъ драпировку: все помѣщеніе было запружене людьми. По стѣнамъ горѣли зеленые фонари, и лица собравшихся людей казались блѣдными, какъ лица мертвцевъ. И у этихъ мертвцевъ яркимъ возбужденіемъ горѣли глаза.

Толпа кипѣла и волновалась, мѣшая говорить оратору, стоявшему на каѳедрѣ.

Это было столкновеніе двухъ теченій, двухъ вихрей, которые образуютъ водоворотъ, образуютъ бурю...

Какой-то совершенно незнакомый человѣкъ схвачилъ Александра Васильевича за плечо.

— Слушайте, вскрикнулъ онъ,—анархисты хотятъ воспользоваться нами, какъ рабочей силой, чтобы потомъ торжествовать побѣду! Развѣ можетъ

при такихъ условіяхъ существовать свободный блокъ.

Онъ принималъ и Александра Васильевича за соціалиста-революціонера.

Слова Пронского о предоставленіи анархистамъ свободныхъ земель въ Сибири или Туркестанѣ невольно вспомнились Александру Васильевичу, и онъ съ ужасомъ подумалъ, что распался едва наложенный союзъ, который могъ освободить несчастныхъ заключенныхъ „Бастілі“.

Такъ называли новую тюрьму въ широкихъ кругахъ общества.

Не отвѣтивъ задержавшему его незнакомцу, онъ бросился въ самую толпу. Его душila злоба, негодованіе, печаль. Онъ хотѣлъ крикнуть, что не время враждовать, не время отстаивать партійные интересы, когда люди гибнутъ подъ землею въ каменныхъ мѣшкахъ. Что ихъ собраніе не партійное, а собраніе освободителей, у которыхъ нѣть счетовъ другъ съ другомъ.

Онъ хотѣлъ крикнуть имъ: „Опомнитесь!“, и не могъ. Спазма сдавила горло, и онъ смотрѣлъ на толпу, на всѣхъ этихъ возбужденныхъ людей, какъ на враговъ, какъ на ослѣпленныхъ, чуждыхъ въ эту минуту вопросовъ человѣчности.

Его горе, его счастіе тонуло какъ песчинка въ этомъ всезахватывающемъ, вседовлѣющемъ возбужденіи толпы. Онъ чувствовалъ въ эту минуту страшную, самодержавную власть толпы надъ отдельной человѣческой личностью, надъ самимъ собою.

Каменное изваяніе демона безстрастно, съ холодной усмѣшкой смотрѣло на бушевавшее чело-

вѣческое море, точно издѣваясь надъ этими людьми, бродившими въ потемкахъ вокругъ истины,— такъ казалось Александру Васильевичу; онъ бросилъ на него живой, полный ненависти, человѣческій взглядъ, и этотъ взглядъ встрѣтился со взглядомъ другого человѣка, стоявшаго возлѣ алтаря.

Александръ Васильевичъ сразу узналъ эту высокую и худую фигуру, со скрещенными на груди руками и съ безстрастнымъ холоднымъ лицомъ. Это былъ двойникъ демона; это былъ Дикгофъ.

Александръ Васильевичъ рванулся къ нему, расталкивая толпу, въ которой на него смотрѣли, какъ на безумнаго. Онъ не видѣлъ теперь никого, кроме этого главнаго, по его мнѣнію, виновника страданій Ани и своихъ собственныхъ.

Его остановилъ Пронскій. Онъ былъ взволнованъ и не обратилъ вниманія на состояніе товарища.

— Анархисты требуютъ подчиненія себѣ!— вскричалъ онъ.— Они не могутъ понять, что мы все должны подчиниться волѣ народа, которая выразится въ Учредительномъ собраніи! Ихъ свобода явится деспотизмомъ для насъ!

— Онъ... Самъ онъ!—вмѣсто отвѣта вскрикнулъ Александръ Васильевичъ, вырываясь отъ товарища.

— Кто онъ?—изумленно воскликнулъ Пронскій.

— Дикгофъ! Ихъ глава. Я потребую отъ него освобожденія!

— Браво, браво!—закричали стоявшіе вокругъ.

— Это были революціонеры, принявшиѣ Александра Васильевича за члена своей партіи и рукооплескавшиѣ его возбужденію.

И только Пронскій понялъ настоящую причину этого возбужденія, понялъ, что за партійными интересами забылъ главную роль, для которой они пришли сюда, и ему стало неловко передъ товарищемъ. Онъ бросился за нимъ, чтобы поддержать его въ рѣшительную минуту.

Но около Дикгофа сплошной стѣной стояли анархисты. Ни Александръ Васильевичъ, ни Пронскій не могли пробиться сквозь эту живую стѣну.

Дикгофъ говорилъ. Его рѣзкій металлический голосъ покрывалъ здѣсь стоявшій въ храмѣ гуль голосовъ, и его слова могла слышать почти половина собравшихся.

Ораторъ-революціонеръ давно ужъ кончилъ свою рѣчъ и, махнувъ рукою, спустился съ каѳедры. Теперь говорилъ Дикгофъ.

Его рѣчъ была сплошной дифирамбъ анархіи. Онъ говорилъ убѣжденно, говорилъ красиво, и эта холодная красота еще болѣе оттѣнялась его металлическимъ и ровнымъ голосомъ.

— Революціонеры требуютъ отъ насъ вооруженнаго возстанія немедленно, рѣшительной схватки съ противникомъ. И Учредительного собранія послѣ побѣды. Насъ меньше, чѣмъ революціонеровъ. А если они вступятъ въ блокъ съ соціаль-демократами, ихъ будетъ преобладающее количество. Учредительное собраніе изречетъ намъ смертный приговоръ, и съ нами будетъ поступлено, какъ съ коммунарами въ Парижѣ. Нѣть, наша тактика правильнѣе! Блокада „Анархіи“,—что это, какъ не вооруженное возстаніе?—Но вооруженное возстаніе, поставленное въ такія условія, при которыхъ у насъ больше шансовъ на побѣду. Пройдетъ

еще полгода — и побѣжденное правительство подпишет свой смертный приговоръ. Мы возгласимъ на весь міръ начала будущей свободной жизни, ибо анархія — идеаль свободы. Мы принудимъ перешагнуть черезъ цѣпи старыхъ предразсудковъ тѣхъ, которые жмурятся отъ ослѣшившаго ихъ свѣта, ибо сдѣлаемъ это во имя дѣйствительно свободнаго человѣка! Мы считаемъ себя обладателями истины, величайшей истины, которой достигло человѣчество; мы горды этимъ сознаніемъ, и уже потому не можемъ втѣснить себя въ рамки условности, которая предлагаютъ намъ революціонеры. Ибо демократизмъ есть ничто безъ полной свободы человѣческой личности — свободы безъ границъ! И если революціонеры отталкиваютъ протянутую нами руку, то въ этомъ виноваты они одни!

Громъ рукоплесканій анархистовъ покрылъ эту рѣчъ. Революціонеры молчали, но тотчасъ же одинъ изъ ихъ среды попросилъ слова.

— Все уже пересказано, — закричало нѣсколько голосовъ. — Къ чему бесполезныя пренія?

— Свободные анархисты лишаютъ нась свободы слова! — отвѣтили насмѣшливые голоса.

— Мы никогда не согласимся на ваши условія!

— Въ такомъ случаѣ намъ здѣсь нечего дѣлать. Мы уходимъ!

И революціонеры потянулись изъ храма.

— Вопросъ исчерпанъ... Блокъ не состоялся! — сказалъ кто-то рядомъ съ Александромъ Васильевичемъ.

— Нѣть, не оконченъ! — воскликнулъ Александръ Васильевичъ, рванувшись впередъ.

Тѣснившіеся передъ Дикгофомъ люди разстутились передъ нимъ отъ этого вскрика, и Александръ Васильевичъ очутился лицомъ къ лицу съ „повелителемъ“ анархистовъ, командиромъ воздушнаго корабля.

Дикгофъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на этого блѣднаго, возбужденнаго человѣка, неожиданнаго противника, лицо котораго показалось ему знакомымъ.

— Вопросъ не исчерпанъ, — въ лицо ему воскликнулъ еще разъ Александръ Васильевичъ. — Онъ не можетъ быть исчерпанъ, когда подъ землею томятся сотни осужденныхъ, которые завтра будутъ мертвы.

Онъ дрожалъ отъ волненія. Голосъ у него прерывался.

— Чего же вы хотите? — спокойно спросилъ Дикгофъ.

— Я не хочу! Я требую! — возразилъ Александръ Васильевичъ. — Я требую, чтобы вы освободили тѣхъ невинныхъ, которые, благодаря вамъ, томятся въ каменныхъ мѣшкахъ; освобожденія тѣхъ, которые попали въ ваши сѣти!

Онъ бросилъ ему въ лицо это слово „сѣти“, какъ оскорблѣніе, какъ вызовъ, не думая о послѣдствіяхъ, которыя могло это имѣть,

— Ого! — сказалъ кто-то рядомъ съ нимъ.

Въ этомъ возгласѣ было и удивленіе и угроза. Вокругъ глухо запу碌ли.

— Александръ Васильевичъ! — окликнулъ его встревоженный Проинскій, но его голосъ пропалъ даромъ.

— Кто вы такой? — холодно спросилъ Дик-

гофъ.—Вы, конечно, революционеръ? Я васъ видѣлъ гдѣ-то...

— Я не анархистъ и не революционеръ. Я просто свободный человѣкъ. Былъ у васъ въ коммунѣ по порученію жены. Теперь она въ тюрьмѣ. Изъ-за васъ... Изъ-за вашего дѣла, въ которое я не вѣрю. Вы поступили съ ней, какъ полково-водецъ съ пушечнымъ мясомъ. Вы послали ее и бросили, потомъ забыли о ней. На страданія, на смерть. И когда возможна была попытка къ освобожденію, вы бросили ее изъ-за политическихъ споровъ. Какъ человѣкъ, какъ мужъ, я требую отъ васъ,—слышите ли, требую, ея освобожденія! И если вы откажете мнѣ, я назову васъ убийцами, я буду мстить вамъ, какъ можетъ только мстить изстрадавшійся человѣкъ! Пусть я погибну, но вы не сломите мою душу.

— Гражданинъ, такъ нельзя говорить!—крикнулъ кто-то въ упоръ Александру Васильевичу.

Но Дикгофъ остановилъ неожиданного оппонента.

— Товарищи, онъ правъ!—сказалъ онъ ровнымъ и попрежнему спокойнымъ тономъ.—На насъ однихъ лежитъ обязанность освободить заключенныхъ. И мы это сдѣляемъ.

X.

Подкопъ.

Отдѣлившись отъ анархистовъ, соціаль-революционеры не оставили однако мысли объ освобожденіи арестованныхъ въ подземной тюрьмѣ и о вооруженномъ восстаніи. Но теперь они разсчитывали исключительно на свои силы и на блокъ съ

соціаль-демократами. На другой день по всей Москвѣ происходили немноголюдные митинги, а полицейскіе беспроволочные телефоны то и дѣло принимали обрывки разговоровъ, которые велись по всѣмъ направленіямъ.

Администрація была начеку. Боялись только одного: что военные команды, безпрекословно употреблявшія въ дѣло оружіе противъ анархистовъ, откажутся поднять его противъ соціаль-демократовъ и всемирного рабочаго союза. Тѣмъ болѣе, что въ арміи было много членовъ этого союза.

Въ высшей степени тревожное положеніе усугублялось тѣмъ, что „Анархія“ попрежнему плавала надъ Москвою, какъ ястребъ, высматривающій добычу.

Готовилась борьба на жизнь и смерть; борьба между тремя противниками.

Пронскій тщетно справлялся объ Александрѣ Васильевичѣ; онъ исчезъ послѣ памятнаго собранія въ храмѣ демонистовъ.

Пронскому такъ и не удалось узнать, что предприметъ Дикгофъ, не удалось и поговорить съ товарищемъ. Онъ вернулся изъ подземнаго храма одинъ. Цвѣтковъ остался съ анархистами.

Пронскій зналъ только, что анархисты сами по себѣ предпринимаютъ освобожденіе заключенныхъ и, вѣроятно, съ помощью своего воздушнаго корабля. Но онъ сомнѣвался въ томъ, что это можетъ быть выполнено скоро. Онъ думалъ, что „Бастілю“ раньше анархистовъ возьмутъ силы соединенного блока.

Ему представлялась картина вооруженного восстанія, какъ бурный порывъ, сметающей прочь

всю накипь, всю „пыль временъ“, какъ гроза, освѣжающая воздухъ, послѣ которой наступаетъ тихое и ясное утро.

Онъ ждалъ сигнала.

А въ это время таинственно, извѣстная только очень немногимъ, начиналась грандіозная подземная работа: анархисты подъ руководствомъ Дикгофа начинали подкопъ подъ страшную подземную тюрьму.

Вмѣсто открытаго штурма, на который надѣялись революціонеры, разсчитывавшіе увлечь за собою толпу и часть войска, анархисты избрали медленный, но болѣе вѣрный способъ — войны подземной.

На совѣщаніи, на которомъ въ качествѣ волонтера присутствовалъ и Александръ Васильевичъ, было решено начать подкопъ.

— „Анархія“ не можетъ дѣйствовать торпедами противъ тюрьмы, — сказалъ на этомъ совѣщаніи Дикгофъ, — такъ какъ при такомъ способѣ могутъ пострадать и заключенные. Кромѣ того сама „Анархія“ можетъ быть разбита мортирами. Мы должны избрать способъ болѣе вѣрный и менѣе истребительный. Этотъ способъ — подкопъ. Чтобы не возбудить подозрѣній, мы начнемъ этотъ подкопъ съ разстоянія около версты и тоннелемъ пройдемъ подъ тюрьму...

— Но сколько же времени займетъ эта грандіозная работа! — воскликнулъ Александръ Васильевичъ.

— Менѣе, чѣмъ вы думаете. Не болѣе двухъ недѣль!

— Тоннель въ версту — въ двѣ недѣли!

Александръ Васильевичъ былъ пораженъ. Недоумѣвали и собравшіеся. Одинъ Дикгофъ спокойно наблюдалъ за общимъ изумленіемъ.

— Мы возьмемъ съ „Анархіи“ запасную электро-радіальную машину, — сказалъ онъ, — которая развиваетъ 40,000 лошадиныхъ силъ. Въ осталъномъ положитесь на меня. Подкопъ начнется со двора пустующей фабрики на берегу Москвы-рѣки, которая принадлежитъ одному изъ членовъ нашей организаціи. Большую часть вынутой земли унесетъ рѣка, осталъная будетъ перенесена въ зданія фабрики и разбросана по двору. Конечно, мы позаботимся, чтобы ни одно живое существо, кромѣ насъ, не проникло на фабрику.

Темною ночью, когда Москва была погружена во мракъ, надъ огромнымъ дворомъ полуразрушенныхъ зданій фабрики появилась „Анархія“. Огни на ней были потушены, и висящій въ воздухѣ ея огромный черный корпусъ теперь особенно напоминалъ живое чудовище.

На дворѣ бѣгали и сутились люди. Здѣсь былъ и Александръ Васильевичъ. Два дня онъ уже жилъ здѣсь въ маленькой грязной комнаткѣ одного изъ наиболѣе сохранившихся зданій и въ лихорадочномъ нетерпѣніи наблюдалъ за приготовленіями къ грандіозной работѣ.

Въ первый разъ онъ видѣлъ такъ близко отъ себя это страшное изобрѣтеніе человѣческаго гения, которое держало въ осадѣ всю Европейскую Россію.

Прижавшись къ стѣнѣ, онъ смотрѣлъ, какъ черная тѣнь, словно туча, закрыла надъ нимъ небо, порывъ вѣтра отъ взмаха крыльевъ чуть не

сбить его съ ногъ и поднялъ на воздухъ цѣлую кучу песка и снѣга.

— Берегись! — крикнулъ кто - то, и черная масса съ глухимъ стукомъ опустилась на землю.

„Анархія“ стояла на землѣ.

Около нея сейчасъ же забѣгали и засуетились темные фигуры людей, съ металлическимъ лязгомъ открылось отверстіе люка, и оттуда блеснуль свѣтъ.

— Принимай машину! — сказалъ голосъ, въ которомъ Александръ Васильевичъ узналъ Дикгофа.

Оторвавшись отъ стѣны, онъ бросился на этотъ голосъ.

Корпусъ стоявшей на землѣ „Анархіи“ напоминалъ туловище кита, выброшенного на берегъ, превосходя его своими размѣрами, полусложенный крылья висѣли надъ землею, какъ огромные наѣвы. Въ полосѣ свѣта, вырывавшагося изъ люка, копошились люди, и тянулись веревки съ наскою устроеннаго сегодня вечеромъ небольшаго подъемнаго крана. Надъ освѣщеннымъ люкомъ на палубѣ „Анархіи“ стоялъ Дикгофъ, отдававшій приказанія.

— Здравствуйте! — крикнулъ ему Александръ Васильевичъ.

Его отношенія къ главѣ анархистовъ теперь рѣзко перемѣнились. Онъ видѣлъ въ немъ освободителя. Человѣка, сдѣлавшаго рѣшительный шагъ для спасенія Ани.

И, относясь попрежнему отрицательно къ цѣлямъ и дѣятельности анархистовъ, онъ видѣлъ

теперь въ Дикгофѣ человѣка, способнаго откликнуться на человѣческое несчастіе.

Представленіе о немъ, какъ о какомъ-то демонѣ, слаживалось и расплывалось.

— А, это вы! — отвѣтилъ Дикгофъ. — Сегодня вы будете удовлетворены:透过儿ъ нѣсколько часовъ мы начнемъ работу.

— Съ этими людьми? — невольно спросилъ Александръ Васильевичъ, оглянувшись на небольшую группу людей, возившихся съ подъемнымъ краномъ.

Грандиозность работы заставляла его думать и о большомъ количествѣ рабочихъ силъ.

— Да, съ этими. Все сдѣлаетъ машина. Анархирій и радій въ соединеніи съ электричествомъ пробьють намъ дорогу въ нѣсколько разъ скорѣе, чѣмъ сдѣлаютъ это сотни рабочихъ. Сегодня мы пустимъ въ дѣйствіе буравъ. Посторонитесь! — крикнулъ онъ, такъ какъ въ этотъ моментъ изъ люка на канатахъ показалась необыкновенная машина, тускло блестѣвшая отъ свѣта стальными частами. Это было нѣчто среднее между динамомашиной и газовымъ двигателемъ, но какой-то еще невиданной Александромъ Васильевичемъ конструкцией. Она не отличалась особыми размѣрами, и трудно было повѣрить, что она можетъ развить такую страшную силу, о которой говорилъ Дикгофъ.

Машина поднялась на канатахъ въ воздухъ и медленно опустилась на приготовленную низкую платформу, которую собравшіе съ веселыми возгласами покатили къ главному зданію фабрики, откуда долженъ былъ начаться подкопъ.

Съ палубы „Анархії“ спустили трапъ, и Дикгофъ сопшель по нему на землю вмѣстѣ съ тремя незнакомыми Александрю Васильевичу людьми.

Они поздоровались.

— Дай Богъ, чтобы ваше геніальное изобрѣтеніе служило скорѣе для мира и прогресса, — сказалъ ему Александръ Васильевичъ.

— Оно и служить для этого, — отвѣтилъ тотъ.— Минуетъ время борьбы, и вы увидите, что дадутъ людямъ летательныя машины! Эта штучка, — онъ любовно, какъ живое существо, похлопалъ рукою по стальной обшивкѣ „Анархії“, — произведеть переворотъ въ человѣческой жизни. Самые великие революціонеры — это техники и изобрѣтатели. Въ кораблѣ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ, и, между тѣмъ, достаточно нажать пальцемъ кнопку электрическаго провода, чтобы вся эта грандіозная тяжесть взлетѣла кверху, какъ перышко. Тогда начинаютъ работать крылья. Скорость, которая можетъ быть развита при полетѣ, — 300 верстъ въ часъ. Я строилъ ее шесть лѣтъ, въ Сибири, въ глухомъ уголкѣ, куда тщательно охранялся доступъ всѣмъ непосвященнымъ. Работали вмѣстѣ со мною пятьдесятъ человѣкъ, которые составили экипажъ „Анархії“. И когда мы побѣдили, наконецъ, воздухъ, мы уничтожили всѣ принадлежности работы, всѣ чертежи и взорвали заводъ. Нога непосвященнаго еще не была на „Анархії“, вотъ почему я и не зову васъ на корабль. Это тайна, которую я подарю людямъ, когда на землѣ будетъ обеспечена совершенная свобода.

Александръ Васильевичъ молча пожалъ ему руку.

Имъ все болѣе и болѣе овладѣвало удивленіе передъ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ ясно понималъ теперь, что впечатлительная Аня должна была всецѣло подчиниться его вліянію.

Это сображеніе заставило даже шевельнуться въ немъ маленькому чувству ревности, но онъ поспѣшно отогналъ это чувство, показавшееся ему смѣшнымъ и нелѣпымъ.

Нужно было думать только о ея спасеніи.

И невольно имъ овладѣлъ страхъ, что этому спасенію могутъ помѣшать въ тѣ днѣ недѣли, когда они будутъ бороться съ землей, вырывая въ ея нѣдрахъ путь къ свободѣ для сотни обреченныхъ на смерть.

— Слушайте, — воскликнулъ онъ, — вѣдь за „Анархіей“ слѣдять! Вѣроятно видѣли, что она опустилась сюда. Награнуть войска, полиція — и все будетъ потерянно.

— Вы начинаете трусить, — усмѣхнулся Дикгофъ.— Кругомъ фабрики вся мѣстность нами минирована, и чтобы взять ее, нужно погубить нѣсколько тысячъ человѣкъ. Мы неуязвимы въ этой крѣпости. Повѣрьте, что полиція это знаетъ, и не сунется сюда. Кромѣ того они убѣждены, что съ такого дальн资料 разстоянія мы не начнемъ подкопа. Да они и потеряли насъ... Посмотрите, вонъ насы разыскиваютъ изъ Кремля!

Дѣйствительно, къ небу тянулся молочно-блѣдный лучъ прожектора и напупывалъ темныя, медленно ползущія по небу облака, какъ гигантскія щупальцы.

— Они насы проморгали! — усмѣхнулся опять Дикгофъ.— Они безпомощны въ борьбѣ съ нами

Повѣрте, что только благодаря этой беспомощности я еще щажу ихъ жизни. Дѣйствуя энергично, я могъ бы въ недѣлю превратить въ развалины и Москву и Петербургъ... Но это будетъ,— добавилъ онъ съ мрачной рѣшимостью.

Они пошли на фабрику.

Въ громадномъ корпусѣ, гдѣ не было ни пола, ни потолка, и надъ стѣнами которого висѣла одна проржавѣвшая крыша, устанавливали уже взятую съ „Анархіи“ машину. Здѣсь распоряжался и командовалъ небольшого роста человѣкъ въ шведской кожаной курткѣ, съ загрубѣлымъ лицомъ простого рабочаго.

Работа кипѣла; на землѣ валялись огромные круги приводныхъ ремней, бѣлѣли штабели изготовленныхъ досокъ, блестѣла сталь огромнаго бурава.

Человѣкъ въ кожаной курткѣ подалъ Дикгофу чертежъ. Это былъ планъ подкопа.

Александръ Васильевичъ съ любопытствомъ взглянулъ на эту интересную бумагу.

— Мы спустимся на десять сажень подъ землю,— сказалъ Дикгофъ,— и со дна этого колодца пойдемъ въ кратчайшемъ направлении къ тюрьмѣ. Необходимо миновать канализационныя трубы и мины, если онѣ заложены передъ тюрьмой.

Александръ Васильевичъ съ энергией самъ принялъся помогать работавшимъ, подчиняясь командѣ человѣка въ кожаной курткѣ. Онъ таскалъ ремни, пилилъ толстые брусья, предназначавшіеся для установки бурава, брался за лопату и кирку.

Поть лиль съ него градомъ, но эта грубая

физическая работа увлекла его. Въ ней выражалось его стремленіе къ Анѣ для ея спасенія.

И когда, подъ утро, загудѣла машина, и огромный буравъ моментально впился въ землю, отвоевывая отъ нея право на свободу и жизнь, Александръ Васильевичъ съ отраднымъ облегченіемъ подумалъ, что теперь онъ уже несомнѣнно идетъ къ Анѣ, и ничто не сломить энергичной работы.

XI.

Подъ землею.

Человѣкъ въ кожаной курткѣ оказался славнымъ малымъ. По профессіи онъ былъ техникъ, но самоучкой изучилъ инженерное дѣло и теперь, подъ руководствомъ всезнающаго Дикгофа, вель подкопъ. Прежде онъ былъ соціаль-демократъ, но, отчаявшись добиться чего-нибудь существенного при современной тактикѣ правительства, бросилъ партію и сталъ отъявленнымъ анархистомъ. Его звали Семеномъ Ивановичемъ.

Александръ Васильевичъ былъ въ восхищеніи отъ его энергіи. Шипѣль буравъ, безостановочно двигались вагонетки, увозя землю, и все дальше и дальше продвигалась впередъ подземная галлерей. Старыя доски, кирпичъ съ фабрики—все шло въ дѣло; воздушный насосъ, приводимый въ дѣйствие все той же могучей машиной, нагнеталъ въ галлерей необходимый воздухъ.

Главную работу исполняла машина. Людямъ оставалось только набрасывать землю на вагонетки. Разбившись на три смены, они вели работу и днемъ и ночью.

Александръ Васильевичъ работалъ вмѣстѣ съ ними, сдѣлавшись простымъ землекопомъ. Пере-пачканный землею, усталый физически, но бодрый духомъ, онъ черпалъ эту бодрость въ работѣ. Утомившись за день, онъ засыпалъ тутъ же, въ галлереѣ на войлокѣ, подъ шумъ работы и стукъ лопатъ и тачекъ. Черезъ нѣсколько дней онъ потерялъ представление о днѣ и ночи. Засыпая и просыпаясь, онъ видѣлъ однѣ только коричневыя глиняныя стѣны, освѣщенные ровнымъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ и вѣчно бодрствующаго Семена Ивановича.

Александръ Васильевичъ не могъ понять, когда тотъ спитъ.

— Работать, такъ работать!—весело отвѣчалъ на его вопросы Семенъ Ивановичъ. Работа—наказаніе, когда идетъ подъ принудительнымъ ярмомъ, и наслажденіе, когда она свободна. А тутъ и цѣль такая, что заставляетъ забывать усталость. Вотъ еще нѣсколько дней,—и мы очутимся подъ тюрьмой.

— Подъ тюрьмой!—радостно вторилъ ему Александръ Васильевичъ.

„Они“ ждутъ опасности сверху и ушли отъ нея подъ землю, а она явится для нихъ снизу. На войнѣ такъ именно и нужно поступать. Черезъ нѣсколько дней подъ тюрьмой, а оттуда воронкой кверху. Маленький взрывъ—и мы въ тюрьмѣ. Было бы очень недурно, если бы дружины соціаль-революціонеровъ бросились въ этотъ моментъ на штурмъ „Бастії“.

— А если мы не успѣемъ вывести заключенныхъ по нашей галлереѣ?—спросилъ Александръ Васильевичъ.

Эта внезапная мысль ошеломила его. Неужели могла оказаться безплодной эта, поистинѣ, Сизифова работа?

— Это уже Дикгофъ придумаетъ,—убѣжденno отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ.—Наше дѣло—привести подкопъ, а остальное пусть онъ. Если Дикгофъ взялся за дѣло, онъ доведетъ его до конца, будьте покойны!

Обаяніе этого замѣчательного человѣка захватывало и Александра Васильевича, но онъ попрежнему твердо отстаивалъ передъ этимъ обаяніемъ свои убѣжденія: „Все-таки я никогда не сдѣлаюсь анархистомъ“,—думалъ онъ.

Дикгофъ регулярно появлялся въ подземной галлереѣ. Онъ приходилъ сосредоточенный и молчаливый, всецѣло занятый работой, провѣрялъ направлѣніе, планъ и отмѣчалъ въ записной книжкѣ пространство, отнятое у земли.

— Сегодня мы прошли ровно версту,—сказалъ онъ однажды Александру Васильевичу.—Скоро придется убрать вагонетки, машину и дѣйствовать однѣми лопatkами. Мы вблизи „Бастії“.

— Уже!—воскликнулъ Александръ Васильевичъ.

— Два корпуса фабрики сплошь набиты землей, а сколько ея спустили въ рѣку! Хорошо, что наступило половодье. Весна въ полномъ разгарѣ.

— А казней... не было?

Онъ не могъ спросить прямо, жива ли Аня. Онъ боялся самаго слова „смерть“, соединенного съ ея именемъ, но Дикгофъ, отлично его понялъ.

— Она жива. У насъ есть свѣдѣнія. Но крови льется достаточно. Уже было нѣсколько стычекъ

войскъ и полиціи съ боевыми дружинами соціаль-революционеровъ. Часть города около Тверской обращена въ груду развалинъ. Вчера горѣло Замоскворѣчье, и некому было тушить пожара. Въ Петербургѣ то же самое. Сегодня я наблюдалъ сраженіе на Невскомъ проспектѣ и у Николаевскаго вокзала. Да, вотъ еще новость: Берлинъ взять соціаль-демократами. Германской имперіи, кажется, пришелъ конецъ.

Эти новости ошеломили Александра Васильевича.

— Значитъ, всеобщій переворотъ? — спросилъ онъ.

— Да. Правительство пытается сохранить положеніе путемъ уступокъ соціаль-демократамъ, но это — послѣдняя агонія. Переворотомъ воспользуемся мы!

Онъ гордо и самонадѣянно бросилъ эту фразу, съ увѣренностью полководца, уже предчувствуя-щаго побѣду.

И въ этомъ маленькомъ подземномъ міркѣ, гдѣ люди были заняты одной работой, гдѣ было такъ дружно и такъ мирно, Александру Васильевичу особенно странны были эти вѣсти съ мятущейся земной поверхности.

Работа кипѣла, подкопъ уже приближался къ концу, какъ вдругъ случилось неожиданное препятствіе: сломался буравъ, наткнувшись на каменную стѣну.

Тотчасъ же лопатами очистили мѣсто поломки и очутились передъ стѣной, сложенной изъ крупнаго плитняка, крѣпкаго, какъ желѣзо, и пролежавшаго въ землѣ нѣсколько столѣтій.

— Откуда на такой глубинѣ могла оказаться стѣна? — недоумѣвалъ Семенъ Ивановичъ. — Вѣдь это настоящая постройка. И камни срослись между собою такъ, что ихъ не сдвинешь. Вотъ такъ штука! Придется обходить это препятствіе. Экая досада, что сломался буравъ!

Но шурфы въ обѣ стороны дали плачевые результаты. Стѣна далеко тянулась и вправо и влѣво, а сломанный буравъ не давалъ возможности вести работу съ прежней быстротой.

Работа остановилась. Даже энергичный Семенъ Ивановичъ былъ смущенъ, что же касается до Александра Васильевича, то онъ былъ близокъ къ отчаянію.

Неожиданная остановка на порогѣ рѣшительного результата, послѣ столькихъ дней кипучей работы, надежды и волненій, — это сразу сломило его энергию.

Онъ рѣшилъ, что умреть здѣсь, вблизи отъ нея, но уже не вернется назадъ. Останется въ этой готовой грандіозной могилѣ.

Но общее смущеніе разсѣяло Дикгофъ.

Подшутивъ надъ обезкураженнымъ Семеномъ Ивановичемъ, онъ приказалъ немедленно оттачивать буравъ и осмотрѣть стѣну.

— Эти камни сложены въ четырнадцатомъ или пятнадцатомъ столѣтіи, — сказалъ онъ. — Я не понимаю одного, какъ они могли такъ глубоко уйти въ землю? Вѣроятнѣе всего, что въ самомъ началѣ это была подземная постройка.

— Придется взорвать стѣну, — рѣшилъ онъ, послѣ детального осмотра. — Правда, мы дадимъ сигналъ нашему противнику, но мы такъ близко

оть тюрьмы, что ворвемся въ нее прежде, чѣмъ „они“ успѣютъ что-нибудь предпринять. За работу, товарищи!

Ручными буравами съ великимъ трудомъ удалось просверлить въ стѣнѣ отверстіе въ футъ глубиною, и туда былъ положенъ самый маленький зарядъ анахирія. Провели электрическій запалъ, сдѣлали заклепку и очистили отъ работавшихъ людей и вагонетокъ большую часть галлерей.

Дикгофъ нажалъ электрическую кнопку.

Раздался глухой подземный ударъ, на нѣсколько секундъ погасло электричество, и съ шорохомъ со стѣнъ и потолка посыпалась земля.

Но вотъ электрическія лампочки снова зажглись, и люди гурьбой бросились къ мѣсту взрыва.

Въ непроницаемой стѣнѣ зіяло отверстіе, въ которое свободно могли пройти три человѣка.

Передъ вошедшими въ это отверстіе открылся казематъ, полузасыпанный землею. Электрическіе фонари разогнали вѣковую темноту этой могилы.

Внѣ всякаго сомнѣнія это была тюрьма. Подземная тюрьма временъ Ивана Грознаго. Ржавые обрывки цѣпей висѣли со стѣнъ и обрывались отъ легкаго толчка руки. Тутъ же валялись человѣческія кости, черепа, молчаливо смотрѣвшіе на живыхъ людей черными впадинами глазъ, и одинъ довольно сохранившійся скелетъ.

Съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣлъ Александръ Васильевичъ на эту мрачную картину смерти.

Всѣ стояли молча.

— Товарищи! — сказалъ Дикгофъ. — Мы первые свободные люди, которые нарушили мертвый покой

этой могилы, вырытой тиранами для живыхъ когда-то людей. Стремясь освободить нашихъ товарищѣвъ въ Бастилии, мы случайно наткнулись на ужасный застѣнокъ пятнадцатаго вѣка, который вновь возродился въ срединѣ двадцатаго. Но какъ мы проникли сюда, такъ мы проникнемъ и туда! Это счастливое предзнаменованіе! Обнажимъ же головы передъ этими черепами, потому что только путемъ долгихъ наслій могло созрѣть въ человѣчествѣ стремленіе къ освобожденію отъ нихъ, стремленіе къ свободѣ! Да здравствуетъ же свобода!

Десятки голосовъ подхватили этотъ крикъ, а на черепа и головы живыхъ людей тихо сыпалась земля, потрясенная недавнимъ взрывомъ.

Дикгофъ взялъ въ руки одинъ изъ череповъ, но онъ разсыпался въ его рукахъ.

— Когда-нибудь человѣкъ найдетъ побѣду и надъ смертью, — промолвилъ онъ, отряхнувъ отъ праха свои руки.

Въ этой же могилѣ состоялся совѣтъ, на которомъ рассматривали планъ. Оказалось, что они находятся подъ самой Бастилией.

Новая подземная тюрьма, игрой судьбы, оказалась надъ застѣнкомъ Грознаго.

Рѣшено было съ помощью аппарата съ икс-лучами и новымъ приборомъ къ нему произвести фотографическій снимокъ, чтобы опредѣлить центръ тюрьмы и вести подкопъ къ этому центру, вырывая въ землѣ ступени.

Работа снова закипѣла съ лихорадочною быстротою. Теперь была дорога каждая минута.

XII.

Взятіе „Бастілії“.

„Воронка“ быстро приближалась къ концу. Выходъ ея вель къ центру тюрьмы именно въ коридоръ, определенный съ помощью аппарата съ иксъ-лучами.

Вскрѣпъ нѣсколько аппаратовъ безпроволочного телефона, взятые съ собою, начали передавать неясные звуки, отраженные ими съ поверхности земли. Это былъ какой-то сплошной гулъ, прерываемый гулкими ударами.

— А вѣдь это стрѣляютъ! — воскликнулъ Семенъ Ивановичъ. — Послушайте-ка!

И онъ приложилъ аппаратъ къ уху Александра Васильевича.

— Дѣйствительно, кажется стрѣляютъ, — поблѣднѣлъ тотъ. — Неужели мы опоздали?

— Значитъ, революціонеры пошли въ атаку на тюрьму, — рѣшилъ Семенъ Ивановичъ. — Ну, имъ придется плохо... Ихъ перестрѣляютъ, какъ куропатокъ. Не бойтесь опоздать, Дикгофъ дастъ намъ сигналъ, а ужъ этотъ человѣкъ не опоздаетъ, — добавилъ онъ убѣжденно.

Дѣйствительно, имъ оставалось только ждать. И десятокъ человѣкъ въ почти готовой воронкѣ были обречены на томительное бездѣйствіе.

— Только взорвать верхъ воронки — и мы въ тюрьмѣ! — вслухъ мечталъ Александръ Васильевичъ. — Можно туда пробиться даже съ заступами... Ждать теперь, когда мы у конца, это — мучительно, это невыносимо!

— Ворваться туда и погибнуть безъ пользы? — съ легкой ироніей возразилъ ему Семенъ Ивановичъ. — Повѣрьте, что половина успѣха зависитъ отъ разсчитанности дѣйствій и организаціи. Если бы у насъ не было организаціи, нашу партію давно бы передушили, какъ перепеловъ въ сѣткѣ. А теперь мы вскорѣ будемъ господами положенія!

Въ томительномъ бездѣйствіи прошло нѣсколько часовъ.

Александръ Васильевичъ почти не выпускалъ изъ рукъ телефоннаго аппарата, и чуткое ухо, въ связи съ нервно настроеннымъ и возбужденнымъ ожиданіемъ воображеніемъ, ловило въ немъ создаваемые этимъ воображеніемъ звуки.

Ему чудился голосъ Ани, ея призывный, молящий о спасеніи крикъ, и тогда онъ вздрогивалъ какъ раненый, и готовъ былъ броситься одинъ разбивать ломомъ эту темную глину, эту молчаливый пластъ земли, послѣднюю грань между ними.

И вдругъ въ аппаратѣ раздался человѣческій голосъ, ясный и отчетливый, заставившій Александра Васильевича вздрогнуть отъ неожиданности.

— Въ Москвѣ восстаніе! — сказалъ голосъ, слишкомъ хорошо знакомый теперь Александру Васильевичу — голосъ Дикгофа. — Слѣжу за боемъ съ „Анархії“. Революціонеры засѣли въ зданіяхъ вокругъ тюрьмы и ведутъ перестрѣлку съ войсками и стражей. Приступа нужно ждать не раньше ночи. Будьте готовы!

Семенъ Ивановичъ по лицу Александра Васильевича догадался, что говорить Дикгофъ.

— Онъ?

Александръ Васильевичъ кивнулъ головой и передалъ трубку Семену Ивановичу.

— Хорошо. Да, да... Будемъ ждать! Все готово,—заговорилъ тотъ, веселыми глазами поглядывая на Александра Васильевича.

Дѣйствительно, въ то время какъ засѣвшая подъ землею кучка людей готовилась къ рѣши-
тельнымъ дѣйствіямъ, въ Москвѣ уже лилась
рѣкою кровь, и въ различныхъ пунктахъ проис-
ходили настоящія сраженія.

Возстаніе вспыхнуло неожиданно даже для самихъ соціаль-революціонеровъ. Началось съ того, что кучка горячей молодежи овладѣла на Арбатской площади полицейскимъ блиндажемъ и засѣла въ немъ, отстрѣливаясь отъ бросившагося въ атаку на блиндажъ военного патруля.

На помощь патрулю бѣгомъ прибыла военная часть, но ее встрѣтила боевая дружина, и на Арбатской площади произошло первое кровопролитіе. Дружина была разбита, но вожди революціонеровъ, боясь, что теперь рухнетъ весь планъ, немедленно подняли кличъ къ вооруженному возстанію.

По всей Москвѣ появились мгновенно создавшіеся партизанскіе отряды революціонеровъ, принудившіе въ борьбѣ съ ними раздробиться войска, а главная боевая дружина окружила районъ тюрьмы и завязала перестрѣлку съ засѣвшей въ блиндажахъ и за валами карауломъ и стражей.

Уже нѣсколько дней продолжалась эта кровавая бойня, и надъ Москвою, не прекращаясь, даже ночью, висѣла гуль выстрѣловъ вмѣстѣ съ

дымомъ начавшихся пожарищъ. Свои шли на своихъ, убивая другъ-друга, разрушая имущество и самый городъ, сама атмосфера борьбы опьяняла ихъ, заставляла забывать все, кромѣ вспыхнувшихъ звѣриныхъ инстинктовъ. Кровь опьяняла людей.

Путь къ грядущей свободѣ готовился по развалинамъ, политымъ человѣческой кровью.

Точно дикая орда ворвалась въ Москву. На улицахъ, никѣмъ не приbraneные, валялись трупы. Рядомъ съ мужскими трупами павшихъ съ оружиемъ въ рукахъ, лежали тѣла женщинъ и дѣтей, совсѣмъ малютокъ, которыхъ ужасъ и голодъ выгнали изъ погребовъ и подваловъ.

И надъ обезумѣвшей Москвой величественно и спокойно царила въ воздухѣ неотразимая, какъ смерть, „Анархія“.

Она не принимала участія въ побоищѣ, не становясь на сторону революціонеровъ, какъ, впрочемъ, того ожидали и они сами, но другая борющааяся сторона видѣла въ „Анархіи“ врага, и эта очевидная опасность отвлекла въ сторону часть ея вниманія и силъ. „Анархія“ такимъ образомъ косвенно помогала революціонерамъ.

Первая атака революціонеровъ на крѣпостные валы, окружавшіе тюрьму, была отбита съ тяжелымъ для нихъ урономъ; колонна атакующаго попала на мину, и почти вся была взорвана на воздухѣ. Погибло болѣе ста человѣкъ. Трупы людей, оторванныя руки, ноги и головы разбросало на далекое разстояніе, на мѣстѣ взрыва образовалась глубокая воронка, черная отъ запек-

шейся крови, и три дома вблизи взрыва были разрушены до основания.

Наступила тяжелая, кровавая ночь, освещаемая, какъ зарницами, молниями выстрѣловъ. Въ воздухѣ висѣлъ тяжелый запахъ гари, газовъ, образовавшихся отъ взрывовъ и человѣческой крови.

Въ это время на „Анархії“, сливавшейся съ чернымъ небомъ, вдругъ вспыхнулъ электрический прожекторъ и огненнымъ глазомъ уставилъ на тюрьму.

Тревожные крики раздались за валами, и вдругъ новый страшный взрывъ потрясъ все окружающее и взметнулся на воздухъ гору земли и камней.

Съ криками революционеры бросились на новый приступъ — но ихъ уже не встрѣчали изъ-за валовъ губительнымъ огнемъ. Въ паническомъ ужасѣ гарнизонъ тюремной крѣпости бѣжалъ вмѣстѣ со стражей, бросая оружіе; революционеры взяли „Бастилію“.

Но вмѣсто страшной подземной тюрьмы ихъ встрѣтилъ только холмъ развороченной земли, перемѣшанной съ грудами камня, кирпича и желѣза.

Тюрьма была взорвана. Ворвавшаяся дружина оказалась обладательницей только бывшаго плацдарма. Блуждающій лучъ прожектора „Анархії“ пробѣжалъ нѣсколько разъ по беспорядочнымъ кучкамъ боевой дружины, недоумѣвающимъ людямъ, не достигшимъ главной цѣли, словно желая убѣдиться, какъ они торжествуютъ побѣду, и погасъ. „Анархія“ скрылась во мракѣ.

На развалинахъ тюрьмы побѣдители держали военный совѣтъ.

— Мы взяли „Бастилію“ — говорилъ одинъ изъ предводителей дружины, — но наша побѣда омрачена гибеллю всѣхъ заключенныхъ. Очевидно, тюремщики взорвали тюрьму вмѣстѣ съ заключенными, не видя возможности защищаться.

— Но участіе „Анархії“ здѣсь несомнѣнно, — перебилъ его другой. — Иначе я не понимаю, зачѣмъ она все время держалась надъ тюрьмой. И этотъ прожекторъ, вспыхнувшій всего на нѣсколько минутъ. Но неужели „Анархія“ могла взорвать тюрьму?

— Нѣть! нѣть! Этого не можетъ быть! — раздались протестующіе голоса.

— Вѣрнѣе всего, что тюрьму взорвала стража, опасалась дѣйствій „Анархії“.

— Анархисты не пожертвовали бы заключенными.

— А вспомните, что они говорили на общемъ митингѣ?

— „Анархія“ не сдѣлала даже попытки помочь намъ, когда у насъ взорвали на воздухъ цѣлую колонну!

— Измѣнники!

— Смерть анархистамъ! — крикнулъ кто-то возбужденнымъ голосомъ, но этотъ голосъ потонулъ въ общемъ гулѣ.

Толпа людей, опьяненная еще только что окончившимся штурмомъ, минувшей смертельной опасностью, кровью и смертью, поднявшая оружіе за

свободу, готова была теперь употребить то же оружие противъ другой группы людей, лозунгомъ которыхъ была тоже свобода.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще шла борьба съ отдѣльными кучками бывшаго гарнизона. Но ихъ большею частью легко обезоруживали и отпускали на всѣ четыре стороны. Не сдался только одинъ жандармскій офицеръ; бросивъ бѣшеное ругательство по адресу окружившихъ его революціонеровъ, онъ застрѣлился изъ собственнаго револьвера.

Онъ только человѣкъ молчаливо и одиноко стоялъ на развалинахъ бывшей тюрьмы. Это былъ Пронскій.

Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что всѣ заключенные погибли и смотрѣть на взрытый бугоръ, поднятый изъ земли, точно вулканическими силами, какъ на могилу сотенъ людей, среди которыхъ должна была быть и Аня.

Ему невольно вспомнился образъ блѣдной дѣвушки съ золотистыми волосами, и рядомъ съ нею измученное, первное лицо ея друга, о которомъ онъ не зналъ ровно ничего.

— Кончилась эта трагедія любви, — думалъ онъ, — кончилась тогда, когда началась трагедія міровая. Къ лучшему, или къ худшему для тѣхъ, кто умеръ, онъ самъ не могъ сказать; но онъ чувствовалъ, что вступилъ уже въ ту полосу, въ которой цѣна отдѣльной человѣческой жизни, даже его собственной, тонула какъ песчинка въ грандиозной борьбѣ и ужасѣ надвинувшихся событий.

XIII.

Освобожденная.

Бой у „Бастілі“ былъ въ полномъ разгарѣ, когда Семенъ Ивановичъ получилъ приказъ по телефону произвести взрывъ. Зарядъ, вполнѣ достаточный для того, чтобы произвести прорывъ въ тюрьму, былъ уже заложенъ, и участники нападенія съ электрическими пистолетами въ рукахъ собирались на защищенной отъ взрыва специальнно устроенной площадкѣ.

— Готово, — сказалъ Семенъ Ивановичъ, нажавъ кнопку.

Раздался пронзительный и короткій визгъ, мимо стоявшихъ на площадкѣ людей метнулись камни и сильная струя воздуха сбила нѣкоторыхъ съ ногъ. Но упавшіе тотчасъ же поднялись и съ громкимъ крикомъ ринулись въ образовавшееся отверстіе.

Разорвавъ платье и ссадивъ до крови руку обѣ острый обломокъ камня, Александръ Васильевичъ однимъ изъ первыхъ очутился въ коридорѣ тюрьмы. Слѣдомъ за нимъ одинъ за другимъ карабкались анархисты.

Внутренній карауль, оглушенный и испуганный неожиданнымъ взрывомъ, не препятствовалъ сбратиться въ коридорѣ неожиданно появившемуся изъ-подъ земли непріятелю, и анархисты успѣли занять всѣ выходы и перестрѣлять перепуганныхъ солдатъ, не думавшихъ о сопротивленіи.

Они исполняли приказъ Дикгофа, который не велѣлъ щадить никого.

Пока шла эта стрѣльба въ обезумѣвшихъ людей, вскорѣ покрывшихъ своими трупами холодныя плиты коридора, въ запертыхъ камерахъ раздавались крики, какой-то нечеловѣческій вой и страшный стукъ въ двери.

Вся тюрьма стонала, кричала и стучала.

Заключенные инстинктивно чувствовали освобожденіе; въ крикахъ, шумѣ и выстрѣлахъ за дверми своихъ подземныхъ могилъ они слышали гимнъ грядущей свободы и выражали свое нетерпѣніе и сочувствіе неожиданному и неизвѣстному избавителю.

Кто бы онъ ни былъ, онъ не могъ быть имъ врагомъ.

Загремѣли желѣзные засовы, широко стали распахиваться тяжелыя двери, одинъ за другимъ появились изъ казематовъ недавніе узники. Среди нихъ были молодые люди, но съ сѣдыми волосами, постарѣвшіе въ ужасной тюрьмѣ въ нѣсколько дней на нѣсколько десятковъ лѣтъ, были бодрые и были искалѣченные пытками, болѣзнями и страданіями. Нѣкоторые изъ нихъ не могли ходить и выползали изъ своихъ норъ, но лица всѣхъ, и здоровыхъ и больныхъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, выражали радость...

Здоровые бросались въ объятія явившимся спасителямъ, среди которыхъ многіе встрѣчали родныхъ и знакомыхъ, калѣки махали руками, кричали привѣтствіе и вскорѣ грянула гимнъ свободы и „Анархія“, который пѣли нестройные, но полные радостнаго возбужденія голоса.

Этотъ гимнъ нарушили крики и рыданія сумасшедшихъ—ихъ было нѣсколько человѣкъ, поте-

рявшихъ разсудокъ въ этихъ подземныхъ могилахъ, и они убѣгали отъ своихъ спасителей, бросались на нихъ съ проклятіями, грызли руки, пытавшіяся ихъ схватить, чтобы увести изъ коридора въ подземный проходъ.

Какъ сумасшедшій метался по коридору и Александръ Васильевичъ. Въ толпѣ этихъ „воскресшихъ мертвцевъ“ съ радостно-безумными глазами онъ не видѣлъ Ани.

Страшное предчувствіе сверлило ему мозгъ.

— Ее убили, она умерла! — въ отчаяніи думалъ онъ, и съ его пересохшихъ губъ въ безумномъ крикѣ срывалось ея имя.

Вдругъ изъ полуутворенной двери камеры, на которой чернѣла цифра „17“, на него глянуло и знакомое и вмѣстѣ незнакомое лицо съ безумными глазами, прозрачное лицо живого мертвца, окруженное копною сбившихся золотистыхъ волосъ, которые спутанными космами падали на плечи.

Александра Васильевича словно ударило въ грудь. Онъ узналъ ее. Но это былъ призракъ Ани, и въ ея безумныхъ глазахъ отразилась не радость, а смертельный испугъ. Она не узнала его.

— Аня! — въ отчаяніи воскликнула онъ.

— Не подходи, палачъ! — воскликнула она, протянувъ руки, какъ бы собираясь оттолкнуть его и вся дрожа отъ охватившаго ее испуга. — Я тебя знаю! Я тебя знаю! — повторяла она, пятясь отъ него вглубь своей камеры. — Убийца! — крикнула она пронзительно.

Александръ Васильевичъ стоялъ какъ окаменѣлый. Послѣдняя мысль у него была, что „это

хуже смерти", и его охватилъ какой-то странный обморокъ, въ которомъ онъ могъ стоять, видѣть, но ничего не понималъ изъ окружающаго.

А на него смотрѣло безумными испуганными глазами животнаго лицо Ани, все удалявшейся въ сумракъ камеры.

Она уже не кричала, а ворчала какъ-то глухо:
— Палачъ! Палачъ!

Бесознательно Александръ Васильевичъ вытащилъ пистолеть, которымъ его снабдилъ Семенъ Ивановичъ, и приложилъ его къ виску. Безъ мысли, безъ чувства страха.

Онъ инстинктивно чувствовалъ, что долженъ умереть, и самоубійство явилось для него теперь простымъ, естественнымъ концомъ.

Но въ эту минуту сильная рука вырвала у него оружие.

— Безумецъ! — воскликнулъ Семенъ Ивановичъ. — Что вы затѣяли! Дорога каждая минута! Нужно уходить и взорвать тюрьму. Малодушіе — теперь лишать себя жизни! Товарищи! помогите взять ее! — крикнулъ онъ, бросаясь въ камеру Ани, куда за нимъ вбѣжали еще двое.

Александръ Васильевичъ видѣлъ, какъ Аня взмахнула руками, услышалъ ее дикій, безумный крикъ и ринулся къ ней, но его схватили подъ руки двое подбѣжавшихъ анархистовъ и повлекли къ тоннелю, въ отверстіе котораго прыгали радостные, возбужденные удачею люди, и куда здоровые уносили калѣкъ.

Аня билась въ рукахъ двухъ несшихъ ее дюжихъ рабочихъ и кричала какими-то тягучими

однообразными звуками, похожими на стоны или мычаніе животнаго.

Но ее несли бережно и на глазахъ Александра Васильевича опустили въ подземелье.

И когда они были уже далеко подъ землею, до нихъ глухимъ отголоскомъ донесся звукъ страшнаго взрыва.

Это была взорвана „Бастілія“.

Бывшіе узники провели цѣлый день на фабрикѣ, укрываясь въ строеніяхъ, но потомъ поодиночкѣ стали уходить въ коммуны и по домамъ, сбросивъ свои арестантскіе халаты; увели и больныхъ. Фабрика пустѣла, но Александръ Васильевичъ не зналъ что ему дѣлать, куда итти съ больною женою, которая упорно не узнавала его, хотя иногда бредила его именемъ.

Онъ поселился съ нею въ той же маленькой полуразрушенной комнаткѣ, въ которой жилъ передъ началомъ подкопа. Странная апатія овладѣла имъ. Несчастіе сломило его энергию и, если бы не Семенъ Ивановичъ, принявшій искреннее участіе въ его горѣ, онъ могъ бы второй разъ погибнуть на самоубійство.

Аню приходилось сторожить, не спуская съ нея глазъ. Она все порывалась бѣжать куда-то и въ довершеніе всего отъ дневного свѣта заболѣла глазами. Въ комнатѣ пришлось завѣсить окна. Мужа она попрежнему не узнавала, почти не спала и все время находилась въ тревожномъ состояніи и беспокойствѣ.

Александру Васильевичу стало казаться, что и самъ онъ сошелъ съ ума. Въ тѣ рѣдкіе часы,

когда она засыпала, и опущенные вѣки закрывали ея страшные безумные глаза, молча сидѣль онъ надъ нею и смотрѣль на ея исхудавшее и постарѣвшее лицо, на волосы, въ которыхъ серебряными нитями стала проглядывать сѣдина, и съ тупымъ отчаяніемъ старался возсоздать изъ этого лица прежній обликъ Ани.

Въ Москвѣ гудѣла стрѣльба. Тамъ происходило что-то грандиозное, но Александръ Васильевичъ оставался глухъ и слѣпъ ко всему, что не касалось его несчастной жены. Пусть тамъ революція, пусть тамъ восстаніе, пусть изъ кроваваго тумана въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ мира выйдетъ свобода—что ему было теперь до этого міра, до всего человѣчества.

Его міръ заключался теперь въ маленькой комнатѣ съ завѣшанными окнами, гдѣ онъ охранялъ живой трупъ прежней Ани.

Семенъ Ивановичъ сказалъ ему, что вскорѣ придется покинуть это убѣжище, но Александръ Васильевичъ посмотрѣль на него съ вялымъ равнодушіемъ.

Онъ не зналъ, куда онъ дѣнется со своей больной, но это было ему безразлично. Прежняя жизнь не могла вернуться, и Александру Васильевичу начинай грезиться одинъ лучшій конецъ—смерть вмѣстѣ съ женою... Онъ старался отогнать эту мысль, побѣдить ее, но она разгоралась все сильнѣе и сильнѣе.

— Есть у васъ какое-нибудь надежное мѣсто?— спросилъ его Семенъ Ивановичъ.

— Не знаю!— отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.

— Но вы говорили, что у васъ есть какое-то имѣніе, усадьба... Вотъ бы туда вамъ и поѣхать.

— Развѣ можно теперь знать, что у кого есть! Да и какъ я повезу туда больную? Пока мы выберемся изъ Москвы, настъ двадцать разъ могутъ арестовать...

Семенъ Ивановичъ задумался.

— Да, время тревожное,— сказалъ онъ, помолчавъ,— но нельзя сказать, чтобы было очень плохо. Революціонеры подготавливаютъ побѣду для насъ. Скоро они овладеютъ Москвою, и тогда мы заставимъ ихъ превратиться въ анархистовъ.

Но тусклые глаза Александра Васильевича краснорѣчивѣе всякаго отвѣта говорили ему, что для его собесѣдника теперь все равно, чего бы ни добились на землѣ люди.

— Тронулся малый,—рѣшилъ Семенъ Ивановичъ.—Придется повозиться съ ними обоими.

Онъ былъ очень озабоченъ. Фабрику, гдѣ оставался небольшой карауль, необходимо было бросать, готовилось активное выступленіе всѣхъ анархистовъ, и Семенъ Ивановичъ ломалъ голову, куда помѣстить Александра Васильевича и его жену.

— Чортъ побери, это труднѣе, чѣмъ провести подкопъ! Пусть устроитъ это Дикгофъ,—рѣшилъ онъ наконецъ и успокоился на этомъ рѣшеніи.

XIV.

З а р н и ц ы.

Какъ и нѣсколько недѣль тому назадъ, на дворѣ фабрики опять стояла „Анархія“, похожая на задремавшаго дракона со сложенными крыльями. Дикгофъ, серьезный и мрачный, большими шагами ходилъ взадъ и впередъ вмѣстѣ съ Семеномъ Ивановичемъ. Они говорили о чёмъ-то, и по разговору было слышно, что Дикгофъ волновался и горячился, чего съ нимъ почти никогда не случалось.

Была теплая, весенняя ночь. Пахло молодой, свѣжей листвой.

Аня спала, и Александръ Васильевичъ, оставивъ больную, вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ присѣлъ на скамью, возлѣ каменной фабричной стѣны, и равнодушно смотрѣлъ, какъ быстро двигались взадъ и впередъ темныя фигуры Дикгофа и его спутника.

— Говорить о свободѣ,—подумалъ онъ; и эта мысль о свободѣ поразила его холодной, безпощадной ироніей.

Для него теперь это слово представляло пустой безодержательный звукъ. Что значила теперь для него свобода, когда за стѣной лежала его искалеченная, превратившаяся въ идотку жена, когда въ себѣ онъ чувствовалъ только тупое равнодушіе къ жизни и бесконечную усталость?

— Свобода,—еще разъ подумалъ онъ и взглянулъ въ сторону города, откуда привыкъ слышать

грохотъ стрѣльбы. Тамъ борются за нее, тамъ льется кровь, и все это—добыча смерти.

Но въ городѣ было тихо, и эта странная тишина удивила Александра Васильевича.

Дикгофъ въ это время взошелъ на „Анархію“, и къ Александру Васильевичу подошелъ Семенъ Ивановичъ.

Почтенный техникъ казался смущеннымъ и взволнованнымъ.

— А мы говорили о васъ,—сказалъ онъ, стараясь овладѣть своимъ волненіемъ. — Дикгофъ предлагаетъ доставить и васъ и вашу жену на свое корабль въ вашу деревню, или хуторъ. А то можете остаться и въ Москвѣ: она теперь во власти революціонеровъ, и сегодня въ Кремль торжественно вѣхъялъ временный президентъ или диктаторъ. Теперь въ Россіи два диктатора: одинъ—правительственный, а другой революціонный. То есть теперь для Москвы послѣдній-то и есть правительственный. Скверно то, что отъ насъ нѣкоторые ушли къ революціонерамъ.

— Мнѣ все равно, — отвѣтилъ безразлично Александръ Васильевичъ.—Въ деревню, такъ въ деревню.

— И правильно,—похвалилъ его Семенъ Ивановичъ.—Здѣсь ненадежное и недолгое спокойствіе. Поднимаются соціаль-демократы, не будетъ драматъ и правительство. Въ этой борьбѣ партій не скоро, кажется, удастся завоевать настоящую свободу. И какъ разъ у насъ начался расколъ. Въ нашей партіи...

— Расколъ! — удивился Александръ Васильевичъ.

— Да, да! Это не приведетъ къ хорошему концу! Меня поразилъ сегодня, вотъ сейчасъ, самъ Дикгофъ. Онъ сошелъ съ ума! Это несчастіе, это ужасное несчастіе!

— Дикгофъ сошелъ съ ума! — переспросилъ Александръ Васильевичъ.

— Какъ ни относился онъ апатично ко всему окружающему, но это извѣстіе его поразило.

Семенъ Ивановичъ присѣлъ рядомъ съ нимъ на скамью и продолжалъ, уже не скрывая своего волненія:

— Сошелъ съ ума,—повторилъ онъ, и съ нимъ помѣшался весь экипажъ его воздушнаго корабля. Онъ хочетъ ни болѣе, ни менѣе какъ объявить себя императоромъ міра!

— Анархистъ — императоромъ міра?

— Дѣло не въ словѣ, не въ названіи, а въ фактѣ. Онъ хочетъ быть главою анархистовъ, несмѣняемымъ главою, и это ему можетъ удастся, благодаря его „Анархії“. А такъ какъ анархистамъ долженъ принадлежать весь міръ, то... вы сами понимаете, что такой „глава“ будетъ сильнѣе и могущественнѣе всякаго императора.

— Но какъ же онъ объясняетъ такое несоставѣтствіе со своими прежними взглядами и убѣженіями.

Семенъ Ивановичъ махнулъ рукою:

— Онъ сваливаетъ все на борьбу партій, на расколъ среди анархистовъ. Онъ пришелъ къ тому убѣждению, что только твердая единоличная власть, распространяющаяся на весь міръ, можетъ обеспечить людямъ полную свободу.

— Отъ анархіи, отъ отрицанія власти перейти къ неограниченному самодержавію, къ абсолютизму!—поражался все болѣе и болѣе Александръ Васильевичъ.

— Я отказываюсь понять это. Это дѣйствительно сумасшествіе, или это оборотъ колеса жизни, гдѣ одна точка, поднявшись до крайняго предѣла, вдругъ опустилась внизъ?

— Сумасшествіе! — рѣзко рѣшилъ Семенъ Ивановичъ.—Я такъ прямо сказалъ и ему. Пока наши идеалы и убѣжденія сходились, я подчинялся ему во всемъ, потому что онъ умнѣе меня. Но разъ онъ захотѣлъ взять въ свои руки власть, я ему не товарищъ. Я убѣжденный анархистъ и умру имъ. Я не вѣрю въ Бога, но если бы Богъ сошелъ на землю и взялъ въ свои руки земную власть, я пошелъ бы и противъ него. Онъ дунулъ бы на меня, и я бы погибъ, но онъ не могъ бы заставить не протестовать. Такъ я сказала и Дикгофу. Если онъ не откажется до завтра отъ своихъ словъ, я буду его врагомъ и начну собирать противъ него товарищей.

— И опять война... Кровь...—задумчиво произнесъ Александръ Васильевичъ.

— Такъ что же дѣлать-то? Что дѣлать?—почти съ отчаяніемъ вырвалось у Семена Ивановича.—Понявъ, ощущивъ, такъ сказать, идеалъ свободы, отказаться отъ него?

— Я не знаю,—тихо отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.—Я ничего не понимаю. И мнѣ кажется, что и никто не понялъ самаго главнаго. Прежде всего нужно изгнать съ земли страданіе. Тогда люди поймутъ настоящую свободу.

— А вдругъ и тогда явится это колесо, о которомъ вы говорили? — недовѣрчиво возразилъ Семенъ Ивановичъ. — Нѣть, выше идеала анархіи люди не придумаютъ ничего. Ахъ, еслибы вы знали... Дикгофъ пополамъ разорвалъ мое сердце!

Темная фигура спустилась въ это время съ „Анархіи“ и подошла къ нимъ. Это былъ Дикгофъ.

Онъ поздоровался съ Александромъ Васильевичемъ.

— Какъ вы рѣшили? — спросилъ онъ. — Семенъ Ивановичъ, вѣроятно, передалъ вамъ мое предложеніе.

— Передалъ, — коротко отвѣтилъ тотъ.

— Въ какой-нибудь часъ вы будете въ деревнѣ, въполномъ спокойствіи, которое необходимо для больной, — продолжалъ Дикгофъ. — Въ Москвѣ, вѣроятно, опять скоро начнутся тревожныя событія...

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Александръ Васильевичъ. Конечно, мнѣ лучше всего принять ваше предложеніе, хотя я положительно не знаю, какую пользу принесетъ ей деревня.

— Тогда готовьтесь... И пойдемте взглянуть на больную. Я еще не видѣлъ ея.

Александръ Васильевичъ неохотно пошелъ рядомъ съ Дикгофомъ. Онъ видѣлъ въ немъ одну изъ главныхъ причинъ несчастія своего и Ани, но не могъ отказать этому человѣку. Не могъ, даже если бы хотѣлъ.

Они вдвоемъ вошли въ комнату, гдѣ спала Аня.

Она лежала на грубо сколоченной постели, вздрогнула, когда Дикгофъ неосторожно хлопнулъ дверью, приподнялась и задрожала, какъ лихора-

доно больная, устремивъ на вошедшихъ свои огромные глаза.

— Палачъ! Палачъ! — пробормотала она, и вдругъ смолкла, встрѣтившись взглядами съ Дикгофомъ.

— Кто это? Кто? — вскрикнула она опять. — Она хотѣла спрыгнуть съ постели, но Дикгофъ удержалъ ее за руку, отстранивъ въ то же время бросившагося къ Анѣ Александра Васильевича.

— Подождите! — властно проговорилъ онъ. — Я попробую подѣйствовать на нее гипнозомъ.

Этотъ властный голосъ и дѣйствіе, какое онъ оказалъ на Аню, остановили Александра Васильевича. Въ немъ мелькнула какая-то несбыточная, сумасшедшша надежда.

Аня присмирѣла и сидѣла неподвижно, не отрывая своего взгляда отъ устремленныхъ на нее глазъ Дикгофа, и судороги на ея лицѣ выдавали мучительную работу ея больной мысли.

Такъ прошло нѣсколько долгихъ минутъ. Цѣлая вѣчность для Александра Васильевича.

— Ты будешь исполнять все то, что я тебѣ прикажу! — медленно произнесъ Дикгофъ. — Слышишь ты меня?

— Слышу, — совершило разумно отвѣтила Аня.

Дикгофъ снялъ съ руки кольцо съ огромнымъ опаломъ и приблизилъ его къ глазамъ Ани.

— И ты будешь слушаться того, у кого въ рукахъ этотъ камень. Слышишь?

— Слышу! — тѣмъ же тономъ отвѣтила Аня.

— А теперь спи! Я тебѣ приказываю спать!

И больная тотчасъ откинулась на подушку и закрыла глаза.

Александръ Васильевичъ былъ пораженъ. Тѣнь несбыточной надежды, промелькнувшей въ немъ, явилась опять, но уже свѣтлая, почти воплотившаяся въ увѣренность.

— Но вѣдь такъ ее можно вылечить! — воскликнулъ онъ.

— Я не совсѣмъ увѣренъ былъ въ опытѣ, но для того и произвелъ его передъ вами, чтобы вы могли вывести это заключеніе, — сказалъ Дикгофъ. — Такъ ее можно вылечить, только опыты нужно производить постепенно, все увеличивая время гипноза. Возьмите это кольцо. Оно дастъ вамъ власть надъ больною.

Съ глубокимъ волненіемъ взялъ Александръ Васильевичъ этотъ маленький предметъ, въ которомъ для него заключалось теперь все, и крѣпко пожалъ руку Дикгофа.

Словъ не было, да слова были бы теперь ненужными.

— Мы прикажемъ перенести ее сонною на „Анархію“ — сказалъ Дикгофъ, — и вы разбудите ее сами уже у себя дома. Пойдемте же!

Они вышли на дворъ и прошли мимо поднявшагося со скамьи и послѣдовавшаго за ними Семена Ивановича.

Дикгофъ не сказалъ ему ни слова.

Александръ Васильевичъ замѣтилъ, что между вождемъ и однимъ изъ его первыхъ помощниковъ пробѣжала черная кошка.

Трапъ былъ спущенъ. Александръ Васильевичъ и Дикгофъ вошли по немъ на палубу, гдѣ ихъ встрѣтили незнакомые Александрю Васильевичу люди.

Отдавъ приказаніе принести сонную Аню, Дикгофъ нагнулся черезъ перила къ стоявшему на землѣ Семену Ивановичу.

— Итакъ, вы не поняли меня — сказалъ онъ.

— Я остаюсь при прежнихъ убѣженіяхъ, — глухо отвѣтилъ съ земли Семенъ Ивановичъ — и жду этого и отъ васъ.

— Мои убѣженія все тѣ же, способъ исполненія другой.

— Я противъ этого способа.

— Значить и противъ меня?

— Да!

Это короткое слово убѣженного анархиста произвучало рѣшительно и гордо.

— Значить мы съ вами... — началъ было Дикгофъ.

— Враги! — смыло бросили ему снизу.

— Чѣмъ больше враговъ, тѣмъ ихъ будетъ меньше впослѣдствіи, — проговорилъ Дикгофъ. — Но я не считаю васъ врагомъ!

Отвѣта не послѣдовало.

Принесли непроснувшуюся Аню и осторожно спустили ее внизъ, въ каюту.

— Къ полету! — скомандовалъ Дикгофъ.

— Прощайте, Семенъ Ивановичъ! — крикнулъ Александръ Васильевичъ, и схватился за перила.

Воздухъ засвисталъ у него въ ушахъ, и фабрика съ ея дворомъ сразу точно провалилась внизъ, и передъ Александромъ Васильевичемъ развернулась туманная панорама Москвы.

— Да здравствуетъ незыблѣмая анархія! — крикнулъ внизу одиночный голосъ.

— Честный, но упрямый человѣкъ, — задумчиво произнесъ Дикгофъ. — Онъ, навѣрно, передаль вамъ нашу бесѣду?

— Да, — отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.

— Мое рѣшеніе неизмѣнно, — продолжалъ Дикгофъ. — Пока среди людей будетъ борьба партій, до тѣхъ поръ не будетъ свободы. Я возьму въ свои руки власть для блага всего міра, для объединенія людей и для ихъ свободы. Великая французская революція родила Наполеона, и въ его мысляхъ смутно рождался тотъ же планъ, что и у меня. Россія была могилой для Наполеона, для меня она будетъ колыбелью. Однако пойдемте внизъ: сейчасъ дадутъ полный ходъ — и нась снесетъ вѣтромъ.

Но Александръ Васильевичъ не могъ оторваться отъ чудной картины, открывшейся передъ нимъ. Въ немъ поднималось радостно-горделивое чувство человѣка, побѣдившаго воздушную стихію, и быстрый полетъ его въ ней казался ему какимъ-то волшебнымъ путемъ къ сказочному, недостижимому счастью и свободѣ.

XV.

Разгромъ.

Лѣто близилось къ концу. Это было страшное лѣто. Вся Россія, вся Европа были въ огнѣ. Мирная жизнь замерла. Старая Европа сотрясалась въ кровавыхъ попыткахъ сбросить ярмо вѣковыхъ устоевъ и прорваться въ новую жизнь. Но чѣмъ болѣе говорили о свободѣ, чѣмъ болѣе желали ея, тѣмъ она, точно на зло, становилась все отдаленнѣе и отдаленнѣе. Отуманенные люди въ своихъ поискахъ свободы, въ своихъ стремленіяхъ къ ней натыкались только на горы труповъ и потоки крови. И кровь ослѣпляла ихъ, опьяняла ихъ мысли.

Казалось, что свѣтлый духъ разума отлетѣлъ отъ матущейся земли.

Москва переживала вторую революцію: анархисты побѣдили соціаль-революціонеровъ, и главою ихъ, попрежнему, остался Дикгофъ. Его имя гремѣло.

Это имя произносили и со страхомъ, и съ уважениемъ, и съ негодованіемъ. Цѣлые области, цѣлые города онъ подчинялъ себѣ однимъ словомъ. Въ рукахъ правительства оставалась только свѣтлая часть Россіи и область, примыкавшая къ Петербургу. Эту область охранялъ воздушный флотъ аэроплановъ, не осмѣливающійся, однако, дать бой „Анархіи“.

Въ свою очередь и Дикгофъ медлилъ дать этотъ послѣдній рѣшительный бой. Онъ занять былъ устройствомъ сѣти новыхъ коммунъ и борьбою

съ внутренними препятствіями, на которых ему приходилось наталкиваться на каждомъ шагу.

Анархисты глухо роптали на притязательные стремленія своего вождя, составлялись заговоры на его жизнь, но Дикгофъ сурово каралъ этихъ противниковъ своей воли.

Ихъ ждала неминуемая смерть.

Смерть безъ пощады.

Сѣрая масса крестьянства также стала открыто противъ Дикгофа. Крестьяне хотѣли земли и воли, и на дѣло анархистовъ смотрѣли, какъ на сумасшествіе горожанъ, до которыхъ у нихъ самихъ не было дѣла.

По всей Россіи крестьянскія общины образовали отдельные крестьянскіе партизанскіе отряды, завладѣли землями помѣщиковъ и приготовились открыто защищать завоеванныя права.

Грозная крестьянская война, уже мѣстами начавшаяся, одинаково была опасна какъ правительству, такъ и анархистамъ.

И Дикгофъ медлилъ принимать какія-нибудь мѣры передъ этимъ новымъ и послѣднимъ препятствіемъ.

Напрасны были его манифесты къ крестьянамъ, объясняющіе имъ систему анархизма. Эти объясненія только разительнѣе подчеркивали, по сравненію съ анархіей, ту роль, которую онъ взялъ на себя. И крестьяне не вѣрили ему, что собственности не должно быть.

Громада крестьянской оппозиціи росла противъ Дикгофа.

Александръ Васильевичъ съ больною Аней жилъ въ деревнѣ. Его земля была раздѣлена ме-

жду крестьянами, которые выдѣлили ему равную со всѣми часть. Онъ самъ пахаль, самъ косилъ, самъ жаль, мало-по-малу превращаясь въ настоящаго землепашца. Физический трудъ помогалъ ему сохранять до извѣстной степени бодрость духа, которая такъ была ему нужна.

Онъ съ Аней жилъ въ маленькомъ домикѣ, въ усадьбѣ, гдѣ прежде была людская, и который онъ наскоро передѣлалъ. Сюда была перенесена часть мебели изъ большаго дома и фамильные портреты.

Большой барскій домъ былъ превращенъ въ общественный. Здѣсь собирались сельчане, здѣсь была библиотека и помѣщалась маленькая типографія газеты, которую издавалъ староста Кузьма Егоровичъ.

Однимъ словомъ, барскій домъ превратился въ крестьянскій клубъ.

Къ этому же дому собирался отрядъ волонтеровъ, на обязанности котораго было защищать владѣнія отъ непріятеля, съ какой бы стороны онъ ни появился; но эти сборы, по счастью, все время были безкровными, такъ какъ непріятель не показывался.

— Но вы увидите, какъ встрѣтить его крестьяне, если онъ покажется у насъ,— говорилъ Александру Васильевичу Кузьма Егоровичъ.— Къ намъ на помощь придутъ отряды изъ сосѣднихъ уѣздовъ, и Дикгофу наскъ не удастся сломить. Ему нужно будетъ положить десятки тысячъ жизней, чтобы мы признали его власть. Крестьяне сильны духомъ земли, и не Дикгофу бороться съ этимъ духомъ.

Аня почти безвыходно сидѣла въ маленькомъ домикѣ на попеченіи старой стряпухи, которая не захотѣла оставить бывшаго барина, и теперь сдѣлалась какъ бы членомъ его семьи.

Бурные припадки оставили Анию; она была теперь тиха и молчалива, превратившись какъ бы въ живой манекенъ. Употребляя чудодѣйственное средство Дикгофа, Александръ Васильевичъ почти все время держалъ ее подъ гипнозомъ. Она толково и разумно отвѣтчила на его вопросы, но по-прежнему не узнавала его, называя его Дикгофомъ.

Это имя больно отзывалось въ сердцѣ Александра Васильевича.

Аня поправилась и пополнила, къ ней вернулся ея нѣжный цвѣтъ лица, и только одни глаза оставались по-прежнему мутными и безжизненными.

— Она не поправится никогда,—съ тоскою думалъ Александръ Васильевичъ.

Но эту тоску, эту боль смягчало теперь вновь неизвѣданное еще имъ чувство.

Аня была беременна. Онъ готовился быть отцомъ. Появленіе новаго, таинственного пока, живого существа наполняло его какой-то боязливой радостью, новымъ счастьемъ и страхомъ.

Ему почему-то казалось, что непремѣнно рождается дѣвочка, похожая на Анию, и она составить счастье его жизни.

Отъ появленія этого ребенка онъ ждалъ чуда. Ему вѣрилось, онъ надѣялся, что подъ вліяніемъ материнскаго инстинкта, новаго пробудившагося чувства, къ Аней вернется разсудокъ.

И въ такія минуты ему начинало казаться, что она уже не безумная, что въ ея молчаливомъ спокойствіи кроется какое-то таинственное священнодѣйствіе,—рожденія новой жизни.

Такъ шли дни. Дни покоя, работы и страстнаго ожиданія. Буря, бушующая вокругъ, доносилась сюда смутными отголосками и не нарушала пока общаго покоя. „Духъ земли“ благотворно дѣйствовалъ и на Александра Васильевича.

Однажды Кузьма Егоровичъ сообщилъ ему неожиданную новость:

— Одного врага уже нѣть,—сказалъ онъ радостнымъ тономъ.—„Анархія“ взорвана и Дикгофъ погибъ при взрывѣ!

Александръ Васильевичъ былъ ошеломленъ:

— Побѣда правительства?—спросилъ онъ.

— Нѣть! Но это на руку правительству. Теперь оно справится съ горожанами. „Анархію“ взорвалъ анархистъ изъ оппозиціи къ Дикгофу. Какой-то техникъ. И самъ погибъ при взрывѣ, вмѣстѣ съ экипажемъ корабля и Дикгофомъ. Онъ подвѣль подкопъ подъ то мѣсто, на которое постоянно становилась „Анархія“ и взорваль страшную мину. Тайна Дикгофа погибла вмѣстѣ съ нимъ!

— Семенъ Ивановичъ!—мелькнула мысль въ головѣ Александра Васильевича.

— Теперь это нарушить то равновѣсие, въ которомъ находились обѣ стороны,—продолжалъ Кузьма Егоровичъ,—и правительство, благодаря воздушному флоту, возьметъ перевѣсъ.

— Но этотъ перевѣсъ грозить и намъ!—воскликнулъ Александръ Васильевичъ.

Онъ уже убѣжденъ считалъ себя теперь крестьяниномъ.

— Не думаю. Всѣ утомлены борьбою. Вѣдь тогда придется выдержать цѣлую крестьянскую войну. Правительство должно пойти на уступки. Не будемъ смотрѣть на будущее мрачно, но и не позволимъ взять себя врасплохъ. Вѣдь, вотъ, вы были противъ земельного раздѣла, а теперь,— крестьянинъ по убѣждѣнію.

Прошло нѣсколько дней, и пришла новая вѣсть: воздушный флотъ правительства взялъ Москву. Она представляла изъ себя кучи развалинъ, и болѣе чѣмъ изъ миллионнаго населенія, въ ней осталось не болѣе десяти-пятнадцати тысячъ жителей.

Анархисты защищались еще въ отдельныхъ городахъ, но это были послѣднія судороги еще недавно грандиознаго движенія.

Флотъ аэроплановъ крейсировалъ надъ всей Россіей; начались дни новой тревоги.

Кузьма Егоровичъ безпрерывно сносился съ крестьянскими общинами уѣзда, говорилъ о депутаціи отъ крестьянского союза, отправившейся въ Петербургъ, но теперь всѣ эти жгучие и близкіе когда-то Александру Васильевичу вопросы сразу отодвинулись для него на задній планъ.

Онъ сталъ отцомъ. Аня родила сына. Роды были трудные, хотя докторъ, крестьянинъ сосѣдняго села, оказался очень знающимъ акушеромъ.

Вся жизнь Александра Васильевича заключалась теперь въ стѣнахъ маленькаго домика, въ которомъ бились двѣ дорогія ему жизни.

Онъ не отходилъ отъ Ани и отъ ребенка, засыпая тутъ же, на полу, на охапкѣ душистаго сѣна.

Аня съ страстью животной нѣжностью относилась къ ребенку, съ трудомъ позволяла брать его изъ ея рукъ, тревожилась когда не видѣла его подлѣ себя.

И въ ея глазахъ Александръ Васильевичъ видѣлъ проблески чего-то новаго, нѣжнаго и свѣтлаго.

— Она выздоровѣеть! Она выздоровѣеть!—съ упорной, молчаливой вѣрой думалъ онъ.

И она очнулась. Она выздоровѣла. Ночью, когда онъ спалъ, она позвала его, назвавъ по имени.

— Саша!—услышалъ онъ.

Онъ вскочилъ, дрожа отъ волненія, боясь, не ошибся ли онъ.

Но она лежала спокойно и смотрѣла на него широко раскрытыми, просвѣтлѣвшими глазами.

— Саша!—назвала она еще разъ.

— Аня! Ты... ты.

Не было словъ для чувства, охватившаго его. Не могло быть этихъ словъ на языкѣ человѣческомъ.

— Саша,—сказала она опять.—Я вспомнила все. Кажется, я умираю.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты не умрешь. Ты не должна умереть!—Я вырваль тебя отъ смерти и не отдамъ ей... никогда!

— Дай мнѣ руку!—тихо прошептала она.— Вотъ такъ, какъ прежде. Люби его,—показала она глазами на спеленатаго ребенка.

— Аня!

III. 8939.

— 236 —

Онъ не твой сынъ, но пусть онъ будетъ твоимъ сыномъ.—Голосъ ея оборвался, и она вздохнула тяжело и глубоко.—Тамъ... въ тюрьмѣ... насилино... сколько мученій...

Она замолкла, и только ея тонкіе пальцы трепетали въ его рукѣ.

Разомъ просвѣтлѣло въ душѣ Александра Васильевича; онъ понялъ, какую тяжесть снималъ съ Ани, и не колеблясь, отвѣтилъ:

— Аня, онъ—мой сынъ! Я люблю его такъ же, какъ и тебя.

— Если я умру, воспитай изъ него мстителя,—тихо прошептала она.

— Аня! Мы вмѣстѣ воспитаемъ изъ него человѣка съ непоколебимой вѣрой,—отвѣтилъ онъ.

КОНЕЦЪ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. В. К Л Ю К И Н А,

Москва, Моховая ул., д. 26,

между прочими продаются слѣдующія книги:

Алексѣевскій. Справочная книга для фабрикантовъ, заводчиковъ и владѣльцевъ промышлен. заведеній. Изд. 2-е. М. 99 г., ц. 3 р.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М. 94 г., ц. 1 р.

Альбовъ, М. и Баранцевичъ. Вавилонская башня. Исторія возникновенія, существованія и паденія одного фантастического общества. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Съ 20 рис. М. 96 г., ц. 2 р.

Альбовъ, М. И. Тайна Мамаева. Романтич. исторія. М., ц. 1 р.

Аннэ. Руководство для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Съ рисун. и табл. Изд. 3-е, дополн. М. 1905 г., ц. 1 р.

Арбузовъ, С. Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминанія бывшаго слуги гр. Л. Н. Толстого, съ дополн. біограф. данныхъ изъ другихъ авторовъ. Съ портр. М. 904 г., ц. 60 к.

Ауэрбахъ. Три единственныхыя дочери. Пов. М., ц. 50 к.

Ауэрбахъ, Б. Собр. соч. 6 т., ц. 6 р. 50 к.

— Т. 1, 2, 3. Дача на Рейнѣ. Ром. М. 1903 г., ц. 3 р. 50 к.

— Т. 4. Вальфридъ. Ром. М. 901 г., ц. 1 р. 50 к.

Ауэрбахъ Т. 5. На высотѣ. Р. М. 901 г., ц. 1 р. 50 к.

— 6. Деревенскіе разсказы. М. 901 г., ц. 1 р. 25 к.

Баранцевичъ. „Лѣсъ“. Съ рисунками. М. 99 г., ц. 40 к.

— Уголокъ души. 40 разсказ. С маты. М. 900 г., ц. 1 р.

— Птица небесная, ц. 1 р.

Беллами. Будущій вѣкъ. (Черто лѣтъ). Ром. Перев. съ англ. 900 г., ц. 75 к.

Беме, М. Дневникъ падшей женщины. М., ц. 1 р.

Бибиковъ, И. М. Горькій, какъ драматургъ. И. Мѣщане. II. На днѣ. Рисунки. М. 903 г., ц. 35 к.

Биндеръ. Гигіена половой жизни. 902 г., ц. 40 к.

Борисъ, Робертъ. Стихотв. въ первыхъ русскихъ поэтахъ съ біографическими очерками и портрет. 97 г., ц. 40 к.

Бретъ-Гартъ. Калифорніские разсказы, очерки и легенды). Изд. М. 900 г., ц. 1 р.

Бульверъ, Э. Кола-ди-Риенци. Посланикъ трибун. Истор. ром. М. 95 ц. 1 р.